

Дан Берг

Йошуа

Вступительное слово автора

Настоящая повесть включает в себя два параллельно развивающихся сюжета. В первом отражены деяния древнего библейского героя Йошуа бин Нуна, второй посвящен жизни определенной части современного израильского общества. Сюжеты связаны между собой как именами главных героев, так и некоторыми общими идеями далеко отстоящих друг от друга эпох.

Рождение и смерть Йошуа бин Нуна принято относить приблизительно к 14-15 векам до нашей эры. Связанные с его именем чудеса, подвиги и завоевания описаны в Библии, им уделено значительное внимание в Талмуде, они нашли отражение в религиозной литературе христианства и ислама. Предания об Йошуа стали замечательным источником вдохновения для всех искусств от былых времен до наших дней.

В современном сюжете использованы материалы израильских новостных сайтов “Walla! NEWS” и “Ynet”. Возможно, отдельные эпизоды сходства вымысла и реальности вызовут читательское неудовольствие. Сочинители литературных произведений имеют похвальную привычку делать предупреждение о случайном характере совпадений. Не обладая благоразумием коллег, автор настоящей повести решительно заявляет, что избегал случайностей всякого рода.

Автор старался придать русскому звучанию собственных имен максимальное фонетическое родство с их произношением в первоисточнике на иврите. Введены вымышленные персонажи. Цитаты из Библии даны в переводе под редакцией Давида Йосифона.

Дан Берг

Глава 1

Исполин выходит на подмостки истории

1

Колоссален вклад великого Моше в легендарную историю иудейского народа. Как не сыскать сосуда, коим можно вычерпать море, так в целом мире не хватит чернил и бумаги, дабы записать все достоюдолжные оды во хвалу и во славу вызволителя из неволи. Колесницей деяний благодарного раба своего правил Господь, но и на земле у Моше были доблестные соратники. Об одном из них – Йошуа бин Нун имя его – пойдет речь в настоящей повести.

Йошуа вписал свои подвиги в анналы человеческой памяти. Начав лучшим учеником Моше и ближайшим его сподвижником, он продолжил ступать по нетленным листам преданий. Достойный воспитанник неуклонно шествовал путем наставника. Они вместе начинали борьбу за место под солнцем для народа-избранника. По смерти Моше, возмужалый Йошуа возглавил ратоборство иудеев и много преуспел, завоеывая дарованный Всевышним край.

Вовек не переведутся толкователи деяний героя, упрекающие его в жестокости и нетерпимости. И не убудет ученое умствование, объясняющее и оправдывающее поступки Йошуа дикостью древних нравов. А ведь как всё просто: он действовал по воле Всевышнего! Заповедь Господа всегда справедлива и безупречно моральна, ибо она есть Его веление. Людям ли, милостиво удостоенным Скрижалей Завета, указавших на грань меж добром и злом, людям ли, самонадеянно величающих себя венцом Творения, людям ли судить о чистоте помыслов Создателя?

Есть нынче в земле Ханаанской богобоязненные адепты простой веры, не берущие под сомнение основы и следующие путем Ветхозаветного предтечи своего. Таких меньшинство. Так ведь избранных из избранных и должно быть мало! Зато в сердцах окружающего их большинства горит и не гаснет огонек солидарности.

Сегодняшние продолжатели деяний Йошуа живут поселениями в начертанных Господом пределах. Окруженные подлежащими изгнанию враждебными чужаками, они отважным своим примером раздвигают границы страны, зажигая фантазию обывателей, личность коих прячется, а нутро не видно глазу, но при этом они не окончательно потеряны для исполнения заветов Всевышнего.

Славные преемники Йошуа клянутся людям и Богу закончить дело вдохновителя своего, прожившего долгую жизнь побед и разочарований.

2

Известно миру, что Моше выводил народ израильский на свободу из египетского плена. Но не в одиночку вершил вожак эпохальную миссию. Случались и у него минуты упадка духа, и тогда он опирался на сподвижника Йошуа, что крепил сердце его. Моше был вождем и учителем, Йошуа – полководцем и пророком. В те судьбоносные времена более всего нужен был народу гений войны, и потому Бог зажег в душе Йошуа искру таланта воителя.

Сотни тысяч людей, большинство из которых вчерашние невольники, вышли на свободу, и радовались ей, и боялись ее, и не знали, как ею распорядиться. Йошуа-то знал, ибо Всевышний наставлял его, да вот беда – как управиться с анархичной толпой рабов, не ведающих радости вольного труда, не умеющих за себя постоять и врага сломить? “Чем дороги

мне люди эти? – спрашивал себя Йошуа и легко находил ответ, - во-первых, они наши, свои то есть, а во-вторых, коли Бог избрал народ сей, а Он не ошибается, стало быть, надлежит мне вести их путями Господними!”

Сверхзадача Йошуа – руками народа своего завоевать землю, Богом назначенную. Для этого нужно сражаться и побеждать. А освобожденные из векового плена к войне не привычны и к дисциплине не приучены. Упоение доблестью и величие геройства не ведомы им. Надеются на чудеса, а не на силу духа и тела. Едва владеют оружием, да и мало его, а которое есть – худое.

Йошуа, однако, не сомневался в успехе. Как человек мирской, он знал, что воюют не только умением, но и числом, особенно, ежели последнее против вражьего не в пример превосходяще. Племена, прибравшие к рукам Ханаанскую землю, были хоть и искусны в бою, но малочисленны против иудеев. Как человек Божий, он безраздельно верил в подмогу Господа, да и нельзя забывать, что всякий выходец из страны рабства не чужд упования на чудеса. Соединяя в себе достоинства земные и небесные, наделенный харизмой агитатора, Йошуа рассчитывал вселить в робкие сердца соплеменников мужество и твердость веры. Недостававшую малость доставит время: умение воевать дается опытом, а инструменты войны – всего лишь трофеи.

3

Выйдя из Египта, утомленные суровым испытанием, многочисленные толпы народа следовали за Моше и Йошуа по пустынной и сухой местности Син. Блеял и ревел отошавший скот, люди выбивались из сил, плакали женщины, роптали мужчины, немало стариков и младенцев остались лежать в той земле. Вот, наконец, показалось укрытое от злых ветров место, Рыфидим его называют. Сели на землю и камни, перевели дух, решили расположиться станом.

Вот, наконец-то появилось укрытие от сухих вихрей, и тень нашлась, да воды не было. Всё, кажется, обыскали – не обнаружили влагу. Иудеи возвысили голос: “Моше виновник несчасть, это он увел нас с насиженного места, видно задумал погубить народ!” Увы, сие не выдумка. Чернь прозаична и бездуховна, невежественна и неблагодарна. Свойства эти возрождаются в каждом новом поколении, и не усваивается урок.

Прежде и всегда, лишь вмешательство Господа спасало пророка от расправы соплеменников. Дабы иудеи не побили Моше камнями, Бог научил раба своего, как с помощью посоха добыть влагу из скалы. Трепетными руками Моше ухватил клюку и ударил ею по камню, и избыточно хлынула вода. Люди утолили жажду, водрузили котлы над огнищем, напоили скот. Вождь вернул доверие народа. Чудо – лучший аргумент для толпы. Йошуа наблюдал, как спасался учитель, к себе примерял.

Рыфидим оказался недурным местом для лагеря. Люди отдохнули, насытились, возвели шалаши, вспомнили о любви. Йошуа жил несколько на отшибе в просторном шатре. Он мог в тиши учить Тору или обдумывать неминуемую вскорости кампанию. Он не был женат, сей крепкий мужчина. Дорогой его сопровождали две особы женского пола, имена которых история не сохранила для потомков. В благостном Египте состоятельный Йошуа возвел для каждой из женщин отдельный дом. Суровый Рыфидим мало доставлял чувственной неги. Наложницы ютились в крайне скромных теремах-шалашах, но по-прежнему врозь – так хотел их чуткий душою повелитель.

Неподалеку от Рыфидима обитало племя амалекитян. По имени народа звался царь – Амалек. То были умелые бойцы, знавшие толк в ратном труде, и армию свою монарх оснастил лучшим египетским оружием. Йошуа сознавал неизбежность столкновения и весьма опасался военного

мастерства врага, но уповал на свой талант вдохновителя сердец. Обходного пути не было, а нужда ум острит.

Впереди израильтян летел слух о том, что Бог ведет своих избранников в землю Ханаанскую, и жившие там народы невольно и заранее питали вражду к будущим покорителям. Среди прочих племен амалекитяне отличались особой непримиримостью к иудеям. Почему именно они – нам не известно доподлинно, хотя некоторые из знатоков утверждают, будто ненависть Амалека унаследована им от обманутого Эсава. Мнение это логично и вполне правдоподобно, но фактического подтверждения ему пока нет.

4

“И пришел Амалек, и воевал с Израилем в Рыфидиме” – сказано в Писании. Управлять боем Моше назначил Йошуа. На первый взгляд такое решение выглядит совершенно естественным, не требующим специального обоснования. Однако проницательный ум талмудистов разглядел серьезную причину, побудившую Моше поступить именно так, а не иначе. А сейчас нам необходимо проследить за ходом боя.

Место предстоящего сражения ограничивалось с двух сторон скалами. Узкое пространство между ними одним краем упиралось в покрытые кустарником холмы, а противоположный выход из ущелья смотрел на пустыню, по пескам и камням которой пришли сюда израильтяне. Йошуа подумал, что замкнутость поля боя выгодна сильному и губельна для слабого, при этом исход битвы не мог быть ни компромиссным, ни отложенным до следующего столкновения – либо торжество, либо крах. Да разве терпимо половинчатое исполнение Божьей миссии? “Тем лучше, - сказал себе Йошуа, - отсутствие выбора добавит решимости. Превосходя врага числом, мы за ценой победы не постоим!”

С командирской искусностью, Господом ему внушенной, Йошуа расставлял отряды бойцов перед сражением. Множество лучников взобрались на скалы и притаились за камнями и в щелях. В высоком кустарнике на холмах военачальник разместил весьма солидный резерв. Со стороны пустыни в овраге скрылась засада – конный отряд, увы, невеликий, ибо слишком мало боевых лошадей насчитывало войско иудеев. Внизу, меж основаниями скал, Йошуа разместил пехоту. Один меч и одна дубина на двоих. У кого-то есть копье, у другого щит в руках, ноги босы, груди и спины не ограждены латами, головы не укрыты шлемами.

Накануне сражения Моше созвал старейшин, и Йошуа держал речь перед сходкой. Он произнес все зажигательные слова, бывшие в голове его, и обязал начальников народа вселять мужество и веру в колеблющиеся сердца: пусть вчерашний раб примет закон чести человека свободного: если не победа – то смерть! Моше добавил, что в трудную минуту Бог не оставит народ Его на растерзание врагу. В этом пункте Йошуа ощутил некую логическую трудность, ибо земная отвага и небесное вспоможение – две вещи, взаимная обусловленность которых и первичность какой-либо из них, он не уяснил вполне. Ухватиться за нить и распутать клубок предстояло ему в шатре учения. Ещё одна печаль томила его. Развернутую им на дне ущелья босоногую пехоту он обрекал на гибель. Ее роль в сражении была жертвенна, громадна и жалка вместе – слабостью своею заманить врага и умереть. “Такова война, - успокаивал себя Йошуа, - взыщет души с одних ради жизни других”.

Пренебрегая смертельной опасностью, Йошуа задумал занять начальничью позицию в рядах пехоты, манифестируя личный пример отваги, но Моше решительно воспротивился, отвергая показной риск, и настоял на прагматическом расчете: жизнь полководца есть первейшее условие успеха боя. Подчиняясь разумному настоянию, Йошуа расположил командирский пост на склоне холма вдали от выхода в пустыню, откуда ожидали появления амалекитян. Воевода

окружил себя отрядом охраны, вдоль поля сражения расставил громкоголосых глашатаев для возвещения приказов.

Моше предвидел, что бой будет тяжким, и никак не обойдутся иудеи без подмоги Всевышнего. Вождь и учитель намерен был употребить свой авторитет в глазах Бога и просить Его облегчить победу Израиля и умерить елико возможно жертвы среди народа-избранника. Моше взошел на скалу для молитвы, и с ним два соратника – его старший брат Аарон, что в последствии будет помазан в первосвященники, и роль которого в истории общеизвестна, и с ним доблестный Хур. Если происхождение последнего до сих пор рождает споры в ученой среде знатоков Торы, то его благодеяния бесспорны.

5

До ушей иудеев донесся из пустыни грозный рев труб. От страха похолодело нутро неискушенных в боях ополченцев, как услышали они грохот барабанов и топот тысяч копыт. Вот они, грозные амалекитяне, лютые враги израильтян! Ровные колонны. В середине образцового строя гордо покачивались в седлах конники, вооруженные мечами, щитами и пиками, на флангах гиганты-верблюды несли на своих спинах стрелков из лука и копьеносцев. Латы берегли тела бойцов и животных.

С громом и помпой враг вторгся в ущелье. Йошуа издал воинственный клич. Лучники и пращники принялись забрасывать амалекитян стрелами и камнями. Те твердо держали строй, умело обороняя себя щитами и не неся потерь. Восседавшие на высоченных верблюдах всадники посылали меткие стрелы через головы своей кавалерии и ранили и убивали неопытных израильских пехотинцев.

Йошуа распознал начало паники в рядах пеших бойцов. Полководец скомандовал отступить. Так он предупредил беспорядочное бегство своих необурых ратников и вместе с тем приступил к исполнению задуманного накануне хитрого плана. С победными кликами амалекитяне стали теснить пехоту в сторону холмов и все дальше продвигались вглубь ущелья.

Тем временем Моше, видя неблагополучный ход боя, воздел руки к небу и принялся горячо просить Господа вмешаться и не допустить катастрофы. Нет сомнения, молитва Моше была услышана, и стрелы израильтян стали опаснее, и первые убитые враги повалились на землю, и бой выровнялся. Похоже, умеренность помощи Всевышнего говорила за то, что желал Он, дабы иудеи больше уповали на свои силы, набираясь опыта, и меньше надежд возлагали на милость небес. Бог как бы намекал людям, что глупо просить у Него то, что они могут доставить себе сами.

Нелегко часами стоять на молитве, а Моше уж не молод. Он невольно опустил онемевшие руки, и тут же ободрился Амалек и вновь стал теснить израильтян. Моше нетерпеливо поглядел на спутников, как бы говоря строгим взором, мол, пора и вам начать трудиться. Тут Аарон и Хур с разных сторон подхватили руки Моше, и подняли их, и так держали до конца битвы, и кормчий иудеев снова воззвал к Господу, и вернулось ненарочитое, но осязаемое на поле боя небесное подспорье.

Настало время принесения жертвы. Йошуа приказал лучникам на скалах умерить пыл и побережь стрелы. Почувствовав мнимую слабость противника, амалекитяне ринулись вперед, смяли и перебили обреченную пехоту иудеев, но при этом подошли вплотную к холмам, где располагался скрытый за кустарником и бездействовавший до сих пор резерв. Расстояние меж противоборствующими сторонами сократилось до дальности полета стрелы.

“Иудеи! Отомстим за гибель братьев!” – взревел полководец, и глашатаи разнесли по полю боя веление часа. Вооруженные луками, копьями, мечами и дубинами, резервные отряды стремительно бросились навстречу самонадеянным амалекитянам и немудреным своими оружием яростно язвили всадников, коней, верблюдов. Тысячи стрел полетели со скал во врага. Хоть одна из дюжины несла смерть, и это был неплохой счет. Моше уразумел подстроенную Йошуа ловушку, и возликовал, и к горячей мольбе прибавил слова благодарности Господу, вселившего блестящую затею в голову полководца.

Дрогнул Амалек, попятился назад. Смешались, нарушились строгие колонны, обратился в хаос горделивый строй. Всадники развернули коней и верблюдов к выходу в пустыню. Йошуа не препятствовал отступлению врага, ибо в овраге у входа в ущелье, где он укрыл засаду, ждали приказа вступить в бой истомившиеся бездействием конники.

Кавалерия выбралась из оврага и бросилась на отступавшего врага, приведя его в замешательство. Спустились со скал лучники и пращники, к ним присоединились отряды резерва, и все вместе погнало противника в пустыню. Отличное оружие и военное мастерство по-прежнему были на стороне амалекитян, но дух их был сломлен. А неумелые, но воодушевленные близкой победой иудеи торжествовали и вдохновенно истребляли неприятеля.

Моше призвал к себе Йошуа и передал ему волю Всевышнего – безжалостно уничтожать злейших ненавистников иудеев. Не зная пощады, герои преследовали, настигали и убивали. Не в пример языческому врагу, имевшему обыкновение глумиться над трупами убитых противников, иудеи гуманно лишали жизни раненых амалекитян, дабы остановить муки истекающих кровью, так как некому было их целить, и рабы избранникам не нужны. Обращению с верблюдами вчерашние беженцы не были обучены, и посему огромных животных ждала та же участь, что и раненых амалекитян. Кони и оружие превратились в трофеи и поменяли хозяев.

Моше по слову Господа выстроил жертвенник в знак победы при Рыфидиме и советовал Йошуа записать в Книгу вечности перипетии славных событий. Возможно, Йошуа последовал совету Моше, хотя достоверно не известно нам, чья рука внесла в Писание историю торжества Божьего замысла. Зато мы знаем доподлинно, что полководец Йошуа самолично начертал пророчество, изобразив дальнейшие завоевания свои, речь о которых впереди.

Глава 2

Восторг упоения

1

По окончании молитвы Йошуа первым вышел из ворот синагоги. Хотелось немного одиночества. Утреннее субботнее богослужение разлило благостное умиротворение в молодой его душе. В дни буден то тревожно смятенная, то рвущаяся в высоту, то опутанная рутиной суеты, по субботам она блаженно окуналась в тихие воды безмятежности. В самом себе найдешь покой.

Йошуа поднялся на вершину холма – самая высокая точка в поселении, да и во всей округе – и умиленно смотрел вокруг. Внизу раскинулся родной его Бейт Шем, вдали – просторы земли Ханаанской.

Прохладное февральское утро. Недавний ночной дождь зачернил красные и серые кирпичики тротуаров. Робкое солнце уже выглянуло, но еще не успело высушить мокрую листву. “Какой

глубокий, легкий воздух в наших древних горах - подумал Йошуа, - куда как лучше морского – тяжелого и липкого. Да разве воздух бывает глубоким? Не знаю, я лишь пытался облечь в слова глубину, а, может, высоту любви моей к полученным в дар просторам! Удачное сравнение освежает ум”.

Облака побелели, скукожились, поднялись высоко, открыв живость небесной голубизны. Иссиня серый цвет повис меж небом и землей. В конце зимы слаба еще зелень на холмах. Склоны испещрены крупными пятнами округлых валунов. Камни поменьше издали кажутся точками, они разбросаны по обочинам дорог, и находится им применение.

Далеко-далеко, насколько хватает глаз, различимы сбившиеся в малочисленные стаи кубики жилищ. Недавно выросшие, крошечные пока, но крепкие ядрышки верности Высшей воле, прочно угнездились они на завещанной земле и год за годом, миля за милей, дунам за дунамом, дом за домом, продвигаются на север, на юг и на восток. Бейт Шем – ветеран среди поселений, за сорок ему, он вдвое старше Йошуа. Добрых три тысячи жителей – мощное дерево с глубокими корнями, несокрушимым стволом и широкой кроной. Старый крепкий дуб помогает новым слабым побегам выстоять среди вражды чужих и невежества своих.

Взгляд Йошуа скользнул вниз. Бордово-бурые крыши. На каждой виднеется прямоугольник солнечного нагревателя воды. В этих краях светило небесное щедро шлет на землю тепло, малую часть которого жители употребляют утилитарно, следуя духу злободневных идей прогресса, при этом укорачивают языки насмешникам, бездоказательно выставляющим поселенцев такими обскурантами, увязшими в архаике. С другого фланга шипят ретрограды от веры, мол, прогресс – дело рискованное и двусмысленное. Однако отвергать его есть такая же нелепость, как не признавать силу тяжести.

Каменные дома хоть и двухэтажные, но не кажутся слишком просторными населяющим их многодетным семействам. Зелень во дворах и на улицах заботливо подстрижена. Чистота и благолепие царят здесь повседневно, а уж в субботу – и подавно! Йошуа с теплом смотрит сверху на двор ближайшего дома. Двое пацанов уселись по краям доски, привязанной цепями к перекладине, и попеременно взлетают в воздух и, должно быть, визжат от страха и восторга, да голосов издали не слышно. Девчонка в нарядном субботнем платье возится в песке. Молодая женщина в чепце держит на руках младенца. К воротам подходит отец семейства – вернулся из синагоги с утренней молитвы.

Йошуа глядит на идиллию молодой семьи, и мысли его невольно обращаются к самому себе. Уж третий десяток пошел, а все еще холост. Он знает, отец и дед хоть и помалкивают, но не одобряют затянувшегося холостячества. Про мать Хаву и бабушку Рейзу-Ривку и говорить нечего – огорчены, шепчутся меж собой, строят догадки. К тому же прописано: нехорошо быть человеку одному, и нужна подмога в жизни. Есть у Йошуа зазноба, и он любим ею, да заморочка на пути. А если приземлиться и уподобиться горожанам, дышащим липким морским воздухом, то, выходит, рано ему жениться, ведь он солдат в армии обороны Ханаана и одновременно студент в отцовской ешиве, а всего враз не объять, хоть и молод.

Практическая сторона грядущего не тревожит его. Живет он в Бейт Шеме с отцом и с матерью. Семья хоть и небогата, а свой дом после женитьбы непременно будет ему, и нужды он не узнает. Как-то раз празднично спросил Йошуа у главного поселенца, как так выходит, что двухэтажные храмины доступны даже бедным, ведь, небось, цена им немалая? Убеленный бородой староста добрыми глазами поглядел на юношу, ласково потрепал его по волосам и сказал, мол, Бог любит свой народ. Йошуа не обиделся на уклончивый ответ – видно, не дорос до важных секретов.

Впрочем, суббота не для суетных мыслей. Йошуа вновь перевел взгляд вдаль. Как славно! Еще немного полюбоваться расцветающей страной, потом спуститься к себе, усесться с книгой во дворе, привычно вчитываться в подвиги прошлого и мечтать о доблести будущей. “Вот она, земля, дарованная народу моему, - размышлял юноша, - да нет же, я вижу лишь малую толику ее! Я и поколение мое будем тверды и мужественны, и обретем заповеданное, и не пощадим встающих на пути, и встретим Спасителя!”

2

Взволнованный величиной реальной перспективы, Йошуа совершенно отдался благородному чувству любви к завещанной стране и потому не сразу услышал скрип гравия на тропе, ведущей к вершине холма. Он оглянулся. Отец и дед поднимались к нему, приветливо улыбаясь. Утром они втроем сидели рядом у почетной восточной стены синагоги и вместе пели молитву. Молодая жажда действия одного, зрелое сознание абсолютной правоты второго и, наконец, мудрость патриарха-зачинателя полнили согласные сердца. Миссия всякого поколения – по свойству его.

Йошуа обожал деда и высоко чтит отца. Только час миновал, как он спешно покинул молельный дом, дабы помечтать в одиночестве, а уж успел соскучиться по своим. Дед и отец шли медленно под руку. Старику тяжело давался подъем. В будние дни он пребывал, как правило, в своей столичной квартире, занятый сочинением книг – преклонные лета добавили уму ясности и новых идей – а для встречи субботы любящий сын иной раз привозил престарелых отца и мать к себе в Бейт Шем. Обрадованный Йошуа кинулся навстречу, взял старика за свободную руку, и все вместе взошли на вершину холма и с привычным упоением хозяев принялись смотреть вокруг, отодвигая взглядом горизонт до дальних недоступных глаз пределов.

Убеленный благородными сединами, патриарх Аврам-Ицхак дошел до края жизненного пути, подарив человечеству переворотное учение о смысле бытия людей на земле и о вселенской роли избранного Богом народа. Даже виднейшие из раввинов времен его молодости и зрелости усматривали в каббале некую элитарную абстрактную науку для немногих. Но лишь пронизательный ум Аврама-Ицхака разглядел за мнимой мистикой каббалистических постулатов простую явь бытия. Слова должны быть увенчаны делом, которое станет их воплощением. Мысль теоретика осветила путь деяниям практиков.

Цви, сын Аврама-Ицхака и отец Йошуа, стал тем деловым человеком, который приложил доктрину к жизни. Он основал ешиву в Бейт Шеме и взрастил в стенах ее плеяду адептов нового учения. Его воспитанники убедительно доказали миру божественную необходимость завоевания и освоения избранным народом земли Ханаанской и сделали первые шаги на судьбоносном пути.

Новое поколение, к которому принадлежит юный Йошуа, решительно и непреклонно идет намеченной отцами и дедами тропой. Энергия и запал молодости делают несомненные успехи, следуя древним книгам и новому учению, отбрасывая лицемерное прекраснодушие ради высокой цели. “От пустыни и Леванона до реки Перата...” – воскликнул Цви. “До великого моря будут пределы наши!” – подхватил Йошуа слова отца.

Дед, отец и сын спустились вниз. Утомленный Аврам-Ицхак прилег с устатку. Цви уселся в кресле напротив, меж ними завязалась неспешная духовная беседа. Йошуа, как и задумал, расположился в шезлонге во дворе дома и окунулся в фолианты. Да, он любил книги, в особенности те, что трактуют Книгу, предельно кратко написанную. “Непреходяще значение сего лаконизма, - делал вывод Йошуа, - ведь немногословно – значит, общо, следовательно,

будущим поколениям дарован простор созидания. Неконкретность и разноречивость первоистока тысячелетиями помогает знатокам толковать его по зову времени и места”.

Этими мыслями Йошуа поделился с отцом и дедом. Цви выслушал сына неодобрительно и остерег от богохульства. А дед был доволен. Аврам-Ицхак потрепал внука по щеке, похвалил за самобытность ума.

В этот субботний день припало Йошуа почитать о подвигах Йошуа. Он задавался животрепещущими вопросами и искал книжные ответы. Отчего Моше сам не возглавил бой с Амалеком, а возложил эту миссию на лучшего своего соратника? Казалось бы, дело достаточно просто. Во-первых, Йошуа происходил из колена Эфраима, наиболее воинственного и самого успешного в вооруженной борьбе. Во-вторых, Моше предвидел, что именно Йошуа предстоит овладевать страной и отстраивать ее, стало быть, решительный бой с Амалеком послужит ему бесценным опытом в предстоящих сражениях.

Нашего ешиботника заинтересовало и иное воззрение. Оно не одобряет решение Моше и одновременно объясняет причину слабости его рук во время молитвы. Якобы Господь полагал, что Моше следовало самому возглавлять столь судьбоносный бой, а уж коли возложил он командование на Йошуа, то должен был сделать это более расторопно. Оттого и руки у Моше обессилили, и потребовалась помощь Аарона и Хура.

Чрезвычайно интересны суждения экспертов об источниках победы босоногого и неумелого ополчения над оснащенной и искусной армией. Талант полководца? Помощь небес? Энтузиазм народа? Или то, и другое и третье вместе? Если так, то каково соотношение причин? Современный Йошуа тайно и дерзко мыслил себя продолжателем дела своего древнего предтечи-соименника, и потому охотнее принимал мнение об исключительной роли военачальника.

Сидя в шезлонге, Йошуа продолжал размышлять. Сказано в Писании: “Йошуа низложил Амалека и народ его острием меча”. Господь обещал Моше стереть память об Амалеке из-под небес. Однако в результате победы при Рыфидиме не истреблены были амалекитяне до конца. Иудеи уничтожили до половины вражеских воинов, но уцелевшие остались врагами израильтян. Противоречие? О, нет! Слово Библии есть канон, и не должно нам сомневаться, выражать неуверенность или, Боже сохрани, что-либо отрицать. Посему всенепременно требуется углубленное толкование, умение угадывать суть меж строк, видеть скрытый смысл, различать дух за буквой. Только тогда мы истинно пойдем Книгу, когда прочтем ее сообразно нуждам нашим.

Не умерла вражда в Ханаане, но наследовалась от поколения к поколению. И по сей день выглядывают из земли ростки древней ненависти.

“Да что уж на чужих кивать, коли и в среде иудейской найдешь душу, в коей гнездится Амалек!” – с горечью думал Йошуа. Этот факт больно ранил сердце юного поселенца. Кто они, эти иудеи-амалеки? Враги или заблудшие овцы? “Скорее враги, - говорил себе Йошуа, - большинство, как обычно, молчаливо, вернее, трусливо, но тайно благонамеренно, а эти не молчат, они возвышают голос против нас, а, значит, против Бога, и мы знаем, как с ними поступать!”

Глава 3

Разведчики

Победой иудеев закончилась схватка с их злейшим врагом Амалеком. Герои схоронили убитых и принялись целить раненых. Становище в Рыфидиме предалось торжествам: люди устроили пиры, нажарили мясо, допили вино, сколько оставалось его после странствования по сухому краю Син. Мужья, оправившись от трудов ратных, входили к женам. Дети резвились – кто у костра, кто в поле.

Мальчишки, радуясь, но, тайно завидуя славе отцов-героев, затеяли игру в войну. Для начала состязались в храбрости. Смело перепрыгивавшие через огонь становились солдатами армии Йошуа, испугавшиеся пламени причислялись к войску Амалека. Девчонки собирали в поле цветы и плели венки на головы уцелевшим и на могильные камни погибшим.

Йошуа в проникновенной молитве возблагодарил Господа за дарование народу победы, а полководцу – славы. Он вышел из шатра учения взглянуть на ясное ночное небо. Звезды щедро слали лучи на землю, торжествовали вместе с ним, поздравляли его. Йошуа подумал было, что сравнялся величиим с Моше, но тут же спохватился и отогнал лестную мысль, как пустое и блаженное самообольщение, ибо, заглянувши к себе в душу, прочел начертанные верой слова – истинное наслаждение ищи только в общем успехе.

Упоминание о наслаждении осветило погруженный во тьму уголок в сердце военачальника, и он справедливо упрекнул себя за односторонность. Пусть слава бессмертна, а блаженство бrenно, но всё же! Окончен ратный труд, настало время труда сердечного. Разве кроме шатра учения нет у него иного прибежища? А шалаши, где за сплетенными из ветвей тонкими стенами притаились нетерпение и желание? Йошуа радостно направил стопы в нужную сторону. Чертогов любви два, но ведь и ночь только началась!

Обновленный и взбодренный, с рассветом Йошуа возвращался в шатер. Двойственны были впечатления минувшей ночи. Сыта плоть, но голодна душа. Другая женщина нужна ему, но что поделаешь, коли судьбоносное время и великая миссия сговорились друг с другом и крадут у Йошуа большое чувство, и лишь осколками страсти утешают его. А грядущее приготовило пророку и воителю тяжкие испытания, наградой за которые станут слава после смерти и любовь при жизни.

Еще издавек заметил Йошуа, как сотоварищи по постиганию Книги ожидают наставника своего у входа в шатер. Наступал час молитвы, приближалось время учения.

Не будем останавливаться на печальнейшем факте истории – изготовлении нетерпеливыми иудеями золотого идола. Перейдем к другому амбивалентному событию, произведшему бурю на страницах Святого Писания. Случай сей неоднозначен, потому как, с одной стороны, он весьма неважно охарактеризовал древних израильтян, а с другой – послужил ступенью для Йошуа, на которую тот достойно поднялся, решительно доказав преданность Богу и понимание замысла Его.

Итак, исполняя Высшую волю о завоевании страны для народа-избранника, Моше по совету Господа предваряет предстоящий натиск основательной разведкой будущей родины иудеев. Он назначает от каждого из двенадцати израильских колен по одному человеку для основательной рекогносцировки просторов Ханаана. Назовем имена двоих из них: от колена Эфраима отправился в поход Йошуа, а от колена Иуды выступил достойный Калев.

Напутствуя посланничество, Моше велел разведчикам, во-первых, исследовать землю – тучна или тоща, какие деревья растут на ней, и что родит она, а во-вторых, изучить людей этой страны, ее города, крепости, станы.

Если вторая часть задания имела прикладное военное значение для будущих схваток, то смысл выяснения благодатности края не ограничивался чистой утилитарностью. Да и в самом деле, разве Бог даст худую неплодородную землю своему избраннику? Разумеется, нет! Однако, очевидное Калеву, Йошуа и Моше, было отнюдь не бесспорно для сотен тысяч недавних рабов. Иными словами, подразумевалось, что разведчики, как поверенные масс, принесут в устах своих похвалы новой родине, разобьют скепсис низов, и убедят их в благонамеренности Бога и Моше, раба Его. Увы, не случилось этого, а то, что случилось, заставило Господа прибегнуть к карательным средствам воспитания. Похоже на то, что для Бога и Моше важно было опереться на чернь, как на гаранта. Возможно, сие говорит в пользу древности истоков ханаанской демократии.

3

Разведчики пристально изучали землю и народ – поступали по слову Моше. Дошли до некой цветущей долины. Видят: роскошный виноград, чудные гранатовые деревья, великолепные смоковницы. Дабы продемонстрировать Моше и всему народу плодородие края, Калев прихватил с собой несколько гранатов и смокв, а Йошуа распорядился срезать самую крупную виноградную ветвь. Так тяжела была налитая соком гроздь, что потребовалось сила двоих мужчин, чтобы нести ее на шесте. Поскольку на языке сынов Израиля кисть винограда называется “эшколь”, то нарекли месту этому имя “долина Эшколь”.

Сорок дней странствовали разведчики по земле Ханаанской и, наконец, вернулись в лагерь иудеев и предстали перед Моше и общиной. И в этом пункте нашего повествования мы должны разбить число двенадцать – а именно столько посланцев по количеству племен израильских отправились в поход – на две неравные части: два и десять. Два – это Йошуа и Калев, десять – это их сотоварищи.

Десять возвращенцев расстелили на траве ткань белого шелка и аккуратно разложили на ней трофеи – доказательства плодородности обследованной земли. Гранаты, смоквы, финики, маслины, лук, чеснок, колосья ячменя и пшеницы и так далее и так далее. Что не вошло на покрывало – разместили рядом с ним. В середине белоснежной скатерти алела огромная виноградная гроздь.

У созерцателей великолепия дух занялся от радости, все предвкушали восторженный рассказ. Один из десяти обратился к Моше: “Пришли мы в землю, в которую ты послал нас, и действительно, течет она молоком и медом; и вот плоды ее!” При этом он широким жестом руки указал на чудную картину изобилия. Израильтяне криками ликования встретили услаждающую речь его, а некоторые приготовились обнять и расцеловать принесшего благую весть. Моше остановил их, видя, как другой разведчик выступил вперед и приготовился сказать свое слово.

“Но силен народ, живущий на земле той, - отверз уста второй вестник, - и города укрепленные весьма большие, а также великанов мы видели там...” Тут Калев не смолчал и перебил трусливую речь, и принялся успокаивать народ: “Непременно взойдем на землю эту и завладеем ею, потому что мы можем одолеть...” Но не дали договорить ему другие из десяти и вскричали дружно: “Не можем мы пойти на народ тот, ибо он сильнее нас!” Трус не бывает малодушен до конца – бесчестья он не боится!

Народ пришел в смятение: ведь не все амалекитяне перебиты, да и других врагов немало. Кого слушать? Неужели опять война, смерть, кровь?

Тут свершилось деяние великого позора, навсегда оставшееся несмываемым пятном в истории израильтян. Видя, как община мечется и не решается принять их версию, десять охваченных страхом незадачливых разведчиков прибегли к клевете, древнему испытанному средству. Распустили худую молву о стране, которую обзревали: “Земля эта поедает живущих на ней; а весь народ в ней – люди великорослые. Мы были в своих глазах саранчой, такими же были мы и в глазах исполинов”. А для вящей убедительности они нашептывали в слух взбаламученных соплеменников, мол, у Йошуа и у Калева нет своих детей, и посему не понять им законного человеческого страха за семью, а, может, и хуже того – сами обделенные и потому завистью снедаемые, желают зла нам, счастливым.

Легко верится в то, что сердцем желаемо и уму доступно. Речи десяти добавили звено в бесконечную цепь победоносной демагогии. И подняла вопль вся община, и плакал народ: “О, если бы мы умерли в земле Египетской! И зачем Господь ведет нас в землю эту, чтобы пали мы от меча? Жены наши и дети наши станут добычей! Не лучше ли нам возвратиться в Египет?”

Услыхав малодушные слова эти, Моше и брат его Арон пали на лица свои. Йошуа и Калев разодрали одежды на себе и возгласили отчаянно: “Земля эта очень, очень хороша! Если благоволит к нам Бог, то введет нас в землю, текущую молоком и медом. Только против Господа не восставайте и не бойтесь народа земли той, ведь с нами Господь!”

Запоздалый крик. Возможно, не по своей вине, но не уяснило простонародье, откуда ждать счастья: то ли собственная сила несказанно вырастет, то ли возьмем действие порока Божественной помощи, ежели не гневить Его. Да, Всевышний творил спасительные чудеса, но ведь и утраты при этом бывали огромны. Вспомнить хоть гибель пехоты в войне с Амалеким! Не умели Йошуа и Калев ни умягчить народ, ни убедить. И вскричала чернь: “Забросать их камнями!”

Мрачная картина открылась взору Моше – десяток клеветников и сотни тысяч поверивших оговору. С горечью подумал он, что народу его выпало нести грех вечный и непростительный.

4

Даже у Бога есть свой ад – любовь Его к избранному племени. И вот, Господь сказал Моше: “Доколе будет гневить Меня народ сей? И доколе не уверятся они во Мне при всех знамениях, которые делал Я в среде их? Поражу его мором и истреблю его, и произведу от тебя народ многочисленнее и сильнее его!”

Моше предвидел гнев Всевышнего и опасался крайних мер. Но неожиданной оказалась огромная Божья милость – сделать его родоначальником нового народа. Должно быть, помогаясь исключительно общей пользы, как он понимал ее, Моше решительно заглушил ростки тщеславия в сердце своем, и, отвечая Господу, не упоминал о лестном предложении, словно оно вовсе и не звучало. Ныне, с грустью перелистывая страницы анналов мучительной истории жестоковыйного народа, кое-кто усомнится в прагматичности бескорыстного выбора Моше.

Взволнованный поучающим звучанием слов своих, Моше решился дать совет Господу, мол, если Он в гневе погубит неразумную массу всю поголовно, то народы земли скажут, что не всемогущ Бог, коль не смог исполнить клятву свою и не сумел ввести избранных в назначенную землю, а дабы не случилось сего, нужно простить народ великодушно.

Ценность хорошего совета не уступит ценности преданной любви. Господь прислушался к мнению раба своего и не предпринял сиюминутных шагов, но и безнаказанным не оставил неразумие иудеев. Назначенная кара была категорична и компромиссна одновременно. Выведенных Им из рабства израильтян Он отправил в пустыню на сорок лет – по числу дней злополучной миссии разведчиков. Все они умрут в песках, но детей их Он введет в Святую Землю. Лишь двоим из нынешнего поколения Бог сделает исключение – это Йошуа и Калев. По Его воле Моше должен готовить себе смену – это будет Йошуа.

Что случилось с десятью разведчиками, распустившими худую молву о земле Ханаанской? Сказано в Писании, что они умерли от мора перед Господом. Другими словами, они понесли наказание немедленно, не испытав сорокалетнего изгнания.

Моше вышел к народу и сообщил вердикт Всевышнего. И люди весьма опечалились и признали, что грехом замарали себя.

Глава 4

В гостях у зачинателя

1

Замечательная традиция сложилась в среде богобоязненных, то бишь лучших людей современного Ханаана – для встречи царицы субботы родственные семейства собираются вместе, под одной крышей, за одним столом. Скажем, взрослые дети приезжают к престарелым родителям и, разумеется, ребягню привозят с собой, дабы порадовать старого и малого. А через неделю гости и хозяева поменяются ролями.

С утра пятницы тянутся вдоль улиц вереницы благообразных мужчин, женщин и детей разных возрастов. В чрева автобусов загружаются огромные баулы, чемоданы, коробки. Эти поместительные емкости предназначены для безукоризненно сохранной доставки к месту назначения наглаженных и аккуратных сложенных брюк и платьев, внушительных шляп “гамбург” и соболиных штраймлов, а также традиционных чудес кулинарии. Разумеется, суббота для иудея есть прежде всего торжество духа, но, как и всякий праздник, день сей должен быть означен нарядной одеждой и лучшими яствами. Хотя, как полагают некоторые почтенные рутинеры, стремление наряжаться и чревоугодничать, появившееся в кругах правоверного иудейства, есть феномен недавний, проникший в головы молодого поколения и являющийся результатом пагубного действия чуждого внешнего влияния. Но что тут поделаешь? Новые уши для новой музыки!

Зачинатель науки о современном освоении земли Ханаанской (следует употреблять именно слово “освоение”, ибо слово “завоевание” не является политически корректным, и не так уж велика уступка лицемерию) Аврам-Ицхак отмечает нынешнюю субботу с самым дорогим гостем – сыном Цви. Вместе с женой Рейзой-Ривкой он стоит у ворот своего дома, расположенного в самом сердце столицы Ханаана. Преклонного возраста супружеская чета во все глаза глядит на дорогу, откуда из-за ближайшего угла должен вот-вот показаться автомобиль Цви.

Аврам-Ицхак верен старым надежным понятиям неприхотливости, и одежда его проста и даже несколько поношена, но безукоризненно чиста. Черная шелковая капота перехвачена широким поясом, какие носят раввины, на голове красуется штраймл, очки в круглой оправе без затей, поредевшая с годами борода тщательно расчесана. Волосы Рейзы-Ривки, как и подобает, аккуратно спрятаны, но не под тем подчеркнута постным шависом, который она надевает в

будни, а под нарядным, предназначенным для суббот и праздников. Платье и жакет ее примечательны только образцовой скромностью. Консерватизм – молодость стариков, ибо возвращает их думы в лучшие годы.

Вот и прибыли гости! Цви вышел из машины первым, обошел вокруг, открыл дверь с другой стороны и галантно протянул руку жене. Из чрева автомобильного салона показалась Хава. Отец и сын символически поцеловались. Свекровь и сноха заключили друг друга в объятия, завершив их звонкими поцелуями. Хава оправдалась за отсутствие сына: Йошуа занят, сегодня его очередь нести вахту ночного бдения над Писанием. Рейза-Ривка хоть и соскучилась по внуку, но приняла объяснение с пониманием, ибо была осведомлена об инициативе учеников ешивы, установивших очередность учебных дежурств – Тору следует постигать круглосуточно и каждодневно, и перерывы исключены.

Оставалось несколько часов до наступления субботы. Женщины расположились в гостиной и принялись обсуждать важные дела, мужчины отправились в синагогу. Аврам-Ицхак занял свое персональное место, усадил рядом сына. Цви был знаком со многими прихожанами, его знали и уважали, почтительно жали ему руку, расспрашивали о жизни в Бейт Шеме и об учебе в ешиве, имея в виду будущее своих сыновей. Цви отвечал любезно, а все же в голосе его иной раз пробивалась нотка превосходства гордого поселенца над изнеженными столичными обывателями.

После молитв отец и сын вернулись домой к субботнему столу. Свечи уже зажжены. На праздничной скатерти стоит продолговатая плетенка с белой халой, предназначенной для Цви и Хавы. Соблюдающие диету пожилые Аврам-Ицхак и Рейза-Ривка удовольствуются менее вкусной и не столь красивой халой из цельной муки. Хозяин произнес подобающие случаю благословения.

Смуглолицая помощница, приехавшая за заработком из далеких краев, водрузила на стол нехитрые традиционные блюда – теплую фаршированную рыбу, части которой живописно размещены на специальной тарелке, огневой бульон в супнице, вынутые из нее и сложенные в отдельную посудину ломти курицы, миску сваренной с изюмом моркови.

Вкушение фаршированной рыбы освящено обычаем и является краеугольным камнем субботней трапезы. Не смотря на неодинаковость вкусовых свойств различных частей этого блюда, можно с уверенностью утверждать, что меж гостями и хозяевами царит образцовая гармония пристрастий. Рейза-Ривка любит туго набитый фаршем ближайший к хвосту кусок. Аврам-Ицхак обожает рыбью голову, но, вынужденный по рекомендации врача ограничить потребление жиров, позволяет себе только половину лакомой доли. Он оставляет напоследок то место, в котором находится мозг и, высасывая его, непроизвольно зажмуривает глаза. Цви и Хава охотно поедают серединные порции.

Поймав одобрительную улыбку хозяйки, помощница облегченно вздохнула и торопливо удалилась на кухню. В конце вечера она подаст на стол сладости, которые изготовила по рецептам своего края, но из местных продуктов и под наблюдением Рейзы-Ривки, дабы исключить возможность несоблюдения кашрута. После завершения трапезы она вымоет посуду и будет отпущена восвояси. Нарушение законов субботы не представляет для нее никакой опасности.

Для полноты картины добавим, что не четверо, а шестеро человек сидели за столом. Аврам-Ицхак соблюдал старинное заведение непременно приглашать на трапезу двух-трех малоимущих иудеев, не имеющих средств для встречи субботы по всем канонам. Бедняки не только насытят желудки, но, что много важнее, глотнут духовности в доме, где всякое слово и

каждое действие подчинено ей. Давать людям то, что они обязаны хотеть – вот в чем суть благодеяния!

На сей раз у Аврама-Ицхака гостила супружеская чета – люди малообразованные, перебивающиеся случайными доходами. Мужчина и женщина старательно исполняли вслед за хозяевами необходимые процедуры, с важным видом слушали застольные беседы, почтительно молчали и насыщались. Мы не знаем, о чем говорили они меж собой, покинув хлебосольный дом, и какие чувства горели в их сердцах.

2

Трапеза окончилась. Рейза-Ривка и Хава остались за столом и приступили к сладостям далеких стран. Попивая чай, они всерьез взялись за разбор многогранных семейных тем, важнейшая из которых – затянувшееся холостячество Йошуа. Извинившись, Аврам-Ицхак и Цви перешли в кабинет хозяина для духовной субботней беседы.

Как известно, мужчины в глубине души не слишком высоко ставят значимость и глубину проблем, которые их жены поднимают в разговорах между собой, тем не менее мужья склонны к снисходительности, когда сыты. Женщины, разумеется, осведомлены об этом пренебрежении, но тоже умеют быть толерантными. Более того, они великодушно прощают своим повелителям неспособность усвоить мысль об абсолютном приоритете семейных ценностей. Мужской интерес к абстракциям и к политике представляется им следствием интеллектуальной слабости – природной, и потому извинительной.

Аврам-Ицхак и Цви тоже заговорили об Йошуа, но не о внуке и сыне, а о герое седой древности.

- Скажи, отец, - начал диалог Цви, когда оба устроились в креслах, - отчего, по-твоему, десять из двенадцати разведчиков были против вступления в Ханаан? Известны разные толкования, и лежащей на поверхности причиной является страх. Не видишь ли ты подспудного мотива?

- Я много думал об этом, Цви, - ответил Аврам-Ицхак, - и пришел к заключению, что их останавливал не столько кошмар войны, сколько ужас последующего мира. Сердца шептали им, что с Божьей помощью они неизбежно одолеют аборигенов, но что будет потом? Землю нужно отстраивать, придется пахать и сеять. Труд свободных людей страшил вчерашних рабов, привыкших к чудесам, умеющих брать бесплатно, но платить не приученных.

- О, это безусловно верно! Однако, как не прислушаться к словам одного из знатоков Писания? Он напоминает нам, что Моше обратился к народу с отчаянным вопросом – почему люди не хотят слушать Йошуа и Калева? Ведь эти двое говорят устами Всевышнего, а Он до сих пор делал чудеса для своего народа, стало быть, продолжит их творить – разве это не ясно? И ответила толпа, что, мол, десять разведчиков люди женатые да детные, и страшатся они за жен, дочерей и сыновей, и мы все, не в пример оголтелой парочке, тоже семьями обременены, и чему нам славу петь – благоразумию или безумству храбрых? Отец, разве такой довод не заслуживает внимания?

- Я полагаю, Цви, такая речь толпы есть не более чем плоская отговорка ленивой черни, не знающей радости свободного труда.

- Добавлю, отец, что и оборонять-то завоеванную землю им не слишком уж хотелось. Зато Йошуа и Калев слеплены были из глины другого замеса. Они верили как мечу, так и оралу. Йошуа уповал на войско, ибо и завоюешь и сбережешь только ратной силой. В ней молодежь наша видит универсальное средство.

- Твой Йошуа несет службу в полку, соединив ее с учением и молитвой. Парень хоть куда!

- Я бы не возражал против его военной карьеры. Мир и война принадлежат молодым!

- Доброго роста твоему капиталу и моему проценту! – с улыбкой проговорил Аврам-Ицхак и погладил собеседника по руке.

- Похоже, историю о великанах десять разведчиков просто-напросто выдумали, - возвратился к теме Цви, - якобы они слышали, будто бы аборигены назвали их кузнечиками в форме людей. Скорее всего, эти трусы сговорились меж собой, чтобы в один голос запугивать народ.

- Возможно, посланцы Моше выдумали гигантов, - заметил Аврам-Ицхак, - но нельзя исключить, что они все-таки видели их. Как бы там ни было, великаны безвредны, только если на них смотреть издали. Существует следующее авторитетное мнение. Когда разведчики набрали винограда и прочих плодов, десятки великанов устроили погоню, и тогда бесстрашные Калев и Йошуа приготовились вступить в бой с многочисленными преследователями. Однако исполины со страху попадали на землю, взмолились о пощаде и стали оправдываться, дескать, не жалко нам плодов земли, только больно уж подозрительно вы наши края высматриваете. Тогда Калев и Йошуа прогнали верзил от лица своего, выручив десятерых товарищей, и все же те бессовестно ввали, а спасителям своим ответили неблагодарностью.

- А я вычитал, - вспомнил Цви, - что десять разведчиков вообще не хотели брать с собой образчики плодов, и тогда грозный Калев обнажил меч и пригрозил лишить их жизни, и они почли за благо не спорить.

- Уж много столетий, как наши мудрецы, благословенна память о них, - воодушевился Аврам-Ицхак, - изучают и трактуют историю разведки Земли Обетованной. И хоть мнения авторитетов в деталях расходятся, однако, разноречия второстепенны, а в главном согласны все: на дарованную Всевышним землю клевета недопустима! Да что там напраслина – запрещена любая неуважительная речь о Божьем даре! Даже правдивое слово, если в нем есть оттенок осуждения – непозволительно оно, ибо злоязычно! Будь то жара, разруха, недород – любая правда есть напраслина, и нет тут логического разлада!

- Верно, отец! Приведу пример в подтверждение твоей мысли. У нас в Бейт Шеме действует негласная заповедь – в каждом доме должен быть кондиционер, хоть и дорог он, чтобы ни у кого не возникло желания жаловаться на зной!

- Ни в коем случае нельзя сравнивать нашу землю с другими странами в их пользу, - продолжил Аврам-Ицхак, - более того, хвалить чужие края, говоря, мол, там хорошо, как у нас – тоже не годится! Всякий раз, упоминая Святую Землю, мы обязаны добавить похвалу ей. Вот как объясняют наши мудрецы, благословенна память о них, недопустимость худого слова о Земле Обетованной: Господь ставил честь своего дара выше собственной чести, ибо Он простил народу грех сотворения золотого идола взамен Его самого, но покарал иудеев за оговор даяния.

- Я вычитал описание казни десяти преступных разведчиков, - добавил Цви, - они согрешили языком, и Господь воздал им мера за меру. Языки их стали расти и расти, вывалились изо рта, упали на грудь и дальше дотянулись до пупа, из которого выползли голодные черви и принялись грызть языки, и внедрились в них, и, поедая мякоть на своем пути, вернулись в животы казнимых. От страшных мук скончались несчастные!

- Что ж, поделом нечестивцам! А теперь, сын мой, не пора ли нам на покой? Да и женщины, наверное, устали. Завтра встанем пораньше – и в синагогу.

- Аминь! – провозгласил Цви.

Глава 5

Страшно дело до зачина

1

Холодный это край, земля Ханаанская. Последние листья с деревьев задумал сорвать февральский ветер, но стереть зелень с кустов ему не под силу. Трава все больше жухлая, пожелтелая, хоть и выглядывают тут и там свежие ростки. Небо серое, тучи рваные, белые градины стучат по крышам шатров. Молния никого не повергнет в трепет, зато как загрохочет за нею гром, овцы и козы примут многострадальный вид, собьются тесно и заблеют, собаки-сторожа и ослы-труженики тоже подадут голоса согласно природе своей. Матери отвлекутся от очагов, чтоб унять расплакавшихся детишек.

Гроза разрушает и оплодотворяет, губит и живит. Ненастье взяло передышку, остановило животворные потоки. Люди обрадовались короткому ведру и тут же застыдились нетерпеливости своей: знают ведь, что от зимней воды земля родит, а летом не дожидаться и капли с неба. Ничего не поделаешь – терпение произрастает не на каждом дереве!

Из шатра учения вышли трое – наставник Йошуа, а с ним Гидон и Гилад, молодые питомцы его. Потянулись, размяли ноги, совершили пробежку по раскисшим тропинкам бескрайнего лагеря. Множество шалашей, палаток, землянок. “Скорей бы покончить с жилищами этими бренными и убогими, - думал Йошуа, - давно уж пора народу моему сесть на землю, начать строиться и обустраиваться...”

Йошуа покрыл бараньей шкурой сырой холодный валун, уселся и принялся глядеть в западную сторону. Гидон и Гилад почтительно встали рядом с учителем. Утомившись, опустили на корточки. Йошуа погрузился в раздумье. Он зрелый муж и славный воитель. Он вел неискнутое войной израильское ополчение в бой с обученной армией Амалека и сокрушил вечного врага иудеев – недаром он потомок воинственного колена Эфраимого. Бок о бок с Моше он поднимался на гору Синай, дабы получить Всевышнего дар – Скрижали Завета. Он был среди двенадцати разведчиков Ханаана и вместе с негибаемым Калевом отменно выдержал испытание на любовь к Святой Земле и на верность Богу. Он стойко вынес сорок лет скитаний в горячей и сухой пустыне. Былым этим подвигам уделено достойное место в Книгах Господа. И наша повесть не молчит о деяниях сих. Сейчас же Йошуа размышлял о главной цели жизни своей. Свершение, ради которого он появился на белый свет, ждет решимости и отваги его.

Пожалуй, следует заметить, что Йошуа являл собой редкий как прежде, так и нынче пример соединения в одном сердце двух разнородных дарований: таланта немилосердного полководца и неодолимой тяги к постижению гуманного замысла Божия. Словно две души слились вместе: одна воплощала конкретность и находчивую быстроту ума, другая – абстрактность и отвлеченную неторопливость мысли. Йошуа делил свое время меж практическими деяниями и учением Торы.

2

Распознав минутный упадок духа в настроении наставника, ученики затеяли с ним житейскую беседу, дабы отвлечь его от печали.

- Йошуа, - промолвил Гидон, - ты старше нас, а сколько годов жизни ты позади оставил?

- Да, да, - подхватил Гилад, - не делай тайны из величия. Наставника многая лета – для нас, школяров, мудрости родник.

- Скажу непременно, - ответил с улыбкой Йошуа, вполне понимая благонамеренную хитрость учеников, - нечего мне скрывать, да и стыдиться, вроде, причины нет.

- Внемлем, учитель! – единым голосом промолвили Гидон и Гилад.

- Когда вождь наш, великий Моше вывел народ из Египта, мне шел сорок третий год от рождения. Время было густое, и за мало дней многое случилось, об этом – в другой раз, а только выйдя из рабства египетского, ужасно согрешили иудеи, Святую Землю оклеветав, и заслужили гнев Господень и сорок лет изгнания. Приятна память о былых невзгодах. Теперь, милостью Божьей, окончились наши странствия по пустыне, и вот мы с вами здесь, на берегу Иордана. Если соединить египетское мое прошлое с пустынным, то выйдет, что мне сейчас восемьдесят два года, не больше и не меньше.

- Как видно, преклонный возраст не усыпляет задор души! – воскликнул Гидон.

- Годы твои позади, а свершения – впереди! – добавил Гилад.

- Испытания не обойдут и молодых, - заметил недовольный неуклюжими комплиментами Йошуа и сделал недвусмысленный жест, - вот прикажет нам, старикам, Всевышний, и присоединим мы молодую поросль к племени Авраама. Потерпеть придется вам, уроженцы пустыни, там было не до того...

- О, скорей бы! – храбро заявил Гидон.

- И я тороплю этот час, – вскричал Гилад, - я боли не боюсь!

- Мы и старости не страшимся! – провозгласили оба вместе.

- Восемьдесят два – не старость! – решительно заявил Йошуа, - нам выпало жить на заре истории, и Господь пока еще не разуверился в людях, и не отдал их от Себя. Самый светлый век – век нынешний. Провинности наши простосердечны и заслугами легко искупаемы. Согрешим, покаемся, и Бог простит, а если и накажет – то не отвернется, и редко-редко кому убавит от положенных ста двадцати. Но вот, было мне видение, будто тысячи лет спустя изощрится человек в мерзости и в небоязни Бога, и за это Он отнимет долголетие у своего двуногого творения, и праведникам – лицемерам на поверку – не сделает исключения, ибо живущий много успевает зла натворить немало. Потому говорю я вам, что существуем мы в счастливое время, и молод я, и слава дождется меня!

- Глубоки твои речи, учитель, - воскликнул Гидон, - но каков был путь, что привел тебя к сей мудрости?

- Зерна ее, должно быть, в Египте взошли, - сказал Гилад, - слыхали мы кое-что о годах юности твоей, но верим мы только первым устам. Приоткрой завесу.

- О египетском прошлом своем не стану распространяться много и не знаю, в чем заключалось действие его на думы мои. Рассказывали мне, что был я долгожданным дитем у матери с отцом,

но только окреп я, как родители сплели корзину из прутьев, посадили меня в нее и пустили вплавать по Нилу.

- Зачем же желанного сыночка отправили на погибель? – изумился Гидон.

- Законный вопрос. Жаль, нет у меня ответа. А потом вот что случилось. Плетенку эту проглотила огромная рыба. Выловили ее рыбаки и принесли завидный трофей на кухню к фараону. Повар распорол брюхо незадачливой обитательнице вод и обнаружил корзину с живым младенцем, то бишь со мною. Монарх приказал воспитать дитя достойно. Так и поступили царедворцы. Взрослея, я обнаружил способности ума и духа незаурядные, и по прошествии нескольких лет определил мне фараон почетную должность придворного палача. Раз провинился некий иудей перед верховным правителем, и я отрубил голову беззаконнику. Блажен неведающий, но недолог мир души его. Нашлись злые языки и с радостью донесли мне, что казненным был мой отец. Оглушенный горем, я скрылся из царского дворца. Прошло немного времени, и Моше вывел иудеев из рабства египетского, и я был среди народа. А что происходило дальше – вам, юноши, хорошо известно.

- А отчего дали тебе прозвище “сын рыбы”, то бишь Йошуа бин Нун? – спросил дотошный Гилад, - разве отца твоего звали так?

- Не знаю имени родителя моего. Нашли меня в рыбном чреве, а на тамошнем наречии всякую рыбу называют “нун”. Может, потому и прозвали меня сыном рыбы. Много неразгаданных загадок в прошлом моем. Будущие толкователи сыщут истину. А теперь, друзья, возвращайтесь-ка в шатер учения, да затвердите получше сегодняшней наш урок, а меня оставьте наедине с моими думами.

3

Отпустив школяров, Йошуа взобрался на валун, чтоб дальше видеть, и стал вглядываться в серое неприветливое пространство за Иорданом. Надлежит ему привести иудеев в эту землю и поделить ее меж коленами израильскими. Не пустыня это, нет, там города построены, в них народы обитают, ими цари правят. “Войны и кровь впереди, - размышлял Йошуа, - однако, говорят люди, будто храбр я, и славно, что думаю так, но себе не солгу – страх душу грызет! Конец зимы, река разлилась широко. Вброд не перейти, а мосты не построить – враги увидят, перебьют нас! Бремя мое тяжело, лишь питаю надежду – посильно оно. На Бога уповаю, без неизменной помощи Его пропадем в сражениях с врагами и с совестью. Победим же только немудрящей верой в слово Господа, ибо оно заведомо истинно и очистительно”.

Йошуа невольно вспомнил Моше, исполина духа. “Крепись и мужайся, ибо ты войдешь с людьми этими в землю, которую Господь клялся отцам их дать им, и ты ее передашь им во владение. А Господь Сам будет с тобою, не отступит Он от тебя и не оставит тебя; не бойся и не трепещи!” Эти самые слова Моше сказал Йошуа, когда достиг ста двадцати лет и оканчивал жизненный путь свой. Моше завещал лучшему соратнику продолжить и завершить дело, Богу угодное. Неспроста судьба возложила великую миссию на Йошуа – то было замыслом Моше и волей Всевышнего.

Сегодняшним пасмурным днем страна за Иорданом мнится Йошуа хмурой, опасной. А разве сорок лет назад не восхвалял он ее вместе с бравым Калевом, когда в числе двенадцати разведчиков вернулся в стан израильтян? Или не искусен и не отважен он был, сокрушая Амалека? Неужто стал он другим?

Все также огромно сердце Йошуа, и вера его в Господа неизменно тверда, но нет Моше среди живых, и нет более у вождя народного каждоминутной опоры на земле, и посредника меж ним

и небом тоже нет. “Преодолею себя! – клянется Йошуа, - нет, не мрачна, но чудесна земля за рекой, нашей будет, мечом завоюем и плугом распашем, чужое сожжем и свое отстроим!”

Глава 6

Молодые старых берегут

1

Нынче земля Ханаанская известна миру не только древней столицей своей, но и новым городом у моря, имя которому Авив. Как сказано было прежде, жители Бейт Шема гордятся глубоким и легким воздухом гор и отчасти даже сочувствуют обитателям приморского гиганта, дыхание коих стеснено духом липким и тяжелым. “Государство Авив” – так отважные покорители опасных просторов многозначительно и недружелюбно называют комфортабельный прибрежный край. Филистеры, прирученные шиком благоустроенных аллей и проспектов, толерантнее к своим воинственным оппонентам. Нельзя исключить, что антагонизм коренится в различиях химического состава атмосферного воздуха.

За черной железной решеткой сквозь листву старых деревьев белеет стена невысокого здания. Перед воротами утвердилась будка охранника. Тихо, никто не входит и не выходит, стражник скучает. Рядом с постом безопасности стоит молодой парень, поглядывает на часы. Из окон здания послышался звон колокольчика. Распахнулась широкая входная дверь. Показались юные женские лица. Двор огласился беспорядочным гомоном, словно утренние птицы на деревьях раскричались все разом.

Девушки одеты на один манер: в длинных юбках и в глухо закрытых синих форменных блузах авивской улыпаны. Минимальный узор не убавляет от категорической скромности одеяния и не дает пищу фантазии для нескромного глаза. Занятия окончились, шумные ватаги высыпали на улицу. Девушки тараторят одновременно – важнее сказать, чем услышать. На уроках они всё больше слушали, наконец-то можно поговорить. Впрочем, говорение уже есть слушание – самого себя.

Тройка подружек вышла за ворота. Одна из них отделилась от товарок, попрощавшись с ними и с охранником, подошла к парню.

- Давно ждешь, Йошуа?

- Нет, Сара, минут десять.

- Я есть хочу!

- Я тоже не против. Тут недалеко я знаю тихое местечко.

- Идем!

- Вперед!

- Заказывай, Йошуа. Что себе – то и мне. Вкусы наши стремительно сближаются. Твое воспитание.

- Рад влиянию на тебя, Сара. Преисполнен ответственности.

- Да, ты парень нелегкомысленный, серьезный во всем, во всем!

- А ты дева на язык острая. Но я умею не понимать намеков. Перейдем к делу. Откроем трапезу хумусом с питой, продолжим шакшукой и завершим студенческий пир чашкой кофе и рогалах. Какие ты хочешь?

- С корицей и шоколадом. Ох, полюбилась мне ваша деликатная ханаанская пища! Восточная кухня не чета нашей дикой западной.

- Верно. Харчи у нас славные!

- Что это – харчи? Не знаю пока такого слова.

- Это то, что нам несут. В познании языка нашего ты преуспела отлично, Сара. А какими сегодня сведениями пополнили твой ум наставники улыпаны?

- Представь, разбирали подвиги твоего древнего тезки! Велик был книжный Йошуа, но уж больно крут. Надеюсь, ты не такой.

- Надеюсь, такой.

- Я пока многого не понимаю. Продолжай трудиться над формированием моего мировоззрения.

- Между прочим, соименник мой взял в жены неиудейку, но она приняла его веру.

- И я готовлюсь! Ой, что это я?.. – спохватилась Сара и покраснела.

Слегка отяжелевшие от благ восточной кулинарии, Йошуа и Сара прогуливались по набережной. Весна шагала все тверже, нежила умеющих радоваться. Выдержавшее ортодоксальный натиск и в политических битвах принятое летнее время задержало на один час появление звезд на небесах и прохладный вечерний ветерок с моря. Наговорившись и нагулявшись вдоволь, наша парочка свернула с приморского бульвара в боковые улицы. Йошуа проводил Сару до подъезда. Она жила у своей тетушки, старшей сестры отца – женщины доброй, благонравной, одинокой, полюбившей племянницу, как родную дочь. На прощание кавалер нежно пожал барышне руку, тепло взглянул ей в глаза. И она с нежностью ответила на пожатие и бросила теплый прощальный взгляд. До следующего свидания.

Сара скрылась за дверью, Йошуа бодро зашагал к автомобильной стоянке. Знал он, как лихо и трезво сверстники его правят романтическим ковром-самолетом, и летают в облаках наслаждений, и спускаются на землю, и взбираются на другой ковер, и снова взмывают ввысь, и опять приземляются, и так далее. Может, и обитал он в башне из слоновой кости, но, как истый обыватель Бейт Шема и не в пример авивским ловеласам, не поступался традиционными ценностями ради пустого преходящего поветрия. Йошуа с уважением подумал о себе и о Саре.

Два года назад Йошуа гостил за океаном у старинного приятеля отца. Цви и Идо были не разлей вода в юности, но потом пути их безнадежно разошлись. Цви наследовал дух и дело родителя своего Аврама-Ицхака, перебрался из столицы в Бейт Шем и возглавил ешиву. Идо блестяще окончил университет и упорхнул за океан. Там он, по словам Аврама-Ицхака, “женится не правильно”, и совершенно забыл Бога. “Скурвился в апикурусы” – грубовато-неодобрительно пытался шутить Цви. Впрочем, ханаанский и заокеанский дружбапы сохранили сантименты молодости, писали и звонили друг другу. Цви отважился отправить сына Йошуа за океан – пусть поживет в семье Идо, на иной мир и чужих людей поглядит и вернется, проникшись верой, что лучше Святой Земли нет места под солнцем.

Йошуа близко сошелся с сыном Идо, своим одноклассником Джекобом. Увлечательны и горячи были споры второго поколения друзей. И случилось, что свинцовая харизма духовности, привезенная юным ханаанцем, перетянула легковесную заокеанскую суетность. Вскоре за отбывшим на родину Йошуа последовал Джекоб. Он принял веру отцов, познал язык Святых Книг, стал называться Яковом, и Цви по протекции сына принял новообращенного в свою ешиву.

У Идо росла дочь Сара, младшая сестра Джекоба. Она, как и брат ее, тоже подружилась с Йошуа, но это история другого рода. Попросту говоря, девица по уши влюбилась в синеглазого, широкоплечего, высокого, языкастого парня. Да и строгие его понятия пришлись ей по душе, тем более, что сладкую отраву греха она еще вкусить не успела. Йошуа, как свежий росток, потянулся к теплу, и, кажется, высокие идеи в сердце его потеснились и уступили немного места банальной романтике.

Сара последовала за старшим братом. Она вознамерилась служить в армии обороны Ханаана, впоследствии изучить Святое Писание в положенных женщинам пределах, и, наконец, принять веру предков отца своего. По этим ступенькам она рассчитывала подняться к главной цели – выйти замуж за возлюбленного. Нетронутые сокровища предназначены лучшему из кладоискателей.

Еще до прибытия гостей из Ханаана, христианка Пегги, родительница Джекоба и Сары, покинула своего ученого супруга-иудея. Она сожалела об отъезде сына и дочери, но взрослым детям мать не указ. И обижена была на них Пегги: почему не согласились жить с ней и остались в отцовском доме? Идо не горевал из-за расставания с отпрысками. Во-первых, он нашел себе новую подругу, и отъезд детей пришелся кстати. Во-вторых, он не сомневался, что мальчик и девочка попадут в хорошие руки.

Йошуа радовался приезду Сары, хоть и не без тревоги в душе. Цви определил девушку в авивскую ульпану. Помогал он ей с меньшей охотой, нежели брату ее, подозревая опасность, над сыном нависшую, ибо распознал подоплеку событий, а дела сердечные могут завести далеко.

2

Попрощавшись с Сарой и вырвав со стоянки, Йошуа направился из Авива домой в Бейт Шем. Стемнело, но занятия в ешиве не окончились. Диспуты меж учениками иногда затягивались до вторых петухов, а случится трудный, спорный для толкования вопрос, то и до рассвета звучат молодые задорные голоса. Заведено было у ешиботников круглосуточное учение Торы, дабы не прерывалось ни на миг исполнение важнейшей заповеди небес. На каждую ночь от загорания первой звезды до угасания последней назначались по очереди два дежурных ученика, усердно вникавших в смысл крупных, средних и мелких букв на листах фолиантов. Сегодня вахту понесут Эльдад и Эйтан – друзья нашего героя.

Йошуа катил на юго-восток. Миновал городские магистрали Авива. Позади остался блеск ложной цивилизации безверия, впереди – дарованная Господом земля духовности. Йошуа ехал по территории, временно занятой чужим народом. Он с удовлетворением отмечал отменное качество дорог – не хуже городских. Иной раз в небе услышишь военный вертолет, по асфальту прошуршит джип армейского патруля. “Это наши функционеры, да не забудет их проворство, понуждают безбожные власти охранять нас, поселенцев, пионеров будущего”, - с удовлетворением подумал Йошуа.

Чашка крепкого кофе долго бодрит, не уснешь за рулем. Йошуа вспомнил, как в одну из суббот наблюдал идиллию во дворе соседа. Детишки забавляются на качелях и в песочнице, молодая женщина с младенцем на руках умильно глядит на них, отец семейства возвращается из синагоги. Подумал о Саре – скорей бы сдала экзамен на любовь к Богу и приняла веру отцов! Тогда он сделает ей предложение, она, смущаясь и радуясь, примет его. Нет, он не в силах слишком долго ждать, он попросит ее руки и сердца до испытания! На свадьбу приедут из-за океана Пегги и Идо. Может, снова сойдутся? Впрочем, есть материя поважнее: как-то отзовется дед на такую новость? Без его благословения – никуда!

До Бейт Шема близко уже. Но что за шум за поворотом? Мужские фигуры мелькают. Автомобили с ханаанскими номерами рванулись резко вперед. “Ну, конечно, - сообразил Йошуа и поправил пистолет на поясе, - это туземцы собирают камни по обочинам и швыряют в проходящие машины. Не иначе, мстят за два спиленных масличных дерева – давеча сорванцы наши напроказничали. Отцы-то куда смотрят? Небось, хвалят чад своих! Мелкие делишки не к лицу нам!”

Патрульный джип тут как тут. Аборигены разбежались. Дорогу перекрыли. Солдаты стали проверять документы и содержимое багажников. Йошуа позвонил другу: “Яков, задержка вышла, нас камнями забросали. Если родители спросят, придумай причину, ты мастер. Не хочу, чтоб мать с отцом волновались. Скоро приеду”.

Только Яков показался на пороге дома Цви и Хавы с ловко придуманной историей на устах, как увидел, что оба встревожены. Не успел рта открыть, а те первыми заговорили, мол, местное радио передало, камни в наших летят, и где это Йошуа пропадает? Яков выложил успокоительный рассказ, но не преуспел.

Цви наказал жене Хаве, если отец или мать вдруг позвонят с чем-нибудь – не проговориться! Зачем старикам тревожиться? Но долгая многотрудная жизнь научает бдительности, и не укроется опасность от Аврама-Ицхака и Рейзы-Ривки. Едва окончил Цви своей инструктаж, как зазвонил телефон Хавы. Это Рейза-Ривка, страшно волнуясь, спрашивает, дома ли Йошуа, не в дороге ли? У них в столице радио вещает, мол, беспорядки вблизи Бейт Шема.

Бедняжка Хава растерялась, самой тревожно, а тут еще свекровь одолевает! Спасение как с неба свалилось. Ворвался в дом Йошуа, подмигнул Якову, поцеловал мать, обнял отца. “Дома твой внук!” – прокричала в телефон счастливая Хава. Вернулись мир и покой. А нечаянный герой дня невозмутимо направился на занятия в ешиву.

3

Случаются порой совпадения. Сара сообщила Йошуа, что сегодня рассказывали ученицам ульпаны о подвигах тезки его. Вот и в ешиве этим вечером речь зашла о славном герое прошлого. Разумеется, в отличие от ульпаны, снабжающей девиц лишь краткими поверхностными сведениями о предмете, ешива дает молодым людям подробные глубокие знания.

Наставник юношества, коим в этот вечер был сам Цви, разбирал с учениками некоторые факты биографии библейского персонажа. Опытный педагог, он, как правило, не ограничивался каноническими сведениями из Священного Писания. В части исследования событий детства и юности героя, Цви адресовал слушателей к обогащающим талмудическим источникам, дабы подтолкнуть юные умы к самостоятельному освоению неисчерпаемого богатства книжного материала.

По окончании занятия, возбужденные интереснейшей темой студенты собрались, как обычно, в учебной комнате и стали рыться в рекомендованных Цви книгах. Каждый вычитал что-либо заслуживающее обсуждения и добавления к лекции учителя. Больше других преуспел Яков. Не удивительно это: ведь именно прозелиты, недавно обращенные в новую веру, есть самые ревностные ее приверженцы. С неистребимым заокеанским акцентом, но на беглом ханаанском языке Яков поведал товарищам правдивые подробности египетского периода жизни Йошуа.

“Отец Йошуа слыл праведником в Египте, но не было счастья в семье, ибо жена его никак не могла понести. Господь услышал молитвы раба своего, и послал беременность бесплодной супруге. Но печаль не покидала достойного иудея. Спросила горячо любящая подруга, почему он не весел, ведь скоро появится у них дитя, и чего же лучшего желать можно? И ответил он, будто бы был ему голос с небес, мол, если родится сын, то сделается палачом при царском дворе и отрубит голову отцу. Тут и будущая мать загрустила”.

“Родился мальчик. Дабы избежать предначертаний злой судьбы, женщина, любившая мужа больше, чем дитя, уложила младенца в корзину и отправила в плаванье по Нилу. Но не в человеческих силах противиться воле небес. И вышло все по предсказанному. Корзину проглотила гигантская рыба, но она попала в сеть. Царский повар обнаружил в брюхе рыбы ребенка. Фараон пригрел мальчика, воспитал его при дворе, а когда тот повзрослел, монарх удостоил его должности палача. О родителях же своих молодой царедворец ничего не знал”.

“Оговорили злые люди праведника, и палач, Йошуа то есть, обезглавил его, не зная, что убил родного отца. Когда хоронили казненного, случилось чудо. Из груди вдовы, шедшей рядом с покойником, хлынуло молоко и заполнило гроб. Египтяне закричали палачу, мол, казни и колдунью эту. Но Йошуа подумал, что тут кроется некая тайна, и не тронул женщину. После похорон она сообщила ему, что он сын ее, а молоко, которым она должна была вскормить дитя, излилось на мертвого отца. И заплакали оба. Она каялась в давнем поступке своем, а он горевал об отце и радовался, что сберег мать”.

Когда Яков окончил рассказ, ученики принялись спорить о правоте и вине матери. Разгорелся талмудический диспут. Цви, слышавший краем уха доводы сторон, с удовлетворением отмечал зрелость мысли юных питомцев своих.

Читатель вправе задаться вопросом, почему Йошуа поведал эту же самую историю Гидону и Гиладу несколько иначе? Однозначного ответа до сих пор не существует, хотя могут быть приведены различные разумные соображения. Логичность доводов не обязательно является подтверждением их правоты. Возможно, две версии дополняют друг друга.

Глава 7

Вперед, жребий брошен!

1

Минули сорок лет скитаний по пустыне – наказание Всевышнего избранному Им народу за тяжкий грех десяти разведчиков, оговоривших Святую землю, и за неразумие жестоковыйных израильтян, поверивших лгунам. Остались в песках кости вымершего поколения. Великий Моше похоронен был в земле Моавитской, и никто не знает погребения его до сего дня. Только доблестные Йошуа и Калев остались живы, и удостоятся они войти в дарованный край, а Господь уж назвал вожака нового похода.

Ушами слышал и сердцем пережил Йошуа сказанные ему Господом слова: “Моше, раб Мой умер; встань же теперь, перейди через Иордан этот, ты и весь народ, в землю, которую Я даю сынам Израиля... От пустыни и Леванона до реки великой, реки Перата, и до Великого моря будут пределы ваши... Как был я с Моше, так буду я и с тобой: не отступлю от тебя и не оставлю тебя... Только тверд будь и очень мужествен, чтобы бережно соблюдать Тору всю... Не уклоняйся от нее ни вправо, ни влево, дабы преуспел ты везде, куда ни пойдешь!”

Итак, Йошуа – продолжатель дела наставника своего Моше. Таковы воля Господа, желание учителя и порыв ученика. “Плохо отплатит учителю тот, кто навсегда останется только учеником, - подумал Йошуа, - я пойду дальше и сделаю больше великого пастыря народа иудейского!”

Йошуа стоял на прибрежном валуне и вглядывался в серое пространство на другом берегу Иордана. Он перейдет через реку, переведет народ. Грядущее пугало мгновенной гибелью, но манило вечной славой. Тоскливо сознавать себя просто человеком. Зато в сердце сверхчеловека вожделие к бессмертию памяти о нем одолеет малодушный страх телесной смерти. Не много подлинных героев знала история, и Йошуа был одним из таких, и потому не отступил.

Всякому явлению в истории можно сыскать сходное с ним событие. Через много-много лет в другом месте земли другой воитель стоял на берегу другой реки и жаждал перейти ее, и терзался страхом, и решился.

Великий Гай Юлий Цезарь изрек “Вперед, жребий брошен!” и перешел Рубикон, и войско свое перевел. Что роднило деяния и души богобоязненного израильтянина и, не будь рядом помянут, идолопоклонника-римлянина? Обоим предстояло перейти реку, сомнения жалили сердца, страх теснил дыхание, впереди маячили кровопролитные войны, но дерзновение решимости победило слабость, и на небосклоне истории загорелись две ярчайших звезды – одна за другой, через дюжину веков. Пусть нет под солнцем ничего нового, но и старое не повторяет себя. Скажем, любовь – недуг старинный, а каждому в новинку.

Консул и диктатор должен был неустанно трафить своим языческим богам, дорого платить за возведение в их честь величественных храмов и за ваение чудной красоты статуй, немые уста которых не порицали, не одобряли, не обещали. Потому не мог быть уверен воитель-язычник, что боги вкладывали в руку его жезл победы. Сие не диво, ведь сила идолов, пусть даже воплощенных в прекрасные скульптуры, есть только плод фантазии. Иное дело – правоверный Йошуа. Он опирался на могущество реально существующего Бога, безраздельного ручателя торжества избранного Им народа.

Добавим, что знатоки Писания усматривают в Йошуа последовательного проводника идей Господа, и потому полагают почти все его деяния праведными и правильными. В оценке, которую дают историки акциям Гая Юлия, нет подобного единодушия. Это, безусловно, еще одно различие меж двумя гигантами.

Так в чем же родство двух исторических событий и их героев? Только в том, что обоим полководцам предстояло перейти реку, и они трепетали, но все же решились? А разве это внешнее сходство не является достаточным основанием для рассуждений, оживляющих страницы повести?

Разумеется, есть более глубокие причины отысканию аналогий. Во-первых, Гай Юлий прославлен всемирно, а скромный Йошуа, подвиг которого римлянин повторил через многие века, известен незаслуженно мало. Посему упоминание рядом имен двух персонажей истории справедливо добавит славы израильскому герою. Во-вторых, религиозный аспект событий дает нам случай упомянуть превосходство веры в настоящего Бога перед поклонением богам.

Йошуа перевел в практическую плоскость размышления на тему предстоящего форсирования Иордана. Ход его мыслей об этом предмете не записан в безусловно достоверных анналах, и посему будем опираться на мнение еще одного римлянина (впрочем, иудея), небезызвестного сочинителя Иосифа Флавия.

Проникновение в события глубокой древности требует от нас внимательного отношения ко всем литературным источникам. Иосиф Флавий хоть и появился на белый свет более чем через тысячу лет после Йошуа, однако, был к нему ближе нас на добрых двадцать столетий. В сравнении с нами он является почти современником легендарного героя, и мы доверимся его соображениям, отдельные из которых приведены ниже.

Йошуа исключил возможность возведения моста, как занятие слишком шумное, заметное, продолжительное, привлекающее внимание. Стоило только начать трудиться, как затаившиеся на другом берегу враги, осведомленные о намерениях иудеев, немедленно начали бы атаковать поглощенных делом рабочих, и строительная затея потерпела бы крах, а мораль израильтян, и без того зыбкая, была бы подорвана. К несчастью, в распоряжении Йошуа не было ни лодок, ни плотов. Воды обильных зимних дождей изрядно подняли уровень Иордана. Тихая летом река превратилась в широкий и бурный весенний поток.

Ни на минуту не предался унынию Йошуа – ведь сказал же ему Всевышний: “...Как был я с Моше, так буду я и с тобой: не отступлю от тебя и не оставлю тебя...” Неколебимость веры – залог оптимизма. “Пусть широка и глубока река, воды бурливы, и нет переправы – поведу народ, и свершит Бог чудо, и счастливо перейдем Иордан!” – подумал Йошуа.

Израильтянам предстояло оставить обжитый лагерь. Что ожидало их в неизвестной суровой стороне? Другой берег – не кисельный, а Иордан – не молочная река. Йошуа рассудил, что необходимо взять с собой хороший запас продовольствия, ибо на новом месте не сразу добудешь пропитание, да и ополченцам безотлагательно потребуется пища, коли придется сразу вступать в бой. Йошуа созвал надсмотрщиков народа и приказал пройти по стану и повелеть людям заготавливать еду. “Три дня на сборы – и переходим Иордан!” – скомандовал он.

В канун переправы Йошуа встал рано поутру и собрал народ, и люди покинули становище и двинулись к Иордану. К вечеру добрались до воды, в последний раз утолили голод по сю сторону реки, в тревоге улеглись спать, кто на траве, кто на земле, кто на песке. С рассветом поднялись с жестких своих постелей, подкрепились, испили воды и, следуя приказам надсмотрщиков, стали выстраиваться в бесконечно длинную колонну, очередность в которой была загодя продумана Йошуа.

Неспокойны были души человек. Половина сердца терзалась страхом, другая половина грелась надеждой. Страх изнутри происходил, надежда извне вселялась неутомимыми устами Йошуа. Ребятня притихла, видя тревогу отцов и матерей. Мелкий скот не блеял, крупный молчал, рогатые головы понурились. Люди взвалили на свои и на бычьи спины поклажу – заготовленную впрок провизию – и медленно двинулись к воде.

Впереди шли священники, несли ковчег Завета Господня. Только коснулись их ноги воды, и стеной встала бурная река, замерла. Случилось чудо, Богом обещанное! Что явится оно – безраздельно верил Йошуа, о нем неустанно твердил народу. И вот, свершилось!

Священники дошли до середины русла и остановились. Вода прибывала, вздымалась все выше, но ни на пядь не подвигалась вперед. На обнаженное дно реки вступила людская колонна.

Открывали и замыкали шествие мужчины, на случай нужды, держа оружие наготове. В середине торопливым шагом семенили женщины и дети, подгоняя скот. Среди переходивших реку не было стариков и старух, ибо сорок лет странствий в пустыне унесли жизни людей мятежного поколения – как и желал того Всевышний. Лишь два долгожителя по воле Божьей свершили переправу – Йошуа и Калев. Когда весь народ благополучно перебрался и встал на сухую твердую почву, Божьи слуги последовали за ним, высоко подняв над головами ковчег Завета Господа, и последними вступили на противоположный берег. И тут рухнула вниз водная стена, и Иордан продолжил свой вечный бег.

3

Итак, племя иудейское вступило в завещанную землю. Исторический сей шаг хоть и огромным был, но лишь первым на начертанном Всевышним пути. Люди ликовали, мужья нетерпеливо целовали жен, искали глазами укрытие. Ребятишки мало понимали значение свершившегося, но все же радостно визжали, затевали хороводы. Крупный и мелкий скот смыслил еще меньше, но производил шум и гам, как дети, и не высматривал укромные места, как взрослые.

Подшли к Йошуа молодые его ученики – Гидон и Гилад. Поздравления, объятия, бурные излияния чувств. Народный вожак старался сохранить строгое выражение лица и степенность в движениях, но мешал ему игривый ветер, донося до ушей ветерана гомон всеобщего торжества и, теребя поредевшую и побелевшую с годами бороду, придавал его физиономии легкомысленный вид. Оставив тщетные попытки блюсти солидность, Йошуа смягчился, заулыбался, отдался напиравшей изнутри радости и даже дружески ущипнул за щеку Гидона, а потом и Гилада заодно.

А вот и Калев показался. Гидон и Гилад почтительно ретировались при появлении седовласого ровесника своего учителя. Калев сдержанно пожал победоносную руку. Глаза его сияли, но молчали уста. Куда девалось былое красноречие доблестного соглядатая, сорок лет назад вступившегося за честь Земли Обетованной?

Неудача разведывательной миссии и последующий гнев Господень весьма омрачили дни и ночи Калева. Мужественный воин призвал внутренние силы души и отчасти развеял черную меланхолию. Он стойко выносил трудности сорокалетнего изгнания и неизменно поддерживал товарищество с Йошуа, но не слишком сблизился с ним. Мы не знаем, что являлось причиной подчеркнутой сдержанности. Нельзя исключить искру зависти в сердце Калева. А, возможно, то была обращенная на соратника укоризна несправедливой судьбе. Или что-то иное. Украдчив упрек верного товарища. Да разве интересуется история, горячи или холодны чувства ее героев друг к другу? Главное, оба достойных ветерана неизменно боролись заодно и за одно. Вот и сейчас, Йошуа тепло, но сухо вато, вернул рукопожатие. Молчаливый ответ сей обещал твердую верность в будущей совместной борьбе.

4

Иудеи расположились станом в Гильгале у восточного края города Йерихо. Господь терпеливо дожидался, пока угомонятся счастливые израильтяне, вживутся в свой успех. Затем Всевышний восславил Йошуа перед глазами всего народа, и стали люди бояться и почитать его так же, как боялись Моше во все дни жизни его.

В час, когда иудеи пересекали осушенное Богом русло Иордана, двенадцать дюжих мужчин, по одному из всех колен израильских, взяли каждый по огромному камню со дна реки в том месте, где священники держали над головами ковчег Завета, и перенесли ношу на берег – так повелел Господь. Теперь же Йошуа распорядился поставить валуны на площади в центре Гильгала и

объявил народу, что камни эти станут вечным напоминанием потомкам о чуде, которое совершил Бог, дабы люди земли знали, что сильна рука Господа, и благоговели бы перед Ним.

Йошуа очень надеялся, что нехитрый этот монумент послужит уроком не только далеким будущим поколениям, но и в упрямые головы современников внедрит, наконец, убеждение в благонамеренности Господа и укрепит веру в Него. Памятник сей хоть и был груб и невзрачен, но имел несомненное преимущество перед прекрасными храмами Гая Юлия: он создавался по указу Бога, а не велением химерической надежды на милость богов. Есть ли лучшая порука в помощи Всевышнего, нежели строгая любовь Его? Отметив различие фактов, упомянем и о сходстве их. В обоих случаях связь человека с небесами олицетворял камень – то ли неказистые валуны, то ли творение архитектуры – иным словом, объект материальный, не духовный.

Глава 8

Йошуа перешел Иордан

1

Возможно, весна жизни, совпавшая с годами учения, ассоциируются кое у кого с прекрасным беззаботным временем, когда книги и наставники маячили на далеком горизонте, не слишком мешая некоторым более завлекательным предметам, решительно захватившим авансцену юношеских умов. Что же это за вещи, столь агрессивные и заманчивые? Пригожие девичьи лица, забавы с верными друзьями, разгульные пирушки и прочее в подобном роде. И хотя зрелости свойственно тщеславно преувеличивать лихость молодых лет, тем не менее существует доля истины в историях о былом пренебрежении академической муштрой.

Это общее положение не имело силы в среде учеников подведомственного Цви питомника знаний. Ешиботникам претило беспечное отношение к постижению главного предмета штудирования – Святого Писания. Не смотря на незрелые лета, питомцы Цви были не по годам солидны и серьезны в своем труде уразумения универсальных законов жизни. Легкомысленные соблазны возраста они преодолевали удивительно легко – ведь на страницах Книги имеются все необходимые рецепты исцеления болезней роста.

Йошуа с друзьями – Эльдадом, Эйтаном и, конечно, Яковом – не составляли исключения. Положительным этим парням чуждо было понятие “убить время”. После интенсивных дневных занятий они посвящали вечерние и ночные часы обсуждению деяний Библейских персонажей. А сколько книг они перечитали, как много разных толкований открыли для себя! Знания наполняют голову, а любовь к истине возвышает дух. С максимализмом молодости они стремились вникнуть во все без изъятия трактовки – канонические и полемичные. Им еще предстояло понять, что никто не обнимет необъятного, ибо неудержим поток мыслей интерпретаторов Писания.

Разумеется, дух поселенческой ешивы в Бейт Шеме устремлял молодые умы прежде всего к пониманию цели освоения Святой Земли. Поэтому с особенно пристальным интересом изучались адекватные этому направлению мысли события ранней истории иудейского народа – эпоха великих подвигов Моше и преемника его Йошуа.

2

Четверо друзей укрылись в круглой беседке неподалеку от ешивы, где они, натянувши на себя толстые свитера, собрались провести прохладную апрельскую ночь, обсуждая насущные темы и подогревая себя чаем из термоса и жаром дискуссии. Яков, а с ним Эльдад и Эйтан уселись

близко друг к другу, а Йошуа расположился чуть поодаль. Сегодня он казался несколько рассеян, словно некая дума занимала сердце его, и, возможно, поэтому он был пассивнее обычного в полемике.

- Друзья, я присваиваю себе право первого слова! – воскликнул Яков, безуспешно стараясь преодолеть характерный акцент, - как вам известно, я – простой заокеанский парень, матушка моя неиудейка, и я прошел тернистый путь обращения в нашу святую веру, а потом, презревши боль, вступил в племя праотца Авраама. Что подвигло меня на испытания, как вы думаете?

- Корень добра есть в тебе! – пытался процитировать Эльдад строку из Писания.

- Где еще обретешь истинное знание, как не в нашей ешиве? – предположил Эйтан.

- А ты что скажешь, закадычный друг? – спросил Яков задумчивого Йошуа.

- Продолжай, пожалуйста, простой заокеанский парень, - прозвучал слабый ответ.

- О, Йошуа, это тебе и твоим заразительным рассказам о прекрасной Земле Обетованной я обязан своим счастливым перерождением! – воскликнул Яков.

- Как удалось нашему Йошуа заронить искру веры в душу безбожника? – спросил Эльдад.

- Апикорус превратился в праведника! – неслыханное чудо! – возвестил Эйтан.

- Никакого чуда! – возразил Яков, - когда я гостил за океаном у Йошуа, он внушил мне заочную любовь к сей земле. Столь велика была сила убеждения слов его, что я решился на то, что решился! А теперь я с вами, я ваш, и вы мои, и можете представить себе, как горячо я люблю эту землю, как сильна страсть моя завоевать ее всю, в пределах Богом названных!

- Мы приняли тебя и рады пополнению! – подал голос Йошуа.

- Добавлю, - сказал Яков, - что удушающий скептицизм ханаанской ортодоксии, признавшей, наконец, меня иудеем, и последующая болезненная, но неизбежная процедура...

- Выражайся короче, Яков! - нетерпеливо перебил Эльдад, которому не понравился экивок по адресу ортодоксии.

- Преодоление мук духа и тела превратили преданность Земле Обетованной во всепоглощающую страсть, и посему я подлинно наслаждаюсь, встречая в Писании рассказы, созвучные песне моей души...

- Замечательно сказано, о, красноречивый заокеанец, - вставил Эйтан, - поведай нам что-нибудь из открытого тобою.

- К этому и веду. Интереснейшую вещь я вычитал. Когда Моше оставалось жить всего пять часов, он возопил к Господу, моля превратить его в птицу, чтобы перелететь через Иордан и оказаться в земле Ханаанской.

- Бог отверг просьбу, ибо прежде поклялся не допускать Моше в Святую Землю, - вмешался Эльдад.

- По выходе из Египта, на стойбище в засушливом Рыфидиме, - заметил Эйтан, - Бог повелел Моше добыть воду из скалы, подразумевая, что, поскольку сие есть Его воля, то для свершения

чуда довольно движения уст. Но неуверенный в силе слов, Моше ударил по скале посохом. За сомнение во всевластии Бога и был раб Господень наказан – не допущен в Святую Землю.

- Имеются и другие толкования этой проблемы, - подал голос Йошуа.

- Я не о том, я говорю о страстном желании Моше войти в возлюбленную землю, - вернул себе слово Яков, - и действительно, не успокоился Моше, и молил Бога сделать его рыбой, мол, переплывет он реку и увидит из воды страну.

- Известная история, - сказал Эльдад, - Бог снова ответил отказом по той же причине – клятву нельзя нарушать!

- И все же Господь откликнулся на крик души обреченного, - сказал Яков, - и пронес над Святой Землей облако, уносившее Моше в последний путь на небеса, и тот увидал краем глаза место, на которое не ступил ногой!

- Щедрость Господня в награду за веру в Него! – добавил Эйтан.

- Поверьте, друзья, - воскликнул Яков, - я не меньше Моше люблю Ханаан!

- Верим! – проговорил Йошуа.

- Пожелал Всевышний, чтоб не Моше, а Йошуа перевел людей через Иордан и далее правил бы народом. Так было! – изрек Яков.

- И восхищения и сочувствия заслуживает твой древний тезка, - заметил Эльдад, обратившись к Йошуа.

- Отчего же сочувствия? – усомнился Эйтан.

- Жестоковыйный человеческий материал достался Йошуа, да и собственный его дух нет-нет да и апеллировал к Божественному ободрению. Неуверенность и тревога – таков людской удел. Читая Святое Писание, считал ли ты, Эйтан, как часто Господь, обращаясь к Йошуа, повторял: “Будь мужествен”? – спросил Эльдад

- Многократно! – признал Эйтан

- А разве не заверял Он его из раза в раз, что по-прежнему будет вершить чудеса, иудеям в помощь?

- Верно! – вновь согласился Эйтан.

- А еще Бог многожды требовал от Йошуа твердить народу о благорасположении Его! – добавил Яков.

- Вот я и думаю, не означает ли всё это, что даже после сорока лет скитаний иудеи не поверили безраздельно в силу Всевышнего, и Он по-прежнему не вполне полагался на них? – спросил Эльдад всех и себя самого.

- Неужели? – удивился Эйтан, - выходит, старое поколение ушло, новое народилось, и сыны уподоблялись отцам?

- Не знаю! – огорченно произнес Эльдад.

- Сомневающийся теряет силу, - заметил Яков.

- Друзья, задумайтесь, однако – ведь сомневаться в Боге – значит верить в него! – воскликнул Йошуа, желая вернуть беседе оптимизм.

- Четыре десятка лет скитаний в пустыне не прибавили израильтянам военного мастерства, а ведь они вступили на землю, где им предстояло воевать и воевать! – с беспокойством добавил Яков.

- А ты что думаешь, Йошуа? – спросил Эйтан.

- Помолчу пока. Сперва послушаю, что скажут отец и дед, - ответил Йошуа.

3

Эльдад и Эйтан были встревожены и озадачены неопределенным поворотом темы – хотелось бесхитростной ясности, да усталость тормозила ход мыслей. Они поднялись со своих мест и приготовились удалиться ради короткого отдыха.

Дискуссия затянулась до глубокой ночи, и победит ли сон беспокойные мысли? Оба решили про себя, что непременно углубятся в фолианты и отыщут успокоительную однозначность. Тогда факел книжной мудрости рассеет тень, омрачившую им радость, доставленную древним героем, перешедшим Иордан.

Йошуа и Яков остались в беседке. Казалось, они чувствовали одинаковое желание обсудить нечто иное, для обоих важное.

- Старик, ты странно молчалив сегодня, - обратился Яков к Йошуа, - кажется, ты взволнован. Не хочешь ли поделиться с лучшим другом?

- Хочу и должен! – решительно заявил Йошуа.

- Вот моя рука!

- Сегодня, милый Яков, я перешел свой Иордан!

- Что или кто он, твой Иордан?

- Скорее, кто! Это – Сара! Судьбоносное слово молвить – тяжелеют уста. Но я отверз их!

- Да говори ты толком, не томи!

- Я решился, я сделал Саре предложение!

- И что же?

- Я счастлив, Яков! Я получил согласие! Сара дала ответ тотчас. Открытая, честная душа!

- О, как я рад! И за сестрицу, и за тебя, и за себя! Будущий зятек! – вскричал Яков и расцеловал Йошуа.

- Бог даст, в скором времени назову тебя шуриком! – воскликнул Йошуа и обнял Якова.

- К слову, о времени и прочем. Где, что, когда?

- Терпение! Сара должна сперва принять веру предков, да и закончить ульпану, - рассудительно ответил Йошуа.

- Мне показалось, есть облачко на небосклоне праздника твоего, или я ошибся? - осторожно спросил Яков.

- Твоя правда. Родственник наблюдательнее друга, - ответил Йошуа, - получив согласие, я принужден был уронить горькую каплю...

- А именно? – насторожился просвещенный Яков.

- Сара мечтала вступить в армию обороны Ханаана, а я заявил ей, что такое невозможно для девушки нашего круга. Боюсь, она опечалилась.

- Не в том состояла ее мечта. Перейдя Иордан, ты отделил ядра от шелухи в голове моей сестрицы. Она легко поймет – блюсти дух и букву веры счастливее, чем соблазняться суетой. Надеюсь, пролитая тобою капля хоть и была горька, но не ударяла в нос...

- Бог берег от греха. Дух и буква святы для меня! – отверг Йошуа грубоватый намек.

- Шучу, дружище... – улыбнулся Яков, похлопав Йошуа по плечу.

- Какой богатый жизнью день минул! – проговорил Йошуа, - не пора ли спать?

Глава 9

Йошуа и Рахав

1

В некий примечательный день, в Гильгале, неподалеку от восточной окраины города Йерихо, расположились станом полчища людей, словно с неба свалились. Первое, что сделали вновь прибывшие, – установили двенадцать больших валунов в центре лагеря в память о славной переправе через Иордан и как знак величия чудотворного Бога-покровителя.

В скором времени история земли Ханаанской совершит крутой поворот от спячки привычных войн, от скучных союзов и измен, от заурядных убийств и покушений, а также прочих ординарностей, в сторону бурных перемен. Реки крови не обмельчают, наоборот, течение их станет полнокровнее, и новая кровь вольется в жилы земли, и сердце ее застучит быстрее. Однако новизна придет, поразит умы, а потом примет вид обычности. Говорят, если радуга долго держится, на нее перестают смотреть.

Иудеи вступили на другой берег Иордана. Однако точнее сказать, Йошуа привел мужчин, женщин и детей на Святую Землю. А глубже глянуть – Господь направлял Йошуа, который будоражил племя. Выходит, израильтяне не дерзостью духа дразнили судьбу, но вдохновлялись верой в вожака, а тот уповал на подмогу Господа.

“Вождь смертен, но, уходя, вручит он преемникам веру свою, и она останется жить, передаваясь в поколения. Что есть Бог? Это вера в Него, пребывающая в сердце. Значит, навсегда поселится

Господь в людских сердцах, и нет счастья большего, и потому навек благословен будет народ сей сладкой жизнью!” - так рассуждал Йошуа в начале пути, намеченного ему самим Всевышним. Размышляя о будущем, возможно, не вспомнил он, что за горизонтом лет нам видятся приятные изобретения ума, а не суровость яви.

Ближайшая цель – взятие города Йерихо. Не успевший стать привычным, ратный труд вновь ожидает израильтян. “Поднимем меч на народ тот, и будем учиться воевать!” – сказал себе Йошуа.

2

Йерихо защищали мощные, высокие и необъятной ширины стены, с внутренней стороны которых размещались служившие различным нуждам ниши. В одной из них неподалеку от городских ворот угнездилась придорожная харчевня – душная комната без окон и с низким потолком. Однако отсутствие комфорта не убавляло количество посетителей. Кем были визитеры притягательного заведения? Горожане и чужеземцы. Первые входили в двери, открывавшиеся на городскую площадь. Вторые пробирались через узкий проход, глядевший в поле. Ни всадник на коне или верблюде, ни даже пеший, но хорошо вооруженный ратник, не могли бы протиснуться в щель. Вход этот предназначался для заезжих людишек из купеческих караванов, доставлявших товары жителям города. Намерения гостей, что своих, что чужих, отличались честностью и простотой – насытить утробу, захмелеть от славного местного вина, а то и переночевать.

Владелицей харчевни была молодая женщина по имени Рахав. Начав рассказ о ней, мы не имеем права пройти мимо одной важной подробности образа жизни и специфики заработка хозяйки заведения. Дело в том, что в Святом Писании названа Рахав словом “блудница”. Разумеется, не нам, далеким потомкам, не самые лучшие представители которых сделали уклонистами веры, судить о точности документов древности. Тем не менее, имея в виду незаурядный ум Рахав, что очень скоро заявит о себе, а также ту роль, которую этой женщине предстоит сыграть в личной судьбе Йошуа, нельзя не отметить конфузующее действие упомянутого слова. Посему почтем за благо воздержаться от развития этой темы на страницах нашей повести. Благоразумие пойдет рука об руку с благородством.

Рахав слыла самой успешной представительницей многочисленного семейного клана. Неподалеку от харчевни в тесном доме обретались ее отец и мать. С ними ютились до сих пор живые, но недужные деды и бабки Рахав. Не известно точно, сколько сестер и братьев было у нее, но мы доподлинно знаем, что младшие помогали ей подавать гостям харчевни вино и еду, взбивали тюфяки остающимся на ночлег, будили отправлявшихся с рассветом в путь, мыли в ручье миски, кружки да ложки, и совершали еще много других нужных дел.

Молодая Рахав безропотно и с радостью содержала немереное числом семейство – ни старого, ни малого не обижала. Она никогда не скупилась и любила всех. Полученное ею от рождения имя было под стать широкому сердцу ее.

Рахав не видела среди окружавших ее мужчин равного ей смекалкой, умом, трудолюбием, высотой духа. Да хоть бы одно из этих достоинств – и того не было! А она мечтала о сильном и властном герое, за спиной которого живет надежно, и женщина может позволить себе быть слабой. Увы, отец с матерью, бедняки и люди заурядные, не пособят ей желаемым сватовством.

3

Йошуа предстояло сражение с искушенными в ратном деле и хорошо вооруженными защитниками Йерихо. Он отлично представлял себе, как сложна задача для его войска –

босоногого и не успевшего набрать значительного военного опыта. Будучи полководцем Божьей милостью, он пришел к заключению, что только точное знание места сражения, а также слабых и сильных сторон противника, позволит возместить недостатки армии. Стало быть, необходима скрупулезная разведка. Отчего не посоветоваться с Калевом?

- Помнишь ли, Калев, нашу с тобой давнюю миссию, великим Моше на нас возложенную? – спросил Йошуа старинного друга, - не забыл ли, как лазутчиками обходили мы Святую Землю?

- Нет, не забыл! – мрачно откликнулся Калев, - да только дело худо кончилось – сорок лет кары вышло нам!

- Кто старое помянет – тому глаз вон! – неуверенно сказал Йошуа.

- А кто запомнит – тому оба вон! – сердито заявил Калев.

- Да разве я забыл!.. Однако ж, как молоды мы были...

- И верили в себя... Эх, слова, слова... Как в Писании говорится, молод я был и состарился... А кончилось-то бедой...

- Я отряжаю, дружище, двоих соглядатаев в Йерихо, - сказал Йошуа, меняя направление беседы.

- Одобряю. Чем малочисленнее посланничество, тем больше на него надежи.

- Пожалуй. В любой толпе скорее сыщешь двоих честных малых, нежели двенадцать.

- Бог нам в помощь. Скоро узнаем, что донесут твои добры молодцы, - сказал Калев и подал Йошуа руку, прощаясь.

Для разведки Йерихо избрал Йошуа двух прямодушных, смысленных и смелых бойцов – Барак и Барух их имена. “Не торопитесь, выведайте побольше. Помните – от тщания вашего зависит судьба сражения” – напутствовал Йошуа посланцев.

Жители Йерихо и царь с ними заодно весьма обеспокоились свалившимся на них соседством израильтян. Никто не звал ни этих чужаков, ни что у них на уме. Монарх всюду подсылал осведомителей. Они разнюхивали, выспрашивали, собирали мало-помалу толки и сплетни о чужаках, об их прошлых деяниях и о будущих намерениях. И перед взором царя и подданных нарисовалась мрачнее тучи тревожная картина.

Высочайшим указом горожанам велено было следить за каждым иноземцем и о всяком подозрительном движении со стороны последних тотчас докладывать придворным. Донositеля ждала царская награда. Смута душевная не миновала и Рахав. Какой только люд не посещал ее харчевню! Все слухи стекались в душную комнату с низким потолком. Не диво, что Рахав знала много больше самых пронырливых царских шпионов. Бдительная женщина изрядно собрала в голове своей сведений о замыслах пришельцев, о вожде их и о покровителе на небесах. И сердце шепнуло ей: “Не убоись, и сбудутся мечты!”

4

Барак и Барух покинули лагерь с утра пораньше и направились в сторону Йерихо. День-деньской бродили они вокруг города. Что видели и слышали – запоминали. Старательно высматривали, выискивали, выспрашивали осторожно, дабы не возбудить подозрение у местных и у чужих.

Напрасно старались Барак и Барух выглядеть невинными простаками. Ябедники заметили двух странно любопытных иудеев-оборванцев и сообщили во дворец. Монарх приказал глядеть за ними в оба, и чуть нарушат они хоть самое пустячное городское установление, тотчас хватать их, вязать и волочь в темницу для расследования, дабы под пытками признались в злонамерении. А ежели не согрешат, то все равно арестовать подозрительных, и потому опасных для власти людей, и поступить с ними так же, как если бы попрали закон, ибо спокойствие царя есть возвышающееся над законом право.

Стемнело. Удовлетворенные результатами первого дня рекогносцировки, проголодавшиеся и утомленные, израильские посланцы протиснулись в харчевню через узкий наружный вход. Хозяйка встретила визитеров приветливой улыбкой. Предчувствовала Рахав, что эта парочка не минует ее заведения.

- Милости прошу, дорогие гости, присаживайтесь к столу! – прощепетала хозяйка, - меня зовут Рахав, а вы кто?

- Я – Барак, а приятель мой – Барух, - прозвучал добродушный ответ.

- Очень приятно. Чем отужинаете?

- Мы люди бедные, к мясу не приучены, нам бы лепешек пшеничных, кувшинчик маслица, да фиников – вот и все! – заказал Барак.

- Недурно бы и по маленькой кружечке винца, - скромно добавил Барух.

- Я всем гостям рада – и богатым и бедным. Одну минутку, и кушанье будет на столе! – промолвила Рахав, - вы последние, прочие разошлись, я быстро!

- А заночевать нам – найдешь пару тюфяков? – бросил Барак вслед направившейся к очагу хозяйке.

- С радостью дам ночлег молодым людям, - сказала Рахав, водружая на стол миски с едой, - ешьте на здоровье!

- Спасибо, хозяйюшка! – ответил Барух.

- Имена у вас не нашеньские и говор чудной. Откуда будете?

- Израильтяне мы, - неохотно бросил Барак.

- Забрели, значит, к нам в Йерихо? Для какой такой надобности, если не тайна?

- Какие еще тайны? – небрежно буркнул Барух, - интересуемся познанием всякого рода мест, вот и весь наш секрет!

- Вижу, ребята вы бесхитростные, - сказала Рахав и вдруг насторожилась, - в дверь стучат! Не иначе, сыскари царские! Опасно вам здесь. Вот лаз. Живо взбирайтесь на кровлю городской стены и спрячьтесь среди стеблей – я там лен сушу. А я открою.

- Говори, Рахав, - гаркнул ворвавшийся офицер, - где двое израильтян, что столовались у тебя?

- Откушали да и ушли. Кто они?

- Кто они? Иудеи! Враги царя и народа!

- Что натворили?

- Тебе знать не положено! Говори, куда они пошли!

- Вон туда двинулись, - указала Рахав на едва заметную в темноте тропинку, что вела в поле от наружного входа в харчевню, - если солдаты твои на конях да с факелами – непременно нагоните злодеев. Поторопитесь, однако. Да пребудет с вами удача!

- Спасибо тебе, честная женщина! – прогремел офицер и бросился в погоню во главе своих солдат.

- Слушайте меня внимательно, Барак и Барух! – воскликнула взволнованная Рахав, взобравшись на кровлю, - за вами погоня, и ждет вас смерть, если настигнут. Я направила преследователей по ложному пути. Прячьтесь три дня вон на той горе, а потом идите своей дорогой. Я спасла вам жизнь.

- О, честная Рахав, мы должники твои! – в голос проговорили Барак и Барух.

- Я знаю, покровительствует вам Бог, и Он всемогущ. Он творит чудеса для вашего народа – осушил море, остановил реку, доставил победу над Амалеком!

- Мы верим в Него!

- Слышали мы в Йерихо – даровал Он израильтянам нашу землю...

- Мы верим в Него!

- Нет в мире силы, что отменит волю Его!

- Мы верим в Него!

- Предводитель ваш тверд и мужествен!

- Мы верим в него!

- Оробел наш город, и в этом ваша сила!

- Не упустим своего!

- Я спасла вас, Барак и Барух, а теперь ваш черед оказать мне милость!

- Иудеи платят добром за добро, не различая племени!

- Как придут ваши воины в Йерихо и станут убивать, крушить и жечь, пощадите мою семью!

- Пусть вся родня соберется в харчевне, и мы будем знать, что здесь твои люди! – сказал Барак.

- Спусти со стены в этом месте червлёный шнурок – знак воинам нашим не причинять вреда схоронившимся в доме твоём, - добавил Барух.

- А теперь поклянитесь, Барак и Барух, что не нарушите слова!

- Клянемся! – проговорили разом разведчики, - но если донесешь о сговоре нашем – мы свободны от клятвы!

- Я не предаю! – торжественно воскликнула Рахав, - а сейчас – ступайте!

5

Через три дня по слову Рахав вернулись в Гильгаль разведчики. Барак и Барух дельно и подробно доложили Йошуа об устройстве крепостных стен, об отличном гарнизоне в Йерихо и о страхе, сковавшем волю воинов и горожан, запуганных умыслом пришельцев отнять у жителей Ханаана их землю, объявленную Святой всемогущим израильским Богом-покровителем. Йошуа выслушал донесение с удовлетворением, но с грустью отметил недоверчивость к Всевышнему своих против богобоязненности чужих.

Не забыли посланцы Йошуа рассказать о своих опасных приключениях. Убеленный сединами полководец подробно расспрашивал их о хозяйке харчевни. Заставил Барака и Баруха, каждого в отдельности, повторить слово в слово всё, о чем говорили они с Рахав. Разведчики удивились неожиданному интересу ветерана к молодой особе и к красоте вида ее. Спрашивал Йошуа, велика ли семья у Рахав, и нежен ли голос, и пышны ли волосы, и красивы ли руки, и бела ли кожа. Барак и Барух отвечали толково и обстоятельно, ибо подробности сии не ускользнули от мужских зорких глаз. Сознание важности миссии не ослабляет тиранию естества.

Уж немало лет томился Йошуа без женской ласки. Две наложницы, наследство Египта, те самые, с которыми в Рыфидиме он делился радостью победы над Амалеком, давно сложили свои кости в пустыне. По правде говоря, не были милы ему легковесного нрава женщины те. Душа Йошуа жаждала встретить существо равное ему умом, глубиной чувств, верностью. И вот он услышал о Рахав. Он увидит ее и заговорит с ней. Ежели она такова, как он представил ее себе со слов Барака и Баруха, то непременно женится на ней.

Йошуа стоял в глубоком раздумье у двенадцати валунов на площади в центре Гильгала. Подошел Калев.

- Доволен ли ты донесением разведчиков? – спросил Калев

- Вполне. Враг заранее напуган, мы одолеем его без великих потерь, - ответил Йошуа.

- Я успел перекинуться словом с Баракком и Барухом и согласен с тобой. А еще пролазы эти сказали, что тебя странным образом интересовала тамошняя хозяйка харчевни. Что бы это значило, старина?

- Нет у меня секретов от тебя. Я хочу жениться на Рахав.

- Бог в помощь тебе, друг ситный. Ей двадцать два, тебе восемьдесят два. Безрассудство в самом себе несет наказание...

- Мое сердце молодо, ее чувства – зрелы!

- Она язычница!

- Рахав примет мою веру!

- Она будет верна тебе?

- Не сомневаюсь. Она держит клятву – царской наградой не прельстилась и на посланцев моих не донесла!

- Тем самым, изменила родному племени! Предавший раз – предаст и два!

- Тусклая, затасканная мудрость. Измена с благородной целью – благородна. Рахав чужды люди Йерихо – трусливое и глупое стадо. Мы ей сродни. Верность – это верность своим и своей мечте!

Калев, не любивший долгих разговоров, пожал Йошуа руку на прощанье и пошел своей дорогой.

Толкователи Книги поведали нам, что Рахав с радостью приняла веру Йошуа, и они полюбили друг друга, и заключили брачный союз, и породили дочерей. Знатоки утверждали, что великий пророк Ирмияу происходил из потомков сего необычайного брака.

Глава 10

Если ты прилепишься к ней

1

Итак, Йошуа сделал предложение Саре, получил согласие, и они стали женихом и невестой. Теперь наш долг представить оку читателя сию судьбоносную сцену. Любовь романтична с первой минуты, есть ли романтика в помолвке – покажет время.

В тот вечер наблюдательная Сара обратила внимание на странную взволнованность Йошуа. Он встретил подругу как всегда, у ворот улыпаны, привычным жестом взял ее руку в свою. Его ладонь была горяча и влажна. Всегдашний бойкий разговор, уснащенный взаимными подшучиваниями, никак не завязывался – так, отдельные фразы. Он почему-то забыл предложить ей поужинать, а ведь знал, что в этот час у нее волчий аппетит. В дни свиданий Сара приучила себя не есть в большой перерыв между уроками, чтобы проголодаться посильнее да посидеть потом подольше за столом с Йошуа. Продолжительная совместная трапеза сближает воззрения, а то и сердца.

Он надолго замолчал. Его тревога передалось ей и породила в юной девичьей душе недобрые предположения. В молчащем подозревают худшее. “Может, задумал неладное? А если бросит?” Сара вспомнила, как одноклассницы в заокеанской общеобразовательной школе, то одна, то другая, утирая слезы, рассказывали о неверных своих дружках. “Но Йошуа ведь не такой! – думала она, - а вдруг такой? Здесь, на Святой Земле, девушки в улыпане не делятся друг с другом любовными треволениями. Да им и рассказывать-то нечего, не положено ученицам знаться с молодыми людьми!” В этом благородном женском учебном заведении Сара была единственной девицей, принимавшей мужские ухаживания. Но наставницы и товарки скрепя сердце прощали ей неприличие – бедняжка не виновата, что не получила в родительском доме строгого воспитания, еще исправится, Бог даст.

Вдруг Йошуа резко остановился, повернулся к спутнице лицом, и, не замечая встречных прохожих, признался Саре в любви и попросил ее руки. Охваченный трепетом, он говорил хрипло, отрывисто, отнюдь не красноречиво, скорее косноязычно. Да это не беда! К чему излишние рулады, коль песнь сама по себе прекрасна? Жизнь всеядна и переваривает любые

радикальные воззрения, даже самый отъявленный максимализм вроде “содержание – все, форма – ничто” – ей нипочем!

У Сары дух захватило, и мысли запрыгали в мозгу: “О, небеса, теперь я верю в вас! О, неужели дождалась? Как счастливо дело разрешилось!” И верно – короткая душевная смута, и бесконечно долгое блаженство впереди! Влекомая порывом, она прижалась к Йошуа, спрятала лицо у него на груди, слезы оросили щеки ее. Она пролепетала “да” – заветное слово, которое давно было ею приготовлено для сего случая. Если нечто кажется нам жизненно необходимым, то оно непременно случится, не так ли?

Услыхав ответ, Йошуа высоко вознесся духом и обнял Сару в благодарном порыве. Так стояли они, прижавшись друг к другу, но тут почудилось ей, словно волна новой грусти накатила на душу его. Сара подняла на Йошуа глаза, и он, поняв немой вопрос, твердо заявил, что теперь, когда судьбы их связаны, она не сможет осуществить свою лихую мечту, сиречь не бывать ей солдаткой, ибо вековые устои не без причины прописали разные законы для мужчин и для женщин.

Легкость, с которой Сара встретила это лишение, обрадовала Йошуа, потому как избавляла его от необходимости приводить сложные умственные выкладки о справедливости ограничения женской свободы. Доводы эти трудно постигаются теми, кого судьба с малолетства не подпустила к познанию Божьей морали. Однако неожиданная покладистость Сары немного царапнула душу Йошуа – а искренним ли было ее желание послужить Святой Земле?

Как бы то ни было, Йошуа почел за благо сообщить Саре кое-что из заготовленных заранее разъяснений. Девица должна знать, что служители Всевышнего, в том числе отец и дед его, придают чрезвычайное значение правильному решению женского вопроса в толще народа иудейского. Отнюдь не умаляя той пользы, которую женщины способны принести мужчинам, нельзя ломать Божественные рамки, выраженные в концепции Господа “Сделаю подмогу ему”. Подмогу, а не замену! Праздное созерцание лика и очертаний стана женщины, ее достоинств и прелестей, приводит в смятение разум мужчины и подталкивает одного к несправедности. Посему строгая логика и здравый смысл подсказывают, что женщина, являясь существом потенциально опасным с точки зрения провоцирования греха, не должна пребывать в мужской среде, а уж в армии – и подавно!

Блаженным, невидящим взглядом Сара любовно всматривалась в лик Йошуа и не вслушивалась в его речи. Она думала о своем. Наконец, оба вспомнили, что голодны. Взявшись за руки, они весело зашагали к излюбленному своему ресторанчику. Обычная еда казалась необычайно вкусной, легкое вино кружило голову, лица сияли.

К нашей парочке подошла незнакомая дама, сидевшая за соседним столом, и, смущаясь и извиняясь, попросила дать взаймы немного денег – ей не хватило заплатить по счету, она живет тут неподалеку, мигом вернется и возвратит долг. Йошуа с готовностью достал из кармана кошелек. Через полчаса дама вновь появилась, протянула молодым деньги и маленький целлофановый пакетик. “Спасибо, что выручили, а это – вам маленький сувенир от меня за ваше заразительное счастье!” – сказала и упорхнула.

В пакетике лежали сложенные треугольниками два шелковых платочка в красно-белую клетку. Йошуа с недоумением разглядывал тряпицы. Умиленно улыбаясь, Сара забрала у него скромный дар: “Давай сюда. Я всю жизнь буду хранить эту прелесть – на память о сегодняшнем дне!”

Эльдад и Эйтан ехали из Бет Шема в Авив. В одном из южных районов мегаполиса, на берегу моря расположился пригород, большую часть которого населяли ханаанские аборигены. К одному из них в гости, а, вернее, с важным, не терпящим отлагательства делом, направлялись наши герои.

Эльдад правил машиной, Эйтан смиренно сидел рядом, хотя считался прекрасным водителем. Но нынче он уступил руль товарищу ради безопасности, ибо ощущал некоторую дрожь в руках, как следствие одолевавшего его трепета. Эльдад состоял в молодежной организации “Движение за чистоту”, а Эйтан только готовился вступить в ее члены, и сегодняшнее задание было первым испытанием кандидата. Выдержит экзамен – и получит рекомендацию от друга.

- Знаешь, Эльдад, я вычитал, что Рахав было уж за пятьдесят, когда Йошуа впервые увидел ее, - сказал Эйтан.

- Ты переутомился, дружок, - рассмеялся Эльдад, - Йошуа повстречал Рахав примерно двадцатилетней, женился на ней, и она родила ему дочерей, и это установленный факт. В наших книгах не бывает разноречий.

- А вот когда Йошуа послал разведчиков в Йерихо, явились к нему два чёрта и давай выпрашивать, куда это он бойцов направил, а тот отвечает...

- Хватит, Эйтан! В башку твою черти явились! Трусишь и сам себе зубы заговариваешь. Скажи-ка лучше, ты инструменты приготовил?

- Конечно! Ключки для гольфа. Железные. В багажнике лежат. Полиция остановит – ничего подозрительного не найдет.

- Молодец! Полиция сейчас бдительна. После того, что случилось.

- А что случилось? – спросил Эйтан.

- С луны свалился? – начал сердиться Эльдад, - какой-то болван, из соседнего с нашим поселением, вооружившись ножом, напал на солдатку. Застрелили его, прежде чем успел злодеяние свершить.

- Об этом что-то я читал. Так ведь намерения у него были правильные! Девица в солдаты пошла! Неслыханно!

- Верно, намерения его были угодны перед Богом, да действия неуютны!

- И чем дело кончилось? – снова спросил Эйтан.

- Приятель его, умом небогатый, думал отмыть имя дружка. Принес в полицию письмо, которое тот якобы оставил, дескать, таким манером решил жизни себя лишить.

- Но мы-то не таковы, верно, Эльдад?

- Верно, верно. Как звать ту дуреху, помнишь?

- Кажется, Рахав...

- У тебя всё древность на уме. Не Рахав, а Рахель ее имя!

- Подъезжаем, Эльдад. Паркуйся здесь.

- Ясно. Ты парня хорошо запомнил?

- Не бойся, не ошибусь.

- Доставай инструменты из багажника! – скомандовал Эльдад, выйдя из машины.

Эльдад и Эйтан уселись на скамейку, стали дожидаться, когда из бара за углом покажется тот, который им нужен. Эйтан подготовился к операции, вызнал необходимое. Вот-вот закончится рабочая смена у субчика, он направится домой, тут неподалеку, переоденется и поедет в колледж, где учится на строительного инженера, а вечером у него назначено свидание с Рахель. Последнее нетерпимо, и остановить бесчинство наглого аборигена призваны наши герои.

Вот появился молодой парень привлекательной наружности. Среднего роста, широк в плечах, крепок на вид. “Хорошо, что нас двое, но не худо бы и третьего. Жаль, Яков не с нами!” – подумал Эйтан.

Ученики ешивы преградили дорогу студенту колледжа, пригласили сесть с ними на скамейку для серьезного разговора. Все трое были напряжены. Парень сразу понял, зачем он понадобился. Он молчал, в глазах его застыли страх и неприязнь.

Без предисловий Эльдад ультимативно заявил, что дочери Израиля предназначены сынам Израиля, и только им, и исключений не будет. Двое враждебно смотрели на третьего, сжимая в руках клюшки для гольфа, тот, безоружный, глядел на них с ненавистью. Он повернулся и зашагал прочь, ни слова не вымолвив.

“Уверен, роман не будет дописан, - процедил Эльдад, - парень, кажется, понятлив. На всякий случай, вечером понаблюдай за дурочкой. Поехали назад в Бейт Шем. Дам тебе, Эйтан, рекомендацию, вступишь в наше “Движение за чистоту”.

3

Аврам-Ицхак принимал поздравления от единомышленников. Его смелое выступление в столичной ешиве получило широкий общественный резонанс. Пресса, в большинстве своем враждебная национальным духовным ценностям, тенденциозно и вне связи с общим контекстом цитировала слова оратора. Телевидение, тоже предубежденное, демонстрировало горячую и в карикатурном ракурсе реакцию слушателей на самые острые фрагменты доклада. По мнению обитателей Бейт Шема и иже с ними, парадоксальны ханаанские средства информации: чем светлее мир, тем темнее они его освещают.

Седобородый патриарх искренно и без околичностей высказал то, что тяготило сердца многих, да только не хватало им храбрости уста отверзнуть. Не от того ли старики откровеннее молодых, что карьера им без надобности? Если верно это, то, выходит, смелость не благородству души обязана, а на трезвом расчете ума зиждется.

Аврам-Ицхак говорил о недопустимости привлечения женщин в армию. Не гоже девушкам мелькать на глазах у парней. Без ложного стеснения, называя вещи своими именами, он обрисовал вероятные сюжеты – все с печальным финалом. Он обращался языком Книги к ученым знатокам и добавлял житейские примеры для людей попроще. Не срезая углов, без обвиняков, Аврам-Ицхак прямо заявил, что проникший в землю Ханаанскую бес феминизма – губитель духа иудейской веры – должен быть безжалостно изгнан из голов и сердец. Он

решительно возразил возмущенным матерям, вступившимся за своих боевитых дочерей, сказав коротко и доходчиво: “Да кто ж на бывших солдатках женится?”

Йошуа не собирался посвящать семью в брачный сговор с Сарой, покуда та не примет веру. Но Якову-то он сказал, а у стен отличный слух. Первой узнала мать. Хава поспешила поделиться новостью с Цви. Родителям Йошуа не хотелось доводить до сведения престарелых Аврама-Ицхака и Рейзы-Ривки сей важнейший факт. Во-первых, жалко будоражить стариков, а, во-вторых, Цви и Хава предвидели, что, взволновавшись, ветераны подсластят им жизнь. С другой стороны, если дед с бабкой проведуют, что сын и сноха скрыли от них весть первостепенной важности, то обида неминуема.

Избрав меньшее из зол, Цви и Хава осторожно уведомили Аврама-Ицхака и Рейзу-Ривку. На семейном совете было принято единодушное решение не подавать виду, что шило вылезло из мешка. “Пусть Йошуа не подозревает, что нам известны его планы взять в жены неиудейку. Кто знает, что родит грядущее? Может, дело и само уладится, а, вернее, расстроится. Как говорится, не суйся день первый прежде субботы!” – мудро рассудил Аврам-Ицхак.

Из упомянутых четверых доброжелателей, искренно желавших благоденствия дражайшему Йошуа, только Аврам-Ицхак мог с уверенностью характеризовать свое отношение к предмету как однозначное.

Материнская душа Хавы разрывалось от боли при мысли, что сына лишат избранницы, подлинно любящей ее мальчика. Понимая неизбежность разрыва, она, как и свекор, полагала, что лучше уж пусть разладится любовь меж молодыми.

Рейза-Ривка больше всего хотела скорейшей женитьбы внука – мечтала дожить до правнуков. Но шепот мужниной правоты был громче крика собственного сердца, и за многие годы оно приучилось говорить его устами, изрекающими только высшие истины. От долгого употребления лицемерие обретает вид благонамеренности.

В душе Цви таилось естественное и неистребимое желание сына не соглашаться с отцом, особенно, когда тот бывал прав. Как родитель и еще нестарый мужчина, он желал чаду своему женитьбы по любви и был бы рад видеть в доме юное женское лицо. Вполне сознавая невозможность отмены решения Аврама-Ицхака, все же Цви заметил отцу, мол, легендарный Йошуа женился на неиудейке Рахав, и чем же наш Йошуа хуже?

“Сын мой, - великодушно возразил старец, - ведь тебе, наставляющему юношество и обладателю широкого кругозора, без сомнения известно, что древний герой бывал прав не во всех своих деяниях, и это отмечено нашими мудрецами. Среди них нашлись смельчаки, осудившие Йошуа за скоропалительный брак. Мы не начетчики, не рутинеры, мы – люди духа, и читаем нашу Книгу, сообразуясь с велением дня!”

Глава 11

Словом разрушали города

1

История знает немало войн, важным этапом коих был штурм и захват города. Памятным событием из этого ряда, несомненно, является взятие крепости Йерихо. Писателей и художников, поэтов и ученых, и, конечно, толкователей Святых Книг всех конфессий весьма

занимало случившееся тогда необычайное происшествие – обрушение городских стен под действием гудения труб и грома тысяч голосов.

Мастера кисти и пера очаровывали души, воплощая на холсте и бумаге невиданное чудо, ученые копошились в клинописях и черепках, добавляя на книжные полки университетов тома невразумительных текстов, и только служители Господа знали сами и разъясняли простым и благодарным своим слушателям истинный ход событий, ибо опирались они на веру в слово и дело Всевышнего.

С некоторой степенью вероятия можно утверждать, что Йошуа, зная недоверчивость (чтобы не сказать твердолобость) своего народа, предвидел грядущее разноречие трактовок. Однако навряд ли он много размышлял над угаданными им плодами суемудрия будущих толкователей. Примем во внимание следующее важное обстоятельство: вещи, представляющие для наших современников интерес не более чем умозрительный, герою глубокой старины являлись как актуальность и требовали конкретных дел, а не метафизических умствований.

Перед Йошуа стояла сверхзадача овладения щедрым даром Господа – просторами Ханаана. Он должен был стереть с лица земли старый и воздвигнуть новый мир, который предназначался по мысли Бога для Его народа-избранника. И вот, покорение города Йерихо – первая вежа, этап номер один на исторической стезе древнего племени, вступившего на свою землю.

Полководец Йошуа ясно видел, что Йерихо являлся связующим пунктом меж прочими городами Ханаана, и овладение им разобщало армии противника, затрудняя создание возможных враждебных союзов. Отторгнуть у аборигенов сей важный бастион означало открыть дорогу к новым захватам.

Куда как важнее стратегического значения победы над Йерихо мыслилось обретение израильтянами духа решимости воевать ради будущего. “У людей появится вкус к собственным жертвам, вера в правоту беспощадности, а, главное, убеждение в благонамеренности Господа, - думал Йошуа, - да и нет у меня иного выбора, кроме покорения города!”

Благополучно вернувшиеся с задания разведчики Барак и Барух представили оку и уху командира ценные донесения: о прочных фортификационных сооружениях города, о его хорошо вооруженном гарнизоне, о прячущихся за высокими стенами многочисленных обитателях и об их упадочническом настрое. Сведения о Рахав, владелице харчевни, Йошуа принял с особым вниманием и сокрыл в сердце своем.

2

Йошуа обдумывал план наступления, штурма, разрушения, изобретал засады, всевозможные военные хитрости и прочие акты вооруженной борьбы. И тут явилось озарение – в этом первом и судьбоносном испытании залогом успеха станет не что иное, как искренность веры в Господа. Редко и благословенно мгновение, когда разум взлетает до высот, обычно лишь душе доступных. Некое шестое чувство внушило Йошуа сознание неизбежности необычайных событий, и они-то и решат исход боя. Он еще не знал, какое чудо ждет его, но верил, что оно непременно случится.

И обратился Господь к Йошуа: “Смотри, Я передаю в руки твои Йерихо, и царя его и храбрых воинов”. И возрадовался полководец, ибо не обмануло его счастливое предчувствие, и Бог в помощь ему, и успех ждет впереди! Далее Господь продолжил наставлять Йошуа и божественно просто, ясно и неопровержимо указал путь к победе. Кто подлинно домогается знания, тому наука впрок.

Йошуа созвал войско, старейшин и служителей Бога, дабы довести до всех план Господа. Священникам он предписал обходить город, неся высоко над головою Ковчег Завета, а семерым из них трубить в шофары. Отрядам воинов приказал идти впереди и позади процессии. И так надлежит делать шесть дней подряд по одному разу в день. А народу велено было стоять вокруг стен, молча смотреть на шествие, не издавать ни звука, покуда Йошуа не скамандует разразиться криком.

Возглавлять манифестацию устрашения вознамерился Йошуа самолично. Барак отыскал для командира крепкого и покладистого осла. Высокий ростом муж усмехнулся, уселся в седло, а ноги остались на земле. Не годится осел. Тогда Барух подвел полководцу борзого коня-скорохода. Жеребец согнулся под тяжестью седока, сделал шаг-другой и упал на передние ноги. Не под силу рысаку снести груз дородного тела. Выручил Калев. Он распряг крупного вола, и Йошуа взгромоздился на могучую спину добродушного труженика, а тот не дрогнул и лишь одобрительно кивнул могучей головой. Вот на этом животном Йошуа и станет объезжать город!

На радостях Йошуа многократно облобызал нос четвероногого помощника. С тех пор у волов не растет шерсть на морде. Пожалуй, подобное объяснение анатомических особенностей кожи домашних животных покажется некоторым досужей байкой. Что ж, наука рассудит. Возможно, кое-кто прочитав о поцелуе Йошуа, читатель вспомнит о другом поцелуе сходного именем библейского персонажа, не будь рядом помянут. Все может быть. Однако оставим предположения и вернемся к несомненности фактов.

Йерихо был заперт и недоступен для сынов Израиля. Горожане не входили и не выходили. Вооруженный до зубов гарнизон носу не высовывал, уповая на оборону и еще неведомо на что. Жители, как и говорила Рахав, совершенно потерялись от страха, не надеялись на своих защитников и готовились к худшему.

Шесть дней подряд, с восходом солнца, Йошуа, взгромоздясь на спину вола, открывал устрашающий марш вокруг городских стен. За ним молча и грозно ступали отряды бойцов. Далее шествовали священники с Ковчегом Завета. Семеро служителей Господа оглашали окрестные поля трубными звуками шофаров. Замыкали процессию вооруженные мечами воины. Тысячные толпы народа немо смотрели на обреченную крепость.

К полудню обход городских стен завершался, и утомленные солдаты и священники возвращались для отдыха в свой лагерь в Гильгале, чтобы завтрашним утром с новым пылом пройти намеченный Йошуа круговой маршрут.

Ежедневно повторяющиеся грозные трубные звуки совершенно деморализовали защитников города. Если бы иудеи напали без промедления, может, и появился бы у гарнизона шанс отринуть захватчиков. А вот мучительно долгая психическая атака оказалась в высшей степени успешной против душевно нестойкого врага. Воля Йерихо к сопротивлению была напрочь подавлена, трепетали заячьи сердца жителей города. Мощные стены не представляли более преграды к победе, но существовала иная, не военного рода причина сокрушить их.

И вот, в седьмой день Йошуа воззвал к народу: “Кричите, ибо Господь предал вам город! И крепко-накрепко запомните: как станете громить, не берите себе ни серебра, ни золота, ни меди, ни железа – ибо предназначено сие для сокровищницы Господней!”

Затрубили шофары, и крик тысяч глоток взвился к небесам. И низверглась вниз стена на месте своем, и вступили люди в Йерихо и захватили город. Всех истребляли на своем пути победители – мужчин и женщин, юношей и старцев, быков и овец – всё живое умертвляли острием меча.

По приказу полководца Барак и Барух первыми ворвались в поверженную крепость, ибо Йошуа велел им, пока не поздно, отыскать харчевню и увести в безопасное место Рахав с семейством ее, дабы избавить от общей злой судьбы. Бывшие разведчики увидели, что малая часть стены у городских ворот не пала. Там располагалось приютившее их подворье. Они заприметили червленый шнурок, свисавший из окна, и вывели на волю Рахав и родню ее. И сразу после этого рухнула постройка и сравнялась с землей.

Два важных деяния предстояло свершить израильтянам. Во-первых, доблестным победителям полагалось сжечь огнем все городские постройки. Во-вторых, серебро, золото и утварь медную и железную следовало отдать в сокровищницу дома Господня. Если первая акция была совершена в точности с повелением командующего, то в отношении второй ожидало Йошуа, да и весь народ иудейский, немалое разочарование, о котором речь впереди.

Йошуа не удовольствовался тотальным уничтожением города и его жителей, но и воспретил восстанавливать Йерихо. Он остерег своих людей, мол, кто преступит сей запрет, у того при закладке города умрет первенец, а как доведет нарушитель постройку до конца – лишится и младшего сына. И Бог одобрил кардинальные действия своего ставленника и не просил объяснения причин. Возможно, Он отметил про себя с великим удовлетворением, что Йошуа безукоризненно верно понял цели и средства Его. Не показной, но истинный радикализм имеет надежду на успех.

Нет, не слепая жестокость двигала волею древнего героя, но высшая идея руководила им. Поражением обернется победа, коли оставить события на произвол слабости природы человеческой. “Завладеют иудеи городом и всем, что в нем, обратят жителей в рабство, - рассуждал Йошуа, - и лягут к ногам победителей незаработанный достаток и даровой труд. И успокоится народ, и осядет на землю, и шипение животного начала задушит глас высокого духа. Да разве для этого Господь давал Землю Обетованную народу своему? Вот почему необходимо уничтожить всех и всё! Боже, сохрани нас от соблазна возродить Йерихо! Страна должна быть построена заново своими руками, и только тогда сыны Израиля узнают ее настоящую цену. И надо ли горевать о гибели убиенных, коли они встали на пути свершения великого замысла? Ничтожен человек, и жизнь его – пустяк против грандиозности плана!”

3

Аскетичное существование Калева – не пример для Йошуа. “Постник или притворяется, или с головой не дружит, - думал он, - да и неизвестно пока, захочет ли Калев оставаться холостяком, или старинный соратник загорится иным желанием – время покажет!” Зато Йошуа весьма впечатлился рассказом Барака и Баруха о молодой хозяйке харчевни Рахав. Все говорило за то, что женщина эта – подходящая ему пара. Осталось только увидеть ее, да показать себя.

Состоялось знакомство Йошуа и Рахав. Как много решает первое свидание, первое впечатление, первый взгляд! И он и она ожидали встречи, и когда она произошла, добрые предчувствия не обманули их. “Кажется, я полюбила!” – мысленно сказала Рахав. “Вот какая женщина мне нужна!” – произнес вслух Йошуа.

Немедленно были призваны Гидон и Гилад – лучшие ученики полководца и пророка Йошуа. На них возложил он труд обращения в иудейскую веру спасенных из огня Йерихо язычников – Рахав и ее семейство. Перед женами учеников он поставил задачу ускоренно обучать новообращенную исполнению заповедей семейной чистоты и соблюдению кашрута во всех его ипостасях.

Йошуа вспомнил язвительное замечание Калева, мол, жениху восемьдесят два, а невесте двадцать два. Да, не отменить подстерегающей потенциальных супругов опасности. Но

романтическое сердце Рахав и нежная душа Йошуа взирали на любовный союз не взглядом мрачного предвидения, диктуемым пошлостью житейской рассудительности, но желанием неотложного, а вовсе не вечного и потому несбыточного счастья. “Не в завтрашнем, но в сегодняшнем мне нужна человеку уверенность, - говорил себе Йошуа, - и не станет наш брак мезальянсом!”

Глава 12

Диссонанс в гармонии

1

Читатель, несомненно, обратил внимание, что половина повести посвящена правдивому показу событий седой старины, другая же ее часть изображает эпизоды наших дней. Думается, автор не сильно согрешит против духа современного Ханаана, если позволит себе заглянуть на одно поколение назад. Тем более что время меняет людей мало, а на идеи оно воздействует и того меньше.

Скажем несколько слов о юных годах закадычных в прошлом друзей Цви и Идо. Два молодых холостяка, оба студенты, полны идеалов, рвутся к учености, хотят всё знать, и романтические чувства не чужды им. Они живут в столице земли Ханаанской. Цви познает мир и людей, штудируя Святое Писание в одной из ешив, куда определил его отец Аврам-Ицхак. Идо, отличник университетской учебы, вгрызается в тот же священный предмет, но только приняв холодные воззрения равнодушной истории. Не удивительно, что столь явные общность и различие нередко влекли за собою споры. Вся жизнь впереди, Цви еще не произвел на свет Йошуа, а Идо не породил Якова и Сару.

Весьма крепкий и деятельный мужчина, Аврам-Ицхак много трудился в те годы и уже достаточно далеко и успешно продвинул свою доктрину возрождения деяний древнего героя Йошуа на современной Ханаанской земле. Рейза-Ривка, верная подруга смелого новатора, была надежным тылом и твердой опорой мужу в его нелегкой борьбе с ортодоксами и чинимыми ими ковами.

В доме у Аврама-Ицхака частенько собирались единомышленники и увлеченно обсуждали его идеи. Если не считать неизбежных второстепенных несходств индивидуальных мнений, в целом меж этими людьми царил атмосфера чудного взаимопонимания. Гармония есть согласие разногласного. Цви, разумеется, впитывал заразительный энтузиазм отца и готовил себя к практическому воплощению креативных проектов.

Аврама-Ицхака беспокоила дружба сына с университетским апиборосом. Ежели бы безбожник писал математические формулы или глядел в микроскоп – было бы полгоря. Так ведь он посягал на ревизию святынь, а Книги Священного Писания называл текстами! “Боюсь, испортит мне наследника этот парень, - думал с опаской отец, - ведь спускаться-то с вершины легко, подниматься – трудно. Неверующий лишен воображения, ему доступно только очевидное. Заразителен соблазн простоты, а дьявол злонамерен и находчив!”

Как-то попросил Аврам-Ицхак сына пригласить друга на субботу. Отец задумал направить разговор в такое русло, чтобы Идо до конца обнажил перед Цви неприглядность своих воззрений, и тогда можно будет легко убедить отпрыска расстаться с баламутом. Цви чувствовал отцовское нерасположение к Идо, и потому приветствовал приглашение, простодушно ожидая доброй перемены.

Здесь, как кажется автору, должно ненадолго свернуть с магистральной темы повести и посвятить несколько абзацев описанию угощения. Рейза-Ривка, любившая стряпать и угождать мужским желудкам, на сей раз употребила свое кулинарное искусство на приготовление одного чудного традиционного блюда – мастерство, которому она выучилась еще в девичестве от матери, а та переняла умение от своей матери, и далее вглубь поколений, а, может быть, и веков.

Итак, Рейза-Ривка изготовила настоящий субботний чулент! Она не смешивала разные виды мяса, ибо родительница ее никогда не клала вместе в один казан куски говядины и курицы и шутила, мол, не нужен нам такой шаатнез. Только коровью плоть, да пожирней, употребляла Рейза-Ривка. Картофель, морковь, лук, чеснок, прочие овощи, всякие пряности – все шло в дело. Коричневой фасоли отводилась особая роль – она окрашивала яство. До трех четвертей суток томился в печи на малом огне горшок с вожделенным блюдом. А запах! О наступлении субботы возвещал чудный аромат кушанья, он поднимался ввысь и зажигал звезды на темном небе!

Да, были дни, и была пища! Аврам-Ицхак с супругой смело, не опасаясь красных строчек на листе показателей крови, поглощали жирное мясо, макали в соус нежнейшую халу из белой муки и чай пили только с сахаром. А что говорить о молодых парнях, готовых к трапезе в любой час дня и ночи? Рейза-Ривка не могла нарадоваться, наблюдая, как сынок ее и дружок его поедают чулент и многозначительно хвалят роскошное варево, и, получив добавку, снова хвалят. Стоит заметить, что Аврам-Ицхак тоже не чурался кухонной работы в свободные от книжных бдений часы. Произведение его рук – прекрасная квашеная капуста – добавляла ощущение легкости к вкусу сытного чулента.

2

Насыщение желудка родит благостное настроение духа, которое, в свою очередь, раскрепощает язык. После славной трапезы Аврам-Ицхак затеял разговор с молодежью.

- Идо, - обратился к гостю Аврам-Ицхак, - насколько мне известно, за стенами назначенного для учебы заведения, так называемого университета, ты постигаешь мудрость Книги нашего народа. Возможно, под несколько иным углом зрения, чем это делает мой сын Цви. О чем шла речь на минувшей неделе в широких аудиториях и на высоких кафедрах?

- Говорили о первых победах Йошуа, - ответил Идо.

- Представляешь, отец, какое замечательное совпадение, - вмешался Цви, - и в ешиве и в университете разбирали взятие города Йерихо!

- Да, Аврам-Ицхак, - сказал Идо, - мы с Цви стали обсуждать между собой легендарное событие, и точки зрения наши не совпали.

- Отраднo слышать, - невнятно пробормотал хозяин, - и в чем вы именно не сошлись? - добавил он в полный голос.

- Идо называет событие легендарным, - сказал Цви, - словно намекая на то, что оно есть плод фантазии.

- Есть упоминания в альтернативных исторических документах о взятии израильтянами Йерихо, поэтому нельзя с уверенностью утверждать, что бой являлся плодом вымысла, - возразил в свою защиту Идо.

- Позволь уточнить, молодой человек, какому нашему источнику наука отыскала альтернативные документы? – осведомился Аврам-Ицхак.

- Разумеется, речь идет о тексте пророчества Йошуа!

- Идо, дорогой, да разве истинным по своей природе Писаниям пророков требуются альтернативы? – горячо воскликнул Цви и поглядел на отца, ища поддержки, а тот молчал и улыбался в усы.

- История есть наука точная и объективная – решительно заявил Идо.

- Не стану умалять достоинств предмета твоих занятий, дружище, - сказал Цви, - тем более что история преподносит уроки, и они поучительны. Взять хоть подвиг лазутчиков в Йерихо и сравнить с трагическим концом разведки Святой Земли!

- Итог иной и отрадней, - согласился Идо, - разведчики Йерихо доставили Йошуа кое-какие сведения о гарнизоне, оружии, настроении горожан и прочее. Однако не стоит преувеличивать пользы от их миссии, ведь они были под постоянным надзором, и им пришлось скрываться в окрестных горах.

- Что ж, если, по-твоему, сообщения разведчиков были скудны, то тем больше почета положено полководцу, безошибочно избравшему боевую тактику. Как много военных хитростей применял Йошуа и в Йерихо и в других сражениях – засады, преследования, ложные маневры – да разве все их перечтешь! – с восхищением проговорил Цви.

- Удачные трюки неизменно впечатляют, - подтвердил Идо, - и поскольку Книга пророчеств Йошуа создана им самим, как принято полагать, то не удивляет успешность описанных в ней маневров. История говорит нам, что ложные ходы всегда были характерны для войн на востоке, и частенько применялись слабой стороной.

- Уважаемый студент, - вмешался Аврам-Ицхак, многозначительно взглянув на сына, - будь добр, поясни нам: ты сомневаешься в авторстве Йошуа или намекаешь на преувеличение им собственных военных достижений?

- Кажется, я угодил под перекрестный огонь? – полушутя заметил Идо.

- О, дорогой наш гость, - спохватился Аврам-Ицхак, - это дружественный огонь!

- В таком случае, этот обстрел есть результат ошибки, - полускептически добавил Идо.

- Пусть ошибка, но с благими намерениями, - полусерьезно вставил Цви.

- Удобное кресло, свежий ветерок из окна и блаженство переваривания чудо-чулента располагают к откровенности и принципиальности. Ради истины взойду на костер. Ответу на все вопросы, хоть есть в этом риск показаться невеждой, - умиротворенно сказал Идо.

- В таком случае я жду твоего слова, - проговорил хозяин.

- Произнесу его охотно. Наука сомневается в авторстве Йошуа и допускает возможность преувеличений, - ответил Идо.

- Ты, кажется, заметил, что обманные трюки на войне – оружие слабейшего. Неужто израильтяне, применив хитрые маневры и разгромив Йерихо, уступали врагу? – вопрошал Цви.

- Друг, я выразился иначе. Я говорил, что ложные ходы частенько применялись слабой стороной, и только это я сказал! Наши профессора требуют адекватных толкований. А что думают ваши раввины? – спросил в свою очередь Идо.

- Разумеется, они думают так же! – поспешил с ответом Цви и посмотрел на отца, моля взглядом о помощи, но тот молчал и снова усмехался в усы.

- Известно, что защитники Йерихо были оснащены не в пример лучше захватчика: фараоны вооружали их колесницами, конницей, дальнобойными луками и прочим, - продолжил Идо, - да только всего этого им давали мало, ибо египтяне опасались бунта.

- Ваша наука называет воинов Йошуа захватчиками? – возвысил голос Аврам-Ицхак, - а мы-то думали и нынче продолжаем полагать их освободителями завещанной Господом земли!

- Почтенный Аврам-Ицхак, прости нам, педантам, буквоедство! – парировал Идо.

- Так чья же армия была сильнее – израильтян или ханаанцев? – нетерпеливо спросил Цви.

- Ханаанцы превосходили мастерством, иудеи – числом, - ответил Идо.

- Молодой человек, что скажешь о боевом духе захватчиков и их несчастных жертв? – не утерпел Аврам-Ицхак.

- Боевой дух? Вот в нем-то и фишка, прошу прощения за жаргон, а, выражаясь культурнее – суть, - оживился Идо, - иудеи шли в бой со страстью фанатиков. С другой же стороны, мы располагаем древними египетскими письменами о деморализации защитников Йерихо – они сдавались, стоя на стене с поднятыми вверх руками, просили пощады, иные скрывались в лесах.

- Вечны заковыки в думах маловера! – бросил Цви.

- Скептик – мученик собственной проницательности! – игриво возразил Идо.

- По твоим словам, Идо, выходит, что дело решили фанатизм одних и страх других, - снова заговорил хозяин, - а мы-то полагали, что причина вещей коренится в вере: иудеи поверили в Бога, а язычники – в намерение Его помогать избранникам.

- Мне кажется, мы говорим об одних и тех же вещах, но называем их разными именами, - сказал Идо.

- Как корабль назовешь, так он и поплывет! – выстрелил Цви.

- А вот за высокими окнами храма науки, что думают об обрушении городских стен от трубного гласа и оглушительного крика? – спросил Аврам-Ицхак.

- За высокими окнами? Но я не профессор, я только учусь, и посему пребываю в нижних этажах храма! – попытался отшутиться Идо.

- Э-э-э, увиливаешь, братец! - погрозил пальцем Цви.

- Хорошо, отвечу и буду предельно краток: “Увы!”

- Ответ исчерпывающий, не так ли, Цви? – обратился Аврам-Ицхак к сыну.

- Безусловно, отец. Иного мы и не ждали.

- Дорогой гость, - торжественно заявил Аврам-Ицхак, - мы, люди простой веры, отнюдь не ретрограды и не жестокие злодеи, но приходится противостоять нападкам, ибо никак не уймутся оппоненты-злопыхатели! Наших мудрецов, да благословенна память о них, всегда занимал вопрос справедливости завоевания израильянами земли, где до них обретались иные народы. И трудный ответ таков: правосудно сие, ибо на то воля Всевышнего. А наука ваша всякий раз снова и снова возвращается к решенному раз и навсегда делу.

3

Сытный чулент и стойкая оборона утомили Идо, и веки его смыкались. Хозяева предложили гостю переночевать, а с утра всем вместе отправиться в синагогу. Предложение было с энтузиазмом принято. Только коснулся Идо головою подушки, и уж через минуту крепко спал.

Аврам-Ицхак обратился к Цви с душевной просьбой: “Сын мой, охлади дружбы пыл. Ты сам слышал безбожные речи Идо. Апикоруса не заботит сохранение ценностей. Его словеса и мысли, их порождающие, вносят диссонанс в нашу гармонию. Не по пути нам с этим парнем!”

Цви почти согласился с отцом. Нет, он не раздружился вовсе с Идо, но просьба отца тоже кое-что значила, да и небеспочвенна она была. На долгие годы сохранилось приятельство, но не близость духовная.

Глава 13

Вопрос Калева и увещание Рахав

1

Первая кампания израильян после перехода Иордана – покорение Йерихо – закончилась для Йошуа блестяще со всех точек зрения: разрушен город, убиты его жители, народ начал верить в благонамеренность Господа, а также в свою миссию завоевателя-освободителя-строителя. И, разумеется, нельзя не отметить события, ставшего важнейшим в личной судьбе полководца и пророка: он нашел себе невесту.

Йошуа велел своим лучшим ученикам, будущим знатокам Писания, молодым Гидону и Гиладу и их женам взять на себя труд ускоренного обращения Рахав в иудейскую веру. Чем раньше будут изгнаны бесы язычества из сердца молодой женщины, тем скорее жених в расцвете лет отдастся ласкам супружеского ложа и обретет душевное равновесие, столь необходимое зрелому мужу для предстоящих великих свершений. Быстрота усвоения новых идей способной ученицей являлась следствием ее сметливости и рвения. Возможно, нынешние блюстители чистоты веры усомнились бы в подлинности скороспелых перемен, но, к счастью для нареченных, ортодоксальные установления на сей предмет появились в земле Ханаанской много позже.

Теперь отступим ненадолго от ожидающих Йошуа романтических перемен и сообщим некоторые важные факты.

Во-первых, перестал падать ман с неба, и не стало его у израильян, и они начали употреблять в пищу дары нив Ханаана. Прекращение действия чудесного источника пропитания иудеев резонно истолковали как знак необратимых перемен – теперь им предстоит самим возделывать эту землю и кормиться от плодов ее.

Во-вторых, Господь сказал Йошуа: “Сделай себе ножи кремневые и обрежь сынов Израиля”. И сделал себе Йошуа ножи кремневые и обрезал сынов Израиля. Вышедшие из рабства мужи не нуждались в этой процедуре, ибо еще в Египте с младенчества они несли на телах своих приметную принадлежность к племени Авраама. Но за сорок лет странствий в пустыне, кроме достойных Йошуа и Калева, вымерло неугодное Богу поколение, а тяготы пути не располагали к обрезанию вновь нарождающихся. Только о лучших духовных питомцах Гиладе и Гидоне, а также о военных советниках Бараке и Барухе позаботился Йошуа загодя. Эти четверо молодых успели уже переболеть и помогали ветеранам Йошуа и Калеву исполнять указание Всевышнего.

И, наконец, в-третьих, явился к Йошуа некий человек, и меч обнаженный в руке его. Грозное оружие неизвестного не вселило страх в сердце полководца, и он спросил недрогнувшим голосом: “Наш ли ты или из неприятелей наших?” Ратник ответил: “Нет, я вождь воинства Господня; теперь пришел я”. Услыхав это, затрепетал Йошуа и пал лицом на землю и с готовностью исполнил категорическое требование пришельца немедля разуться, ибо место это свято.

Человек исчез, а Йошуа отправился в шатер учения и принялся обсуждать с Гиладом и Гидоном свершившееся, и обдумывать и трактовать событие. Калев же, узнав о происшествии, немало удивился. “Объясни, дружище, почему ты оробел, ведь не раз сам Господь заговаривал с тобой, да и тебе доводилось прямо обращаться к Нему, и ты не трусил, а перед посланцем Его упал на колени?” – спросил Калев. В ответ Йошуа обнял друга за плечи, улыбнулся и сказал: “Завтра моя свадьба с Рахав. Ты – самый почетный гость!”

2

Очень скромной вышла первая после победы над Йерихо иудейская свадьба.

- Слишком уж разнятся наши годы, - сказала Рахав, - зачем затевать шумное веселье, коли люди ехидны и желчны, и только и ждут случая поскобрезничать.

- Не сомневаюсь, Рахав, народ любит своего вождя и супругу его полюбит – возразил Йошуа.

- Возможно. Но любовь неплохо уживается со злыми толками.

- Ты не веришь в чистосердечие?

- Чистосердечие – не низкого люда достоинство, простонародью свойственна зависть обделенного. Отравляет чернь родники, из которых пьет. Поверь, Йошуа, былая синектура многому научила меня, все породы человеческие перебивали в моей харчевне. Чем меньше пригласим гостей – тем лучше.

- Хорошо, будь по-твоему, Рахав. Позовем только твою родню, да моих близких друзей.

Йошуа не разделял скепсис невесты, но согласился не устраивать громкого торжества по причине другого рода. Слишком мало времени минуло со дня обрезания, и мужи не успели оправиться. Жены их, правда, были бодры, казались веселы и образцово приглядывали за малолетними детьми. Однако кто знает, как истолкуют массы слишком помпезное начало супружеской жизни вождя в столь специфическое время. “Как бы и впрямь завидовать не стали!” – подумал Йошуа.

Калев торжественно поздравил товарища, но за свадебным столом веселился притворно. Он думал о том, что вновь Йошуа опередил его. “Да, я тоже не молод, я сверстник этого везунчика,

- рассуждал Калев, - но я, как и он, телом цел и духом свеж. Отчего бы и мне не отхлебнуть любовного напитка? Пусть не достанет лет осушить чарку до дна, но праздник на закате – отменная утеха! Всю жизнь я холостяковал, и нет продолжения роду моему... Жажда любви есть во мне, и она говорит языком любви ... ”

Так рассуждал сам с собою Калев. Он не любил публичности. Жизнь женатого огорожена забором скромности, а холостяк – весь на виду. И зависть, и жалость к себе, и надежда разом поднялись в душе его. И задумал он догнать соратника, пока не поздно, и нашел себе невесту и вступил в брак весьма скоро. Хагит, жена Калева, хоть и не так молода была, как Рахав, а все же чета успела породить дитя. Забегая вперед, заметим, что через несколько лет Ахса, произведение Калева и Хагит, стала подружкой Тирцы, старшей дочери Йошуа и Рахав.

Свадьба Калева была многолюднее тихого застолья Йошуа. К тому времени вновь обретшие силу мужи охотно принимали угощения – те, которые черпают из котлов и кладут в миски, и те, что наливаются из кувшинов в кружки. Йошуа наблюдал за гостями, сверяя с реальностью нелестные суждения Рахав о простонародье. Он не обнаружил бесспорного подтверждения ее словам, но ведь Калев не вождь, и, стало быть, его удача мало вдохновляет злые языки. А что в головах творится – то неведомо!

3

Захвачен и разрушен Йерихо, но это лишь доброе начало трудного пути. Йошуа должен двигаться вглубь Святой Земли, завоевать весь Ханаан и перестроить его. Следующий этап борьбы – овладение небольшим, но стратегически важным городом Ай.

Йошуа направил разведывательную миссию во главе с опытными Барак и Барухом, на доклад которых можно положиться, и на основании полученного донесения строить план взятия города. Вернувшиеся с задания Барак и Барух сообщили Йошуа, что войско защитников Айя малочисленно в сравнении с гарнизоном Йерихо. По мнению командиров разведывательного отряда, для решительной победы вполне довольно будет двух тысяч пехотинцев.

Не желая рисковать столь трудно завоеванным доверием народа, Йошуа отправил сражаться три тысячи войска, включая конников. Полководец запретил разведчикам говорить в народе о малосилии Айя, дабы не расслаблять людей и не настраивать бойцов на легкую победу. Наоборот, он произнес речь перед армией, и воодушевил солдат и подготовил их к тяжелой схватке.

Йошуа установил палатку верховного командующего на макушке холма, откуда он видел, как Барак и Барух повели в бой полки. И узрел полководец диво неожиданное. Бравые с виду пехотинцы едва тянулась в гору, будто страшились приблизиться к стенам Айя. Словно увечными они были, или одышкой страдали. А конное войско и того хуже – лошади едва перебирали ногами, вертели головами, не слушались седоков, не хотели подниматься вверх.

Тут открылись городские ворота, и вихрем вылетел малочисленный отряд гарнизона Айя – все на конях – и ринулся в атаку, копыта наперевес. Бойцы Барака и Баруха развернулись с завидной резвостью и бросились наутек. То было не отступление, но паническое бегство. Защитники города преследовали армию иудеев, и гнали незадачливых захватчиков по склону горы, и убили тридцать шесть человек, а живые, но клеймённые позором, вернулись в Гильгаль.

И, как сказано в Писании, растаяло сердце народа и стало водою. Барак и Барух, а с ними старейшины, возложили прах на головы свои. Йошуа разодрал на себе одежды и пал лицом на землю перед ковчегом Господним. “Увы, увy, нам, Господи Боже, - возопил Йошуа, - для чего перевел Ты нас через Иордан? Не лучше ли было нам остаться на том берегу? Ведь истреблены

мы будем, как прознают ханаанцы о бесчестье нашем! И что сделаешь Ты тогда имени Твоему великому?”

“Встань, для чего пал ты на лицо твое? – строго вопрошал Господь, - согрешил Израиль, да и преступили завет Мой, и взяли из заклятого, и крали, и после отрицали и положили в вещи свои. За то и не смогут сыны Израиля устоять перед врагами ... и стали сами заклятыми ... и не буду более с вами, если не истребите заклятого из среды вашей”.

Услыхал Йошуа речь Бога и обомлел. Теперь ясна стала ему причина нежданного поражения. Ведь говорил ему Всевышний, и он передал бойцам слова Его – ничего не брать себе из богатства, что найдут они в поверженном Йерихо, ибо заклято оно и назначено для сокровищницы Господней. Как видно, нашелся некто длиннорукий и посягнул на Господа имущество, и украл и укрыл его.

Перейдя Иордан, впрягся люд в ярмо групповой поруки: грех одного пятнает целое племя, кто-то сбился с пути, а вина поголовная, ибо таков закон Всевышнего для иудеев. Весь народ заклят теперь в глазах Господа, и не потерпит Он мерзости в среде Израиля, и не позволит ему побеждать, покуда не очистится он и не истребит преступника из среды своей. Общее ручательство убавляет своекорыстие и обуздывает инакомыслие.

Бог научил Йошуа, как найти злоумышленника и как поступить с ним. Завтра же, с раннего утра должен собрать он весь народ и исполнить волю Всевышнего, и тогда отмоется Израиль от греха, и вернется к нему расположение Господа.

Направляясь к дому, Йошуа обдумывал по дороге план грядущего дня. У шатра хлопотала Рахав, готовила вечернюю трапезу на костре. “Поведаю-ка я жене о кручине своей, послушаю, что она скажет, всегда кстати слово умное, - решил народный предводитель. Тут как раз случился Калев – шел мимо глубоко опечаленный военной неудачей. “Пужинай с нами, друг! Рахав варит мясо молодого козленка – вот-вот котел закипит, а я вина принесу!” - сказал Йошуа. Гость не заставил себя упрашивать.

Йошуа в точности повторил сказанное Богу, а затем передал ответ Его. На некоторое время воцарилось молчание. Лицо Рахав сделалось задумчивым, пожалуй, даже неодобрительным. Калев подал голос первым. Не упуская случая отметить свою правоту, напомнил, что говорил уже раньше, дескать, Йошуа с Господом беседует напрямую.

“Напрасно, Йошуа, ты разодрал одежды свои, и не следовало тебе падать на лицо пред ковчегом Господним, - строго проговорила Рахав, - а потом ты еще и возопил ко Всевышнему, мол, зачем перевел Ты нас через Иордан, и не лучше ли было бы нам остаться на том берегу? Или забыл ты, что Бог наш признал подлинность веры твоей в Него и в чудеса, которые творит Он для народа Его! Неужто ты желал разочаровать Всевышнего? А ежели нет, то, стало быть, хитрил, разжалобить хотел! Да разве можно с самим Господом лукавить? А еще ты бросил намек Ему, чтобы берег славу имени Его великого! Подсказка твоя кажется уловкой неуместной. Кому подсказываешь? О, как добр, как великодушен Бог наш, коли не наказал тебя! Прошу, Йошуа, в другой раз осмотрительнее будь, да ведь и есть тебе с кем совет держать...”

Слова супруги озадачили Йошуа, и он подумал, что нелишним будет обмозговать их. Не сей момент, разумеется, ибо надобно готовиться к событиям завтрашнего дня. Калев, прощаясь, шепнул другу, мол, внемли умным речам – женщина сердцем мыслит и душою видит!

Где закон, там и обида

1

Ханаанские поселенцы решительно отвоевывают у аборигенов землю. Для себя, или для Бога, или для себя и для Бога делают они это? Заметим, что исключено из сего вопроса последнее четвертое вероятие, ибо не ради красного словца спрошено.

Любой ответ из трех годится. Как ни трактуй – не ошибешься, но непременно явятся опровергатели, и они тоже окажутся правы. Такова уж особенность разномыслия честолюбий, когда у спорщиков на языках разное, а сердца стучат в унисон. Сто дорог в один край ведут. Лицемерные воззрения, если сотни лет честно и упорно исповедовать их, становятся добродетельными.

За провинности Господь наказует, иными словами, если пала на головы людей кара небесная, значит, случился меж ними грех. Дабы вновь не оступиться, следует с суровой беспристрастностью взглянуть на собственные дела и помыслы и отыскать свою вину – вещь трудная и мучительная. Но найдет успокоение покающийся.

Жители Бейт Шема овладевали Ханааном и ширили свое присутствие на Святой Земле. Стало быть, шли они путями, Богом завещанными, тем самым, обретая право на довольство своею праведностью. И все же постучалась в дверь беда – знак провинности. Вспомним, как после славного овладения Йерихо, когда победа над Аием казалась делом простым и очевидным, иудеи понесли болезненное и необъяснимое на первый взгляд поражение. Господь растолковал Йошуа, в чем состоял грех народа, и как исправить его.

История повторилась в наше время. Недружественный суд постановил, дескать, девять домов на окраине поселения следует снести – они, якобы, возведены незаконно на частной земле аборигенов. Как и поражение в Аие, так и выселение ни в чем не повинных семей есть задержка в достижении конечной цели – в овладении Святой Землей. Стало быть, и приход Спасителя откладывается. Однако, не резвость исполнения высокой миссии потребна небесам. Не гоже израильтянам брать с собою в путь и нести за спиною полный короб прегрешений. Разумеется, всем жителям Бейт Шема очевидны фальшь и тенденциозность судебного вердикта, но ведь надо же уметь противостоять злонамеренности! Удары обрушиваются на беззащитного. Для разбирательства и покаяния глава ешивы Цви собрал общее вече.

2

Не поместить сотни народа даже в обширном вестибюле ешивы. Расставлены пластиковые стулья на площади перед центральным входом в здание. Сооружены деревянные подмости для выступающих.

Кто эти люди, что собрались на сходку? Конечно, жители Бейт Шема. Почти все они тут, от мала до велика, от млада до стара. Да и как не явиться на тревожный зов, коли с каждым из них может приключиться беда, и кто знает, что родит день? У самой трибуны сидят прямые жертвы несправедливости, девять семей, над которыми стусутилась грозная тень произвола правящих безбожников. Им будет дано слово, они возвысят голос, вознесут к Богу отчаянный горестный вопль, и пусть его услышат на небе и на земле.

Разумеется, присутствуют и злорадные наблюдатели – ханжи-щелкоперы со всех краев земли, вечные недруги избранного народа и ложные друзья аборигенов. Затесались среди них и свои чужаки из государства Авив. Приготовлены блокноты, телефоны, объективы. Основательно

представлена полиция, наученная опытом превращения благородных собраний в бурные диспуты, где аргументами служат камни с одной стороны и дубинки – с другой.

Накануне Бейт Шем пережил один из самых кипучих дней своей истории. Не желая отдавать без боя землю и жилища, молодежь поселения забаррикадировалась в синагоге, создав очаг сопротивления вооруженным судебным исполнителям. Юноши, подростки и даже мальчики, одетые в клетчатые рубашки и сандалии на босу ногу – немудреное платье пионеров освоения земли Ханаанской – окружили здание молельного дома. В вздетых к небу руках они держали самодельные плакаты с выведенными на них страстными надписями, осуждающими неправый суд и безбожную власть. Вдоль дороги сидели женщины с младенцами на коленях, вокруг матерей сновали малолетние детишки, многие плакали.

Полицейские бесчеловечно смели с пути женщин и детей, прорвались к дверям синагоги и взломали их. Ученики ешивы встретили непрошенных гостей пеной из огнетушителей и железными прутьями. Завязался рукопашный бой. Парамедикам амбулансов пришлось изрядно потрудиться, перенося пострадавших с поля битвы в автомобили. Запертые внутри полицейских машин, арестованные разбивали наручниками стекла.

Окончился праздник насилия. Его боевой итог - пятьдесят семь раненых с обеих сторон. Начальник полицейского отряда, призванного хранить порядок на вече, надеялся, что сегодняшний день будет легче вчерашнего. Силы охраны прибыли свежие, а заводилы из твердокаменного ядра еще не успели восстановить боевой дух – кто в гипсе, кто забинтован, кто в кровоподтеках.

3

На импровизированную трибуну поднялся Цви. Гул стих. Он окинул скорбным взором собравшихся. “Слушай, Израиль! - воскликнул он, прикрыв глаза рукой, - Господь Бог наш, Господь один!” Цви не стал произносить молитву до конца, но, сделав паузу, обратился к злобе дня.

“Единоплеменники и земляки! – продолжил глава ешивы, - три важных вещи я скажу вам. Первая: не по праву, но по милости живут в Ханаане аборигены, и потому никакая судебная казуистика не отменит нашей прерогативы на Святую Землю, дарованную Богом нам, а не им. Вторая: над нами царят апикорусы, и мораль Сдома – их мораль! И третья: мир не любил и не любит нас, и нет надежды на любовь его, и только Господь – опора наша!”

“Нынче я вспоминаю день поражения в Аие. Великий Йошуа созвал народ для разоблачения рокового греха, чтобы вернуть Израилю милость Господа. Вот и мы собрались все вместе. Приклоним же ухо к речам людей наших, честно взглянем на неверные шаги свои, елико возможно выпрямим кривое, памятуя об очищающем душу исправлении, и с обновленным сердцем продолжим Божье дело завоевания Ханаана”.

“Следуя по пути Господа, незачем спешить. Бог не назначает сроков, и не важна быстрота Ему. Пусть не наше, но будущее поколение достигнет цели, главное – идти и верить. И, конечно, мы поможем невинно пострадавшим от безумства власти – внешне своей и благонамеренной, а внутренне чуждой и враждебной!”

Далее Цви объявил аудитории имена следующих ораторов. Он загодя просил выступающих умерять чувства. “Пусть холодная голова правит горячим сердцем, - сказал глава ешивы, - нас упрекают в мессианском ослеплении, но обвинение сие облыжно. К тому же мы всегда берем в расчет неравенство величин, и количественной нашей малости противопоставляем ум и терпеливость. Мы гибкие, как солома, и потому никакую силою нас не сломить!”

Тут Цви обратил внимание, что Хава подает ему знак, поднимая над головой телефон. Он поспешил к жене. Она обеспокоена. Звонок из больницы. Там, после вчерашних бурных событий, лежит в палате с перевязанной рукой Йошуа – он был среди активистов протеста и получил ранение, пропорциональное проявленному рвению. Несущая вахту у постели раненого, бабушка Рейза-Ривка сообщила снохе, что мальчик возбужден, не может уснуть, и мать взволновалась этой вестью.

Вчера Хава сопровождала сына до приемного покоя столичной больницы. Присутствовала при перевязке, провела с ним часть ночи. По утверждению врачей, рана у пациента легкая и не представляет угрозы для здоровья и, тем более, для жизни. Через сутки-двое больного отправят домой под наблюдение родственников и амбулатории Бейт Шема. Однако тугие бинты на теле родного дитяти сжимают материнское сердце.

Как только амбуланс увез Йошуа, немедленно Яков уселся за руль и помчался в Авив к сестре сообщить о происшествии. Уже через три часа Сара стояла у постели жениха, гладила его по здоровой руке, соленые капли падали из глаз ее на свежую повязку, и Бог знает, какие мысли рождались в голове влюбленной заокеанской девы, не вполне убежденной в нужности пути, по которому шагал ее нареченный. Хава умиленно глядела на избранницу сына и с опаской думала, мол, лишь бы не сорвалось!

4

Вслед за Цви на трибуну поднялась молодая женщина Элираз Драйст. Она сообщила о себе, что родители ее проживали в поселении неподалеку. Когда Элираз была еще ребенком, семью выселили, а дом разрушили на том надуманном основании, что сооружен он, якобы, вопреки закону на земле, принадлежащей аборигенам. Драйсты с трудом собрали меньшую часть средств, потребных на возведение нового жилья, на сей раз в Бейт Шема. Тут выступавшая уронила словцо в пользу властей – те хоть и бесчинствуют, но снабдили ее родителей, как, впрочем, и других поселенцев, щедрой финансовой помощью.

“И вот – снова удар! – воскликнула Драйст, - опять мы окажемся на улице!” Поднялся ропот, раздались возгласы гнева, и только горячие заверения в сочувствии облагородили тяжелый дух озлобления.

“Я спрашиваю, - с душевным надрывом вскричала Драйст, - почему бойцы армии обороны Ханаана защищают не наши, а вражеские интересы? Офицеры-нечестивцы отдают богопротивные команды, а солдаты-марионетки, прячась за приказом, бездумно помогают полиции изгонять свой народ с завещанной Господом земли! Я утверждаю, что долг честных поселенцев встречать таких горе-воинов градом камней! Вы возразите, дескать, этак человека и убить можно? А я отвечу, что смерть есть справедливая кара безбожному иудею, мешающему своему соплеменнику служить Всевышнему!”

“О, не слишком ли? Элираз, одумайся! Драйст, ты подстрекаешь к убийству! Язык доведет девчонку до тюрьмы!” Эти и другие неодобрительные возгласы раздались в возбужденной аудитории. Драйст оглядела горящим взором слушателей, она словно ждала бури.

“Кого вы пугаете лишением свободы? – рассмеялась Драйст, - о, я ничуть не боюсь! Меня уж судили, и наказали, и тем горжусь! Интернет – вот верный мой товарищ. Думаете, я призывала забрасывать камнями негодных солдат, и это всё? О, нет! Я окрыляла наших парней – убивайте аборигенов, поджигайте их дома и поля. Полгода тюрьмы были мне наградой. Поверьте, меня не просто остановить!”

Кажется, молодой задор смельчака в юбке заразил людей. Искренний порыв не оставляет равнодушных. Поощрительные хлопки, однако, были редки и робки. Во всякой душе страху принадлежит место не менее прочное, чем восхищению храбростью. Опасавшиеся аплодировать, все же отдали свои сердца дерзкой девчонке. Даже те, кто минуту назад остерегал ее, теперь одобрительно улыбались.

5

После смелой девушки речь держал молодой мужчина, обремененный семьей. Бремя полным составом поднялось на сцену, дабы внести эмоциональную доказательность в выступление кормильца и поильца. Успешный адвокат Нэцах Фляйш взошел на трибуну. Тут же на стулья уселись его супруга Малка и две дочки раннего школьного возраста. Малка держала на руках малютку предположительно мужского пола.

“Соседи! Земляки! – воскликнул Фляйш и странным этим обращением насторожил публику, - возможно, вы редко видите меня, ибо ранним утром с первыми птичьими голосами я уезжаю в Авив и возвращаюсь в Бейт Шем, когда дневное светило уже закатилось за горизонт, и угасли последние лучи его. Во имя процветания семейства я тружусь от зари до зари, возделывая щедрую ниву судебного защитника сырых и обиженных. Прошу простить мне невольные пассажи красноречия, проистекающие из привязчивой служебной привычки...”

“Мы не видим тебя в синагоге, Нэцах! Подумаешь, невидаль – добывать хлеб насущный! Почему ты не вступил в отряд обороны поселения?” Подобные недовольные возгласы прервали адвоката. Нимало не смутившись, оратор продолжал речь.

“Позвольте объяснить вам, друзья, мои обстоятельства, - воскликнул Фляйш, - я живу в Бейт Шеме уже восемь лет, здесь родились мои детки, чтоб были здоровы, - при этом Нэцах сделал жест рукой в сторону семейства, - не таясь, открою, что вовсе не высокие идеи, но корыстная тяга к казенному вспоможению и любовь к природе руководили мною, когда решился я устроить тут кров свой. Ах, какой воздух, какое небо, какие горы вокруг! Впрочем, я отвлекся. Власть, что прежде столь щедро помогла мне, теперь намерена разорить мое гнездо и выкинуть из него нежных птенчиков! Тяжелый сей удар перевернул мою душу, и вот, я взываю к вам, соплеменники и единоверцы, кооптируйте меня в лоно вашего братства!”

Последние слова понравились аудитории. Добрые, незлопамятные люди всегда готовы простить заблудшего и принять его в свое землячество. Тем временем дочки Фляйша сидели лицом друг к другу, выставив вперед ладошки с растопыренными пальцами, и забавлялись, играя в злободневную игру “дом и ворота”. Младенец на материнских коленях жадно чмокал соской и проявлял характерные признаки беспокойства. Малка кивнула мужу, мол, пора закругляться – дитя проголодалось, надо дать ему грудь.

6

Семейство Фляйш удалилось, и на возвышение взошли два государственных министра, депутаты-избранники всего ханаанского поселенчества. Ах, какой шум поднялся! Крики праведного гнева и справедливого негодования разорвали умиротворенную тишину, наступившую после знаменательного заявления Фляйша. О, как неуютно чувствовали себя полпреды власти, желавшие ободрить свой электорат и вместе с тем заручиться его дальнейшей поддержкой!

“Для чего мы выбрали вас? Так-то вы защищаете интересы наши? Вцепились в кормило постов ради? Подползли к котлу поближе? Честолюбцы беспринципные!” – так встретили жители Бейт Шема своих незадачливых избранников. Нашлись горячие головы среди молодежи.

Парни самозабвенно свистели, засунув в рот кто два, а кто и четыре пальца. Ничего не оставалось делать министрам, как только кланяться и повторять раз за разом мантру: “Мы любим вас, мы любим вас!”

Появление на трибуне высокочтимого всеми патриарха, престарелого Аврама-Ицхака, заставило публику благоговейно умолкнуть. Старец уже получил оптимистические донесения из больницы от Рейзы-Ривки и прибывших туда по ее зову Цви и Хавы, перекинулся несколькими словами с внуком и успокоился: раны, за правое дело полученные, не болят. Теперь он произнесет завершающее слово.

“Иудеи! – просто и без затей начал Аврам-Ицхак, - нам всем предстоит пережить тяжелое время, а, точнее, кару Всевышнего за прегрешения наши, и неминуемо наказание, и справедливо оно, и давайте очистимся! Господь вернет нас на путь побед!”

“Меня покорила непримиримость Элираз Драйст. Побольше бы нам таких смельчаков! Но великий изъян я нашел в словах бедовой девицы. Недопустимо унижать солдат, бросать в них камни. Тяжкий грех и непростительная глупость! Разве не воинство стоит у нас за спиной, разве не армия есть гарант иудеев на земле Ханаанской, что ненавистью аборигенов дышит на нас? Лишь превосходство силы приведет нас к цели. Все больше парней наших, единомышленников древнего Йошуа, пришивают офицерские погоны. Терпение, и мы станем свидетелями славных перемен!”

“Мы не имеем права пренебрегать безыдейными субъектами вроде Нэсаха Фляйша. Пусть хрупко его покаяние, и, конечно, не умилят нас ни плоские добродетели примерного семьянина, ни красноречие этого раба слов. Но нам нужны такие люди как полезные единицы, ибо голоса их увеличивают наш электорат”.

“Псевдоминистры – огромное прегрешение наше перед Господом и самими собой. Такие посланцы нам не нужны. Без толку тыкать в глаза министрам их никчемностью – все равно не исправятся. Идейных и некорыстных, а не тщеславных и алчных надобно нам делегировать в вертеп бездуховной власти. Мы же выдвинули соглашателей, а не борцов!”

“Во что бы то ни стало мы должны возглавить ведомство воспитания молодежи. Заветы Всевышнего народу Израиля почти забыты в безбожных массах. Наш посланец будет призван лишить меднолобую демократию ее слащавого ореола, и он повернет к истинным ценностям юные умы всей страны!”

“Слишком робко мы требуем правового решения дела о принадлежности просторов Ханаана. Это наша Святая Земля, и нет на ней места чужакам – точка! Деньгами расплатиться с ними за права на нее. Ясно, обругают закон наш за морем да за океаном. Не беда. Тысячелетний страх иудейский в сердцах – “а что нам будет?” – от маловерия он. Гнать его! Ожесточим сердца и пойдем по кромке. Некто изрек, мол, пусть другие осуждают, главное – мы свое делаем. И спасибо ему за красные слова!”

Глава 15

Очищение и победа

Читателю сообщено уже пренеприятное известие: Йошуа потерпел поражение при попытке захватить город Ай. Фиаско совершенно неожиданное и чрезвычайно болезненное для него самого и для всего народа Израиля.

Благонамеренная Рахав пролила бальзам на рану, подав мудрые советы с искренним намерением ободрить и наставить супруга. Желая подчеркнуть чрезвычайную значительность полководца в глазах Господа, добрый друг Калев польстил соратнику, напомнив, что тот удостоивается чести говорить напрямую со Всевышним.

Бог запретил иудеям присваивать себе добычу в Йерихо, ибо объявил богатство города залятым и предназначил для сокровищницы Господней. Добросовестно передал Йошуа волю Всевышнего своим воинам. Бойцы непрекословно исполнили указ, и, поскольку полководец заслужил авторитет непреложный, не посмели задать ему вопрос, что напрашивался сам собой – почему им, жизнью рискующим, не положена в награду доля добычи?

Ничто не укроется от всевидящего ока небес. То, чего не знал Йошуа, ведал Господь. Нашелся некто иномыслящий, который, как выражаются в Ханаане, взял закон в свои руки, а иными словами, украл из залятого. За свершенный грех Всевышний воздал народу военным поражением. Известно, однако, Бог любит того, кого наказует. Поэтому Он наставил Йошуа, как найти и покарать виновника, а по исполнении сего Он обещал вернуть иудеям свое покровительство.

Говорят, одна овечка опаршивеет, и целое стадо оплешивеет. Так уж установлено свыше: в среде Израиля, если кто согрешит – племя поголовно в беде. Один замарается – всем отмываться. В глазах Господа избранник Его, то бишь народ иудейский, есть драгоценный алмаз. Но и из лучшего минерала нет-нет да и выглянут то пятнышко, то трещинка. Недопустим, однако, изъян в столь дивном и редком камне. Выводя из алмаза порок, мастер шлифует заново все без исключения грани, дабы сохранить гармонию соразмерности. По мнению мудрецов, закон “все за одного в ответе” уберег малочисленное племя от растворения.

2

“Залятое среди тебя, Израиль; не сможешь ты устоять перед врагами твоими, пока не устранишь от себя залятого, - так Господь велел Йошуа передать народу, - и будет уличенный в похищении залятого сожжен огнем – он и всё, что у него, – за то, что преступил он завет Господень и за то, что сделал мерзость в Израиле” - добавил Бог.

Ранним утром Йошуа собрал народ и в слух его повторил слова Всевышнего. Далее ему предстояло найти одного единственного преступника среди тысяч и тысяч невиновных. В изложении хода сего криминального расследования, которого метод необычайно эффективен, а абсолютно верный результат достигается быстрейшим путем, будем полагаться на труды упомянутого прежде иудея-вероотступника Иосифа Флавия.

Йошуа метнул жребий, и тот указал на одно из колен Израиля, к которому принадлежал виновник. Далее процедура была повторена, и стало известно искомое семейство, и его Йошуа разделил по домам и тем же способом продолжил сужать круг подозреваемых. Все мужчины разоблаченного дома выстроились в ряд, и жребий смотрел на Ахана.

Дивное впечатление от успешного дознания отчасти затеняется неуверенностью: а не вмешалась ли воля небес в поведение жребия? Ведь ежели так оно, то метод Йошуа навряд ли может быть широко применен в современной следственной практике, не претендующей на помощь высших сфер.

Ахан стоял перед Йошуа, низко понутив голову. Глаза изобличенного глядели в землю, орошали ее предсмертными слезами, а сердце его гулко стучало. Ахан был достаточно сметлив, чтобы понять неизбежность самой суровой кары. “Не стыдно подчиняться обстоятельствам, - пытался утешиться он, - да ведь рано или поздно все мы в одну гавань прибудем...” Жизнь окончена, и последним утешением ему стала суетная мысль, мол, совершив богопротивное, он тем самым вписал свое имя в историю народа. Нечестивое деяние, если достаточно велико оно и сотворено при обстоятельствах благоприятствующих, увековечит своего тщеславного героя.

Йошуа должен видеть картину злодеяния в подробностях, и весь народ обязан узреть ее, дабы предстоящая коллективная расправа получила законное основание в умах людей и одновременно явилась бы полезным уроком. Для публичного допроса преступника Йошуа призвал к себе в помощь Рахав и Калев.

- Сын мой, - мягко начал Йошуа, - воздай честь Господу, Богу Израиля, и сделай перед Ним признание, и сообщи мне, что ты совершил, не скрывай от меня!

- Истинно согрешил я перед Господом, Богом Израиля, - глухим голосом промолвил Ахан, - заметив в добыче один прекрасный плащ шинарский, и двести шекелей серебра, и один слиток золота весом в пятьдесят шекелей, я страстно возжелал их и взял их...

- Где сейчас находится добро, место коему в казне Господней? – строго спросила Рахав.

- Спрятано в шатре моем, - ответил Ахан, - на земле лежит плащ, а под ним металл драгоценный...

- Калев! Отправляйся в шатер Ахана, и если правдив он, принесешь сюда украденное, - велел Йошуа.

- Вот имущество Божье, всё тут, ничего не утаил Ахан! - воскликнул Калев, вернувшись и положив похищенные вещи к ногам Йошуа и перед лицом всего Израиля.

- Все видели? – вскричал Йошуа, обращаясь к народу, - а теперь пусть четверо сильных воинов доставят сюда сыновей Ахана, дочерей его, быка его, осла его, овец его, шатер его и все, что у него!

- О, смилуйтесть хоть над семьею моею! – взмолился Ахан, - всякое существо хочет, чтоб пощадили и пожалели его! За что страдают дети мои?

- Где есть страдание, туда и наказание придет – так мир ведется! – бросила Рахав.

- С горбатым станем говорить по-горбатуму! – бескомпромиссно добавил Калев.

- Зачем навел ты на нас беду? Наведет на тебя беду Господь в день этот, - прозвучал неумолимый голос Йошуа, - ты сказал свое слово, теперь умри. Неминуемое прими достойно. На что надеялся, ты, Ахан, – ведь каждый брошенный камень упадет! А кто в тебя швырнет булыгу – не промахнется!

Последние слова стали сигналом народу. Люди в гневе стали бросать камни в Ахана, и делали так, покуда не упал он на землю бездыханный. “Личиной Бога прикрываетесь вы пред самими собой...” – теряя сознание, выкрикнул несчастный.

Как и велел Господь, тело убиенного преступника и все имущество его сожгли огнем. А сыновей и дочерей его Йошуа оставил в живых. Права оказалась Рахав, прибавивши наказание к страданию: на всю жизнь наказаны были дети Ахана страданием зреть мученическую смерть родного отца.

Останки преступника захоронили в земле. На месте этом возвели большую груду валунов, существующую до сего дня, как напоминание и урок потомкам. И утихла ярость гнева Господня.

Взволнованные, Йошуа и Рахав вернулись в шатер свой после созерцания жестокой казни. Он велел ей наполнить крепким вином две большие кружки. Оба испили хмельного напитка и сидели молча за столом, размышляя.

- Не возьму в толк, зачем Ахан польстился на добро Господне, ведь и без того он был богат? Почему не убоился остережения твоего не брать из заклитого? Или не хотел признавать, будто победа без награды возможна? – первой нарушила молчание Рахав.

- Так отвечу тебе, - сказал Йошуа, - не понимал Ахан, что есть в Ханаане места особой святости, как Йерихо, скажем, где всё принадлежит одному только Господу. Наверное, полагал он всю землю равно святой...

- Страшна казнь, даже когда справедлива, - посетовала Рахав.

- Убивая злоумышленника, оставляем в живых зло, - заметил Йошуа.

4

“Не бойся и не ужасайся, Йошуа, - сказал Господь, - возьми весь народ боеспособный и встань, поднимись на Ай; смотри, предаю Я в руки твои царя Айя и народ его, и город его, и землю его. И сделай с Айем и царем его то же, что сделал ты с Йерихо и царем его, только добычу и скот захватите себе...”

Йошуа призвал лучших своих командиров – Барака и Баруха. Втроем стали обдумывать тактику предстоящего боя. Недостаточно наголову разбить врага. И стереть город с лица земли – это тоже еще не всё. Музыка победы должна греметь так неистово, чтоб заглушить сомнения в сердцах и вернуть народу веру в собственные силы и во Всевышнего опеку. Каждый, кто останется в живых после сражения, должен испытать взлет духа, наслаждаясь полновесной мстостью и щедрыми дарами войны.

Темной ночью, соблюдая строжайшую тишину, чтобы враг не услышал ни звука, Барак повел свои полки в засаду неподалеку от Айя. Барух готовил войско к открытому наступлению на город. Йошуа расположил палатку верховного командующего на вершине того же холма, с которого наблюдал первое злополучное сражение. Рассвело, и операция началась.

Возглавляя рать, Барух стал приближаться к городской стене. Дозорные, заметив наступающего противника, протрубили тревогу. Широко открылись створы ворот, и конница гарнизона Айя ринулась на войско Баруха. Тот развернул солдат, и армия бросилась наутек. “За мной, спасайся, кто может!” – кричал бегущий впереди командир. Конники Айя с ликованием преследовали иудеев. “Снова отступают эти трусливые псы! – вопил командир отряда, - настигнем наглецов и перебьем!”

Невдомек было лихому атаману, что на сей раз бегство израильтян было военной хитростью, задуманной давеча на совете троих. Удивлялись, однако, преследователи, отчего удирающее

войско не прячется в ближних лесах, – там ведь многим удалось бы и укрыться и спастись – а все кружит недалеко от города?

Барак, видя, что Барух увлек за собой гарнизон Айя на достаточно большое расстояние, вывел своих людей из засады и ворвался в незащищенный город, не встретив вооруженного сопротивления. Первым делом бойцы Барака подожгли все, что могло гореть, и поднялся в небо черный дым, и трудолюбивый ветер далеко понес запах гари.

Изумились кавалеристы Айя, увидав глазами и вдохнув носами беду. Но не могли они постичь причину зла, ибо за густым дымным маревом не разглядеть было бойцов Барака. Преследователи замерли на месте, пытаясь уяснить происходящее, дабы предпринять сообразные действия. В свою очередь Барух приостановил отступление, дожидаясь приказа главного командующего.

Тут воззвал Господь к Йошуа: “Прости копьё, которое в руке твоей, к Айю, ибо Я предаю его в руки твои!” И простер Йошуа копьё, которое в руке его, к городу. Командующий стоял на вершине холма, и Барух увидел указующую длань и безошибочно истолковал красноречивый жест.

Тем временем бойцы Айя повернули своих коней и кинулись назад к городу тушить пожар. Преследователи и беглецы поменялись ролями, и Барух с войском бросился догонять противника.

Надо ли говорить, какая незавидная участь ожидала защитный гарнизон, примчавшийся к стенам родного города! С фронта атаковал Барак, с тыла бил Барух. Кони и люди смешались в кровавую кучу. Израильские воины умертвили всех, не брали пленных, ибо не нужны им были рабы.

Йошуа не опускал простертой руки, доколе не истреблены были все жители Айя – общим счетом двенадцать тысяч человек обоюбого пола простились с жизнью в тот день. Господь повелел Йошуа отдать приказ воинам захватить скот и прочие трофеи. Так и поступили израильтяне – согласно распоряжению командующего. А город сожгли дотла и обратили в груды развалин, и место под ним стало пустыней.

Йошуа велел повесить царя Айя на дереве. Вечером, как зашло солнце, бойцы сняли мертвое тело, бросили у бывших городских ворот, а сверху нанесли груды камней.

Завершением кампании стало возведение алтаря, на котором принесены были Господу жертвы всесожжения и мирные. А потом простые люди, а с ними старейшины и судьи собрались вместе и слушали слова Горы. Читали поочередно Йошуа и ученики его Гидон и Гилад. Прозвучали в устах троих и благословения, и проклятия. А Калев, на чтецов глядя, подумал про себя, мол, кто учён благословлять, тот учён и проклинать.

Так воевали и так побеждали в давние времена. Минувшие тысячелетия изрядно продвинули умы, и люди изобрели гуманнейшие правила и эффективнейшие орудия убийства. Не согрешим ли мы лицемерием, упрекая древних героев в жестокости?

Глава 16

Рассуждение о пятнах

Преступление Ахана явилось для Бога свидетельством незрелости всего иудейского племени. Хотя, казалось бы, после стольких великих событий, внедренных Господом в историю израильтян, – кара сорокалетним изгнанием в пустыню, чудоподобный переход через реку Иордан, не менее диковинное овладение городом Йерихо – народ должен являть собою образец беспорочности и верности учению Всевышнего, но при всем при том произошло то, что произошло. Здесь заметим, абсолютно нелепым было бы обсуждение справедливости коллективного наказания за индивидуальный грех, ибо решение принимал Господь.

Невольно приходит на ум то печальное соображение, что никакие, даже самые грандиозные воспитательные акции, предпринимаемые как по инициативе небес, так и силами их пророков на земле, не могут послужить порукой тотального единомыслия в среде жестоковыйного народа. Правда, утешителен факт временного улучшения, наступающего в результате расплаты и последующего покаяния, возможно, отчасти натурального.

Отмеченные особенности исторического пути народа Израиля имеют важность масштаба вселенского, и потому они невольно наталкивают на астрономическую аналогию: избранныки Божьи подобны солнцу, а светило небесное есть благодать и счастье всего человечества, но и на нем случаются пятна. Есть у солнца недостаток – оно не видит самого себя.

Известный литературный персонаж, не будь рядом помянут с нашими героями, придавал исключительное значение сему феномену. Он утверждал, что как-то раз появилось пятно на солнце, и в этот самый день его избили в трактире. Теперь он прежде чем пойти куда-нибудь, смотрит в газету, не обнаружилось ли пятно, и если таковое замечено, то он никуда не идет и пережидает.

Увы, обитатели современной земли Ханаанской нередко следуют достойным порицания древним примерам и грубо нарушают устав Божий. Не только в известном своими распущенными нравами государстве Авив случаются вопиющие безобразия, но даже и благочестивая корпорация Ханаана не вполне свободна от греха. Серьезная беда наших дней состоит в том, что прокравшаяся к власти фальшь демократии ограждает преступников от подлинной кары и умаляет целительную силу всенародного покаяния.

2

На ночь глядя Эльдад и Эйтан пришли в гости к Якову, заняли оба стула и за неимением в комнате других предметов мебели, пригодных для сидения, пригласили хозяина усесться на кровать. Троица эта частенько собиралась в поздний час то у одного, то у другого для обсуждения талмудического материала, изученного в течение угасшего дня. Иногда беседа соскальзывала на актуальность, порой романтического свойства, что естественно для возраста героев, а, случалось, говорили даже о перипетиях спортивных состязаний.

На сей раз отправной точкой дебатов должно было послужить деяние Ахана. Но тут раздался нетерпеливый стук в дверь, и, едва дождавшись разрешения хозяина, в комнату ворвался Йошуа. Вся фигура его выражала возбуждение, глаза сияли, щеки горели. Он огляделся, и по лицу его пробежала мгновенная тень, видно, хотел застать одного только Якова. Но делать нечего, и на правах почти родственника, Йошуа уселся на хозяйскую кровать рядом с будущим шурином.

- Откуда, дружище? – спросил Эйтан.

- Из Авива, вестимо! – помог с ответом Эльдад.

- С чего это ты такой радостный? – поинтересовался Яков.

- Да так, всё обычно... – замялся Йошуа.
- Не темни! – воскликнул Яков.
- Честное слово, - пробубнил Йошуа, выразительно поглядев на хозяина комнаты.
- Не стесняйся, тут все свои! – ободрил Яков.
- Я ... мы ... мы целовались с Сарой... – решился Йошуа, и щеки его запылали сильнее.
- О-о-о-о! – пропел Эйтан.
- Да-а-а-а! – протянул Эльдад.
- Оставьте ваши циничные междометия! – сердито прикрикнул на гостей Яков.
- Мальчишник устроишь нам? – спросил Эйтан.
- Он обязан! – решительно заявил Эльдад.
- Не будем об этом – сглазить можно... – залепетал Йошуа, пожалев о преждевременной откровенности.
- Лишь бы пятно на солнце не выступило! – поддразнил Эйтан.
- Дожили! Ученик ешивы мелет суеверную чушь! – с деланным гневом бросил Эльдад.
- Довольно, ребята! Мы собрались, чтоб обсудить поступок Ахана, - сказал Яков, - не возражаешь, Йошуа? – добавил он, ободряюще обняв за плечи товарища.
- Отлично! – воскликнул Йошуа, радуясь перемене темы.

3

“Сегодня я хост и я начну”, - сказал Яков, не заметив, как употребил иноземное слово. Неуничтожимый заморский акцент его звучал в каждой фразе, добавляя собравшимся уверенности в общечеловеческом значении обсуждаемых проблем.

“Я бы отметил, - продолжил Яков, - что за Аханово преступление Господь облагодетельствовал народ свой очищающей карой, а потом еще и наградил военной победой. Как все мы знаем, позорные деяния, подобные поступку Ахана, случаются и в наше время, да вот беда – не можем мы дождаться достойного наказания, без которого и награды ждать нечего! Об одном из таких случаев я намерен рассказать”.

“Общеизвестно, что трудягам на государственном корму положено добавление к жалованью за образованность. Малоученый чиновник беден и несчастен. Кто больше времени просидел над книгами и тетрадями, к тому и казна щедрее. Говорят, знания – клад, а усердие – ключ к нему. Есть и отмычка. Предъявил документ о прохождении курса наук – и получишь прибавку! Воздаяние за труды зависит не от плодов, оными приносимых, а от биографии аппаратчика – странная вещь, не так ли?”

“Алчность чиновничья любит, а, возможно, и создает такие странности. Бесстрашные службисты ставят на карту репутацию и свободу и за мзду выдают заинтересованным сотратникам фальшивые ксивы, извините за неприличное слово. А осилившие таким манером дорогу учения недурно пополняют семейную мошну”.

“Представьте себе, друзья, что на поприще сего беззакония блеснули служители Господа, а, вернее, те из них, кто вращается шестеренкой в правящем механизме нынешнего ханаанского царства. Мало того, вдохновлял молодчиков высший духовный чин – Первосвященник, выражаясь языком древности”.

“Современный Ахан не уступит своекорыстием своему старинному предтече. Головой он не рисковал и не в одиночку обогащался. За грех его не грозит народу Израиля кара Божья, но и награды не видать”.

“В печальную сию песнь встроилась утешительная нотка. Сребролюбивые и безбожные эти служители Бога – не из наших, а из ортодоксов черноермолочных. Впрочем, велико ли утешение? Тень длинна и весь народ покрывает”.

Окончился рассказ. Йошуа и Эйтан оживленно обменивались мнениями. Эльдад, вышедший из упомянутой Яковом среды, сидел молча с мрачным видом. Он не любил слушать хулу на бывших своих. “Единичный пример склоняет поверхностные умы к неверным обобщениям!” – заявил он решительно. Друг его Эйтан возразил, мол, случай-то характерный, и взялся укрепить основания для обобщений.

“В давние героические времена суд вершился открыто и честно, - начал Эйтан, - вспомним, как Йошуа прилюдно изобличал Ахана, как без утайки предъявлял народу украденное преступником добро, как доверили старейшины самым человеколюбивым мужам племени публично казнить злоумышленника. Старина преподала урок прозрачности нашим современникам”.

“Три постыдных явления отмечаю я в сегодняшнем государстве Ханаанском. Во-первых, не ослабела воля народа Израиля к вкушению сладости беззакония, и в этом я единогласен с Яковом. Во-вторых, кривые пути порочной власти увели суд от открытости под сень укрывательства, и я тотчас приведу печальный пример. И, в-третьих, вновь возьму сторону заокеанского друга, не боясь рассердить Эльдада. Змееныши грехов угрелись и кишмя кишат под черными капотами, а наряженные в них братья по вере силятся спрятать свои бесчинства от небесного и земного правосудия”.

“Имеются в столице нашей, а также и в государстве Авив анклав ортодоксальных боголюбов. К несчастью, в их среде слишком часто встречаются склонные к мерзкому пороку наставники отрочества. Они тайно посягают на невинных малолеток, разбивают хрупкий сосуд юного целомудрия. Сокрытая правда становится ядовитой”.

“Отцы и матери пострадавших не ищут защиты у полномочных ведомств, опасаясь семейного ущерб от огласки. Но, главное, они страшатся мести повелителей общины за обнародование секретов ее. Несчастливым родителям помогает подпольный союз “За нравственную чистоту”. Бойцы его самолично и скрытно от властей допрашивают виновных, принуждают их к психиатрическому лечению, а строптивых бьют”.

“Случай помог, и шило вылезло из мешка. Арестовали нескольких судей и подсудимых. Однако, неписанный закон силен и вольнолюбив, его не лишит свободы и не спрячет за решетку. Главарь полиции не утешил, сказав, дескать, мы обнаружили вершок, а спрятанного – аршин”.

“Кривотолки, искажение и клевета! – в гневе выкрикнул Эльдад, - слышал я об этом деле – из пальца высосано и раздуто непомерно. Куда ни шло читать газеты ради футбола и погоды, но верить злобным измышлениям желтой прессы? Мы собрались сегодня, чтоб обсуждать дело Ахана, а не сплетничать о моей родне. С друзьями так не поступают!” – воскликнул Эльдад и вышел, хлопнув дверью.

Йошуа и Яков смущенно и виновато глядели друг на друга. “Эльдад отходчив и незлопамятен, - успокоил Эйтан, - завтра же вернется к нам, словно ничего и не случилось. Не виноват он в заблуждениях своих – перестаешь понимать людей, среди которых долго жил. Но он уже не их, он наш, зерно истины проросло в душе его!”

Глава 17

Солнце останавливали словом

1

Победа окрыляет и пробуждает нетерпение и аппетит к новым достижениям, однако, успех утомляет сердце, и оно просит передышку – время для упоения сознанием достигнутого. После военного торжества в Аие задумал Йошуа почить от дел, как Бог в седьмой день. Не будем забывать, что полководец был одновременно и пророком, и время свое он делил меж войной и учением Торы. Военачальники Барак и Барух помогли ему в первой миссии, ученики-талмудисты Гидон и Гилад – во второй.

Днями и ночами сживал Йошуа в шатре учения, наставлял молодых школяров. Вместе вникали они в мудрость Господа и толковали Книгу, а находки ментор вставлял в пророчества свои для потомков.

Некоторые мудрецы держатся того мнения, что Йошуа мешкал с завоеванием Святой Земли, якобы корысти ради, дабы завершить сию миссию не ранее, чем к ста двадцати годам – предельному сроку человеческой жизни. Он хотел сравняться с Моше долгожительством. Недовольный промедлением, Всевышний сократил земное бытие Йошуа до ста десяти лет. Пока не найдены бесспорные подтверждения или опровержения такого воззрения.

Рахав уж была тяжела. Она с энтузиазмом принимала перемену в своей фигуре, а, главное, радовалась за мужа, получившего доказательные основания гордиться победами не только бранного свойства. Заодно Йошуа утер нос скептикам-срамникам. В новом положении она весьма одобряла затеянный мужем перерыв в сражениях.

Рахав глубоко прониклась верой в Господа, и хоть родилась язычницей, но утвердилась в своей убежденности крепче многих израильтян. Она не сомневалась в правильности избранного супругом пути, но по-женски желала облегчить дорогу елико возможно и избежать лишних жертв. Вот она и подумала, что недурно было бы найти союзников для армии Йошуа. Не надеясь на гибкость мужниного ума, решила действовать секретно и самочинно.

Следующий бастион, который Йошуа намеревался обречь на погибель – это Гивон. Город большой, и гарнизон в нем сильный. По мысли Рахав – прекрасный военный союзник. Кроме того, как она прослышала, живет там искуснейшая повитуха, и услуги ее пришлись бы весьма кстати.

Рахав отправила в Гивон тайного посланника, и тот на аудиенции у тамошнего царя провозгласил простую вещь, которую слышал от госпожи своей: “Кого не можешь победить – к

тому примкни!” Смышленный монарх призвал советников, и эмиссар молвил в уши всего собрания внушенные ему устами Рахав жизненно важные слова – план спасения.

2

В один прекрасный день в лагере израильтян в Гильгале появились чужие люди странного вида – изможденные долгим путем, оборванные, голодные и мучимые жаждой. Они захотели говорить с правителем – мол, есть у них важное сообщение для него. Получив известие, Йошуа немедленно вышел из шатра учения и, следуя духу человеколюбия, прежде чем приступить к расспросам, велел накормить и напоить пришельцев.

“Мы – гонцы царя далекой страны, - начали рассказ ходоки, - мы прослышали о деяниях твоих, Йошуа. Мы знаем, что Бог твоего народа всесилен, и Он отдает всю землю Ханаанскую в твое владение, а ты взамен обязан разрушить все города на ней, убить жителей и выстроить новую страну для народа своего руками его. Ты покорил Йерихо и Ай, и нет в мире силы, которая помешает тебе, великий Йошуа, исполнить волю Бога твоего”.

“Монарх наш опасается, что не останутся жернова, и царство его будет смолото в муку. Вот и послал он нас предложить тебе военный союз. У нас войско сильное – хоть и не чета твоей армии, но польза тебе выйдет немалая. Ты нас не тронешь и от других защитишь, а мы будем верно служить тебе!”

Иудеи – народ осторожный и отнюдь не простодушный: даже Господу-Богу они верят с оглядкой, а тут какие-то оборванцы! Выслушав послов, Йошуа стал советоваться с Баракком да с Барухом. Тогда и Рахав подала голос: “Когда кругом враги, союзник нужен позарез. А дружба за интерес крепче дружбы сердечной!” Слова супруги показались Йошуа разумными, но нельзя торопиться следовать им – слишком уж часто он склоняет слух к женским речам. Что люди скажут?

Выступил вперед Калев и спросил у ходоков: “Может быть, среди нас живете вы, как же заключим мы с вами союз?” А те обрадовались вопросу, видно, желали и ждали его. “Взгляни, как наша обувь обветшала, и одежда истрепалась от дальней дороги, - сказали пришельцы, - эти мехи перевязанные мы взяли полными вина, а они прохудились в пути, хлеб мы сложили теплым в корзины, а он зачерствел и заплесневел за время странствия, и ослы наши отощали, едва ноги волочат от усталости и бескормицы. Какие же еще доказательства надобны?”

Йошуа, Калев и иже с ними внимательно осмотрели предъявленные вещественные знаки чистосердечия и снова держали совет меж собой, а Бога не воспросили. И сделал Йошуа с пришельцами мир, и заключил с ними союз, и начальники общины поклялись им. А Рахав радовалась приобретению умных помощников, хорошо усвоивших ее урок, который преподнесла она царю Гивона через поверенного своего.

Минуло три дня, и стало известно израильтянам, что их обманули посланцы мнимо далекой страны. Разгневанный Йошуа отправил в соседственный город Гивон начальников общины, дабы те выразили тамошнему царю справедливое негодование. Кто считает себя умнее, того и одурачат, а прикинешься простофилей – и избежишь ловушки хитреца.

Монарх Гивона не юлил, но честно и без затей сказал эмиссарам Йошуа, что не желает он себе и царству своему судьбы Йерихо и Айя и прибавил, подмигнув гостям: “Кто смерти не боится, — невелика птица, а кто жизнь полюбил, тот страх победил!”

Начальники общины ответили царю, мол, иудеи не причинят Гивону вреда, ибо клялись Господом, Богом Изралия. Но жители города понесут наказание за обман и навсегда останутся

дровосеками и водочерпальщиками. Йошуа одобрил эти слова, а царь Гивона дал ему зарок вечной верности и готовности служить за изъявленное милосердие и обещанную защиту.

3

Владыки других городов знали о непреклонном нраве вождя иудеев, о смертельно опасных намерениях его и о чудесной помощи, оказываемой ему Богом израильским. Как отвести неумолимую руку судьбы, спасти себя и царство? Сей вопрос каждый из монархов задавал богам своим языческим. И то ли божества, то ли внутренний голос здравого смысла шептали: “Оставьте междоусобие, объедините силы и одолеете напасть!” Вражда меж близкими особенно непримирима. Потому тяжело ворочались мысли в головах царей, но медленно и верно просветлялись умы, и уж почти готовы были государи к непривычному миру меж собой.

И тут, как обухом по темени, слишком худая новость свалилась и отравила надежду – царь Гивона, хитрый веролом, заключил военный союз с врагами. А ведь на него расчет делали, на войско его умелое и числом немалое! “Предательством уклонился от боя, вечным рабством заплатил за целостность шкуры своей. Отщепенец, отступник, дезертир, водочерпальщик, дровосек!” – с ненавистью и презрением говорили о нем цари ханаанские.

И все же нельзя покоряться судьбе и складывать крылья, и состоялось объединение сил. Решили пять царей из пяти сторон, все заодно, что погибнет монарх Гивона. С уничтожения слабого звена в преступном союзе они начнут кампанию спасения земли Ханаанской.

Объединенная армия подошла к стенам Гивона, окружила город и приготвилась воевать. Темной ночью, когда враг спал, царь осажденной крепости отправил посла в Гильгаль. На сей раз тому не потребовались ветхие одежды и заплесневевшие корки хлеба. “Не отними руки твоей от рабов твоих, - взмолился перед Йошуа посланник Гивона, - выступи к нам скорее, и спаси нас, и помоги нам...”

Задумался Йошуа. Не угас еще гнев, ибо огонь его раздувался сразу от двух причин – коварство обмана и собственное недомыслие. “Да, заключен союз с Гивоном, - рассуждал Йошуа, - но ведь не израильский же это город – неужто иудеи должны головы свои класть за чужаков, да еще и мошенников? Пусть бы погибли от руки земляков своих, к чему нам такой союз, настанет трудный час, и снова обманут лжецы эти! Опять же, клятва обязывает...”

Рахав помогла мужу выбраться из болота сомнений. “Поднимайся на бой, Йошуа! Сейчас чужих отторгнешь, потом своих отвергнешь! Дал зарок верности – бойся ее нарушить!” Нельзя не признать жертвенность совета Рахав. Ведь прерывался любезный ей мир, столь желательный в положении ее, и удастся ли теперь залучить именитую повитуху?

Радуюсь, что кончились ненавистные сердцу колебания, Йошуа немедля собрал войско, озадачил Барака и Баруха и вечером следующего дня двинулся на Гивон. К рассвету неслышно подошел к цели, внезапно напал на армию пяти царей, привел в смятение полки и командиров их и “нанес им великое поражение в Гивоне”, как впоследствии написал он в своем пророчестве.

4

Что падает – нужно еще толкнуть. Разбить в бою армию врага считалось в древности половиной половины дела. Исключительно важно было упорно преследовать бегущих, обязательно настичь их, умертвить сопротивляющихся, сдавшихся в плен обратить в рабство и, разумеется, разжиться военной добычей.

Победители гнались за удирающим врагом, а Бог помогал своему народу. Бросал Он с неба камни, и после горячки боя Йошуа свидетельствовал для современников и потомков, что больше врагов умертвил каменный град небесный, чем град стрел иудейского войска, а острия летящих сверху обломков смертоноснее были, нежели острия мечей сынов Израиля.

Избиение уносящего ноги противника – дело небыстрое: догнать надо пешего или конного, жизни лишит, увериться, что не дышит, Господа восславить и самому возрадоваться, трофеи взять – да мало ли чего! А день подвигался к закату. Стемнеет – и скроется неприятель в щелях да берлогах, уцелеет, и, кто знает, перестрадает боль поражения и станет мстить в открытую и исподтишка. Путь войны должно пройти до конца, но уж ночь была на носу, и времени не оставалось!

И тогда воскликнул Йошуа пред очами Израиля: “Солнце, у Гивона стой!” И остановилось дневное светило среди неба и не спешило к заходу, покуда истребляли иудеи врагов своих. И не случалось такого чуда ни прежде, ни после, чтобы Господь действовал по указу человека, ибо это Он остановил солнце, воюя на стороне народа-избранника.

Возрадовалось, возликовало сердце Йошуа! И Бог поступил по слову его, и небо осветило путь к полной победе! Надо успевать, нельзя упускать великий час. “Мгновенье, о как чудесно ты, повремени!” – самозабвенно вскричал Йошуа и бросился в атаку.

Для полноты картины следует указать на важное уточнение, внесенное некоторыми мудрецами, утверждавшими, что между Йошуа и солнцем возник спор. Якобы, в ответ на требование остановиться, солнце возразило полководцу, что оно старше его, ведь светила небесные были созданы на четвертый день творения, а человек – лишь на шестой, и не гоже молодому командовать ветераном. Йошуа же возразил, мол, и юный хозяин приказывает старому рабу, и справедливость сего положения несомненна. А, как известно, небо и все воинство его отданы во владение человеку, стало быть, не спорить, а выполнять надо! Солнце признало резонность довода и остановилось.

5

Чудесное продление светового дня позволило Йошуа почти полностью уничтожить объединенную армию пяти царей. Лишь очень немногим удалось избежать смерти – они скрылись за стенами укрепленных городов, однако, Йошуа был уверен, что настанет и их час.

Доблестное воинство иудейское вернулось в свой лагерь в Гильгале и расположилось на отдых. Тут явился вестник, и сообщил Йошуа, что пяти царям посчастливилось спастись, и они укрылись в такой-то пещере и дожидаются окончания бури страстей.

Йошуа прервал передышку и с отрядом верных бойцов и командиров направил стопы свои к пещере. Он велел отвалить камни, которыми беглецы загородили вход, войти вовнутрь и вывести всех пятерых наружу. Когда дрожавших от страха монархов подвели к полководцу, он велел своим военачальникам швырнуть тех наземь и поставить ноги свои на шеи их – знак, предвещающий поверженным худое.

По приказу Йошуа повесили царей на пяти деревьях, и болтались тела в воздухе, и народ глядел на них. К заходу солнца мертвых перенесли в пещеру, где те надеялись спасти свои жизни, и вход наглухо завалили землей.

Йошуа созвал войско и сообщил, что предстоит бойцам разгромить города, мертвые цари которых замурованы в пещере. Армия противника побита, жители за стенами беззащитны, и потому подумал Йошуа, а не закралась ли ненароком жалость в души бойцов, и не

размягчились ли сердца солдатские? И тогда сказал он воинам своим слова, которые прежде приходилось слышать ему от Бога и от Моше: “Не бойтесь и не трепещите, будьте тверды и мужественны, ибо так поступит Господь со всеми врагами нашими, с которыми вы воюете!”

Судьба пяти городов оказалась такой же, как и участь Йерихо и Айя. Сыны Израиля поразили жителей острием меча, стены и постройки разрушили до основания, а землю присоединили к начинавшемуся новому царству в Ханаане.

Глава 18

Такие чудеса, что дыбом волоса

1

Люди называют чудесами события и вещи, происходящие вопреки законам природы. Но не только. Если нечто выходит за границы наших представлений об обыденном, то мы непременно посчитаем чудом и это нечто, хотя, по существу, оно таковым не является, а всего лишь не соответствует привычным понятиям, впитанным сизмальства. Сила первых привычек велика, деспотична даже. Иными словами, в роли чудес выступают для человека как явления от него независящие, так и неизвестные ему.

Для примера взглянем на битву в Гивоне с точки зрения возможного чуда. Как известно, по слову Йошуа остановилось солнце. Сей факт противоречит обыкновениям природы, и по этой причине вполне может считаться чудесным. Однако нельзя забывать, что хотя приказ дневному светилу прозвучал из уст человека, который, как известно, не может управлять его движением по небосводу, тем не менее, Бог привел приказ в исполнение. А именно Он повелевает законами мироздания! Стало быть, произошедшее нельзя считать событием сверхъестественным, и поэтому чудо не случилось. Если следовать научной строгости, то надо отдать предпочтение последнему утверждению. Но при этом мы обедним эмоциональную сторону дела. Не лучше ли признать трактовку события в Гивоне неразрешимой дилеммой, дабы сохранить очарование неопределенности?

Взглянем на проблему шире. Понятие чуда не отличается строгостью, и в повседневной жизни оно вовсе не обязательно ассоциируется с исключительными явлениями вне или внутри человеческой души. Порой даже события заурядные, встречающиеся часто и случающиеся со многими, мы заслуженно называем чудесными, чудными, чудотворными. Корни слов указывают на корни вещей. Разве любовь, поселившаяся в сердце юной девы, не есть чудо? Обремененная годами и заботами матрона подтвердит – да, когда-то в молодые годы и со мною случилось диво дивное! Мимоходом заметим, что не наперекор природе возникает в сердце очарованной девицы мечта выйти замуж за возлюбленного, но иногда осуществление такой мечты представляется нам чудом.

Мы видим, что чудеса – вовсе не прерогатива древности. Сара обожает Йошуа, и чудо любви переполняет ее девичье сердце, и она мечтает соединить свою судьбу с судьбой возлюбленного. Тетушка, у которой поселилась Сара, не устает твердить племяннице, мол, как прекрасны, как чудны переживаемые ею дни – они запомнятся навсегда, и аромат их до глубокой старости будет полнить воздух в храме женской души.

2

Лиат, старшая сестра Идо, отца Сары и Якова, жила одиноко в Авиве и не знала в своей жизни мужа. Но, должно быть, в молодости пронесся в ее сердце ураган любви, иначе, откуда бы взялись глубокие сентенции, которыми она потчевала племянницу?

Лиат гордилась успехами брата и чуть не каждый год летала за океан навещать его и племянников. Их она любила как родных детей. К Пегги, жене Идо, относилась прохладно по причине неизвестной, но известно, что чувства не нуждаются в причинах. С тех пор, как Пегги и Идо расстались, Лиат не бывала в гостях у родни. Зато Яков и Сара порадовали тетушку, приехав на Святую Землю.

Намерение племянников погрузиться в архаику веры не радовало Лиат, убежденную безбожницу государства Авив. Она, однако, усматривала важное различие в мотивах Якова и Сары. Первый, по ее пониманию, совершенно поддался соблазну экзальтированного поклонения древнему, но живучему фетишу, и все больше отдалялся от семьи. Вторая же, хоть и готовила себя, как казалось тетушке, к духовному рабству, но высокое побуждение извиняло юницу. “Душа Сары расцвела любовью, - думала Лиат, - пусть предмет обожания не слишком хорош – потомственный узколобый фанат – но не объект любви, а факт ее самоценен. Алмаз и в невзрачной оправе – лучший самоцвет!”

Как понятно из сказанного, Сара делилась с тетушкой сердечными своими делами, но до сих пор не представила ей своего Йошуа. Кавалер провожал барышню до дому, последнее время даже целовал на прощание, но ни разу не был приглашен. Сара, зная скептическое отношение родственницы к одержимым верой людям, не торопила события. Но вот, она стала его невестой, и дальше откладывать встречу было бы неучтивым.

3

- Знакомьтесь, тетя, это – Йошуа, - сказала Сара.

- Йошуа. Очень приятно, - проговорил Йошуа.

- Моя тетя Лиат, - продолжила процедуру Сара, указывая кивком головы на тетушку.

- Лиат. Рада знакомству, - сказала Лиат и протянула для приветствия руку, которую Йошуа осторожно пожал, сделав при этом легкий поклон.

- Не пройти ли нам в гостиную? – церемонно спросила Сара.

- Разумеется, - в тон ответила Лиат и, как хозяйка, показала дорогу.

- Прошу садиться, молодежь, - указала Лиат на кресла, и сама подала пример, усевшись на диван.

- Благодарю, как здесь удобно! – вставил слово Йошуа.

- Не правда ли, Йошуа, сегодня прекрасная погода? - находчиво заметила Лиат.

- Совершенно верно, - не замедлил с ответом гость, - немного жарко на улице, и кондиционер в гостиной очень кстати.

- Спасибо, Йошуа. Ты уже читал последнюю речь нашего первого министра? – ни с того ни с сего изрекла Лиат.

- Тетя, - вмешалась Сара, - мы с Йошуа привыкли в это время садиться за стол в ресторанчике возле ульпаны... Не речами же ты собираешься кормить нас!

- Ой, Сара, я заболталась. Прости меня, Йошуа, - вскочила со своего места Лиат, - сейчас накрою на стол, голодными не останетесь! Сара, дай гостю газету, и помоги мне на кухне.

- Уже иду, тетя!

- Какой красивый молодой человек! – громким шепотом воскликнула Лиат, так чтобы Йошуа в гостиную слышал.

- Я была уверена, тетя, что Йошуа тебе понравится!

- В добрый путь, голубушка!

4

Лиат ничуть не удивилась повышенному интересу гостя к надписям на консервных банках, а также на упаковке хлеба и на бутылке вина. Йошуа положил себе в тарелку несколько сардинок, добавил столовую ложку маслин и ломтик хлеба. С искренней печалью в лице он отказался от мясного блюда, высказав уверенность в его кулинарных достоинствах. Сара, зная отменный аппетит жениха, забеспокоилась, здоров ли. Лиат не выражала признаков тревоги. Без надежды на успех она заверила Йошуа, что кухня у нее вполне кошерная, и с пониманием приняла его объяснение, мол, полтора часа назад ему волей-неволей пришлось основательно поесть на некой церемонии в ешиве, и вот, он абсолютно не голоден.

После ужина Лиат отправилась на кухню и принялась мыть посуду, предоставив молодых людей самим себе. Сара предложила Йошуа поговорить с ее матерью. Она включила компьютер в своей комнате, и интернет быстро связал ее с Пегги. В гостях за океаном Йошуа мельком виделся с нею, сейчас ему предстояло основательнее узнать будущую тещу. Очень печально, что она христианка, но ведь не на ней же он собрался жениться! Впрочем, беседа втроем удовлетворила всех участников.

Йошуа обратил внимание на некоторую напряженность в разговоре между дочерью и матерью. “Меня это не должно тревожить, - мысленно сказал он себе, - к тому же я слышал, будто все женщины со временем делаются похожими на своих матерей. Пока же я рад тому, что эта приятная особа живет далеко от нас!” – подумал про себя Йошуа, но мы не знаем, что подумала Пегги.

Сара и Йошуа вернулись в гостиную, и к ним присоединилась Лиат. Чувствуя мужской долг развлечь дам, Йошуа начал разговор о чудесах. Он не стал касаться таковых в речи первого министра, опасаясь вступить на скользкую тропу политических разногласий с хозяйкой дома. Поэтому он отодвинул газету и заговорил о вещах более надежных.

Йошуа стал рассказывать о битве за город Гивон. Говорил, как Господь бросал с неба огромные камни, убивая бойцов пяти языческих царей, вспомнил о великом своем тезке, приказавшем солнцу остановиться, и о том, как Бог внял воле человека и удержал дневное светило в зените небосвода, дабы иудеи успели до темноты разгромить врага.

Рассказчик поглядывал на лица слушательниц, весьма по-разному внимавших ему. Сара смотрела на него во все глаза и привычно принимала на веру слова его. Когда он вздыхал, то и она охала, если он поднимал палец вверх в знак значимости произошедшего, то и она поступала

так же, а стоило голосу его обрести гордую торжественность, как она обволакивала его взглядом полным обожания.

Деликатная Лиат придала лицу заинтересованное выражение, но иронический огонек в глазах ее не ускользал от пронизательного ока Йошуа. Впрочем, умная публика всегда иронична, в этом ее добродетель. Тетушка же все больше глядела на племянницу и радовалась не громким победам древнего воина-пророка, а великой любви, захватившей сердце юной девы.

5

- А сейчас я расскажу случай страшный, но полный чудес,- сказала Сара, - я вычитала о нем в газете, и произошло это в поселении недалеко от Бейт Шема.

- Я почти не заглядываю в газеты – они слишком часто клеветают на завоевателей Ханаана, - заметил Йошуа, - но рассказ из твоих уст не может быть неправдив.

- Отец семейства убил жену и обоих своих мальчиков, - продолжила Сара, - кровожадный злодей не удовлетворился содеянным, он проник в соседний дом, где жила семья с двумя детьми, воспользовался отсутствием взрослых и умертвил старшего ребенка – двенадцатилетнего Янона.

- О, ужас! – воскликнула Лиат, - почему он это сделал?

- Он заявил, что уничтожил семя Амалека, - всхлипнула, Сара.

- Сам он Амалек! Ах, как жаль, что не всех амалекитян перебил Йошуа! – вскричал Йошуа.

- А в чем же чудо, девочка? – сердито воскликнула Лиат.

- Первое чудо в том, что младший брат Янона, одиннадцатилетний Янай, остался жив, - ответила Сара, - негодяй ранил ребенка, а тот притворился мертвым и этой хитростью спасся!

- Ясно, что убийца – просто сумасшедший, но пресса злонамеренно затенит этот факт, дабы лишний раз запятнать и демонизировать образ поселенца! – убежденно произнес Йошуа.

- Ты, кажется, говорила о нескольких чудесах? – спросила Лиат.

- Да, тетя. Родители погибшего Янона утверждают, что счастливы, ибо сквозь горе утраты пробивается радость обретения, ведь спасение Яная есть второе рождение его, и это дар Господень.

- Моему уму не понять такого чуда, - бросила Лиат.

- Родители Яная говорят, - продолжила Сара, - что все случившееся неестественного происхождения, то есть имеет чудесную природу, а, значит, сотворено Богом. Им же, маленьким людям, не дано понять величие замысла Всевышнего, и потому по неведению своему они усматривают дурное в хорошем. От удущья горьких дум спасает их упование на Господа, и потому я думаю, что вера в Него – еще одно чудо! – закончила Сара.

- Не чудом, а обыденностью должна быть вера в Господа! – провозгласил Йошуа.

- Я тоже хочу сказать кое-что о чуде и о вере, - заявила Лиат.

- Что-нибудь в этом же роде? - скептически спросил Йошуа.

- Есть сходство, но место удалено от Бейт Шема, - успокоила гостя Лиат, - некто обезглавил жену, поджег дом, а затем бегал по улицам, держа в руках отрубленную голову, и кричал, что убил Амалека!

- Опять полоумный! И снова Амалек лишает разума иудея – вот как калечит умы боль памяти о вечном враге народа нашего! – с горечью промолвил Йошуа.

- А чудо-то где, тетя?

- Убийце был голос с небес, мол, жена его – семя Амалека, и приказал голос умертвить ее, - пояснила Лиат.

- Какие страшные вещи я услышал сегодня, - заметил Йошуа, - воистину, не для женских уст такое! Но мне пора. Благодарю гостеприимных хозяек. Все было чудесно!

- За исключением чудес, - добавила Лиат.

- Я немного провожу гостя, - сказала Сара и выпорхнула вслед за Йошуа.

- Разумеется, девочка, - крикнула ей вдогонку Лиат.

“Поцеловаться хотят!” – догадалась тетюшка.

Глава 19

Обыденность и больше ничего

1

По всей земле Ханаанской прогремела весть о победе иудеев над соединенной армией пяти царей. Молва породила гнев, унижение и страх животный в душах народов Ханаана, а в сердца израильтян вселились ликование, гордость и страх благоговейный.

Природа человека не выносит слишком долгое кипение страстей и душа требует отдохновения. После всякого рода катаклизмов, будь то успех или крах, она ищет тихую нишу обыденности. Пусть восход возвещает о начале дня, который большей частью будет похож на всякий другой.

Побежденным и запуганным ханаанцам требовалось время для залечивания ран, для усвоения уроков непреклонного учителя и для неминуемых челобитий к глухим языческим идолам. Счастливым иудеям нужна была передышка, дабы начать отстраивать завоеванную землю, приняться за основательное постижение Слова Божьего и приступить к нелегкому труду вытеснения из сердец кичливости и заполнения скромностью освобождающегося пространства.

Конечно, после громких побед кое-кому покажется обыденной миссия порождения и воспитания потомства. Но, как бы там ни было, любовь и лучшие ее следствия не потеряют от своей цены. Господь осчастливил Йошуа и Рахав тремя дочками погодками. Старшую назвали Тирца, среднюю – Ноа, а младшую – Милка. Семейство проживало в Гильгале, по-прежнему скромно, в шатре. Неподалеку поселился Калев, а с ним жена Хагит и дочь Ахса.

Как нам уже известно, Йошуа разгневался на обманувших его посланцев Гивона, а еще больше на себя самого, за то, что поддался на хитрость. Оба эти обстоятельства весьма повредили будущности города-побратима, ибо жителей его Йошуа сурово наказал, лишил перспектив и навек определил им лишь две неизменные ипостаси – дровосеков и водочерпальщиков.

Против сравнительно небольшого Гивона иудейский лагерь в Гильгале отличался изрядной протяженностью места и великим числом обитателей, поэтому гивонцам с лихвой хватало черной работы на пользу израильтян. Ханаан дождями беден, стало быть, добывание воды требовало труда немалого, и водочерпальщикам приходилось трудиться без устали. Зимы и ночи холодные, поэтому заготавливающие топливо дровосеки не скучали. Время показало прагматичность кары, которую Йошуа избрал для союзников.

Изреченная израильтянами именем Господа союзническая клятва спасла Гивон от тотального уничтожения – злой судьбы прочих городов земли Ханаанской. Первоначально Йошуа и его советники намеревались использовать труд гивонцев, не допуская проживания их в непосредственной близости от иудеев, дабы не подвергать последних соблазнам язычества. Пускай-де работники утром приезжают в Гильгаль, а к вечеру возвращаются в свой Гивон. Однако, нашлись резоны для отступления от этой идеи – говорят же, мол, властелин предполагает, а торгаш располагает.

Меркантилизм внутренне присущ людям, а высокость цели надо привносить в головы извне, и дело это отнюдь не простое, и успех его проблематичен. Вот и подумали израильтяне, мол, зачем дровосекам и водочерпальщикам дважды в день совершать утомительный путь из Гивона в Гильгаль и обратно? Пусть живут в Гильгале: не устанут от дороги, не так истреплют одежду и обувь, меньше съедят и выпьют – и работать будут лучше, и обойдутся нам дешевле. Через забор перелезают там, где он ниже!

Семью Йошуа снабжал водой и дровами молодой трудолюбивый житель Гивона. Он выстроил себе землянку неподалеку от шатра полководца и ютился там с женой и малолетним сыном. Женщине тоже нашлась работа – она помогала Рахав управляться с дочерьми, готовить пищу, поливать огород и выполнять прочие обязанности. Виды ее занятий выходили за скупой перечень профессий, которые определил для гивонцев Йошуа, однако, последний имел в виду мужскую работу, поэтому нет оснований упрекать Рахав за попрание воли супруга.

Хагит недолюбливала Рахав, на что имела веские причины. Во-первых, жена Калева была старше годами жены Йошуа, во-вторых, она уступала ей красотой, и, в-третьих, не отличалась плодовитостью. Не удивительно, что Йошуа и Калев не дружили шатрами. Однако Ахса привязалась к своей сверстнице Тирце, и они целыми днями играли вместе. К старшим подружкам присоединялись младшие сестренки Тирцы. Гивонец, который работал у Йошуа, вырезал из дерева несколько кукол и подарил их девочкам, и те наряжали своих питомиц, кормили, укладывали спать, баюкали.

Йошуа крайне не одобрял это занятие дочерей, ибо усматривал в куклах подобие идолов. Он сердился, высказывал свое недовольство Рахав и грозился отнять у девочек безмозглые деревяшки. Матери с трудом удавалось урезонивать отца, она остерегала его, дескать, от смешного сходства до великой глупости – один шаг.

Позднее к подружкам присоединился сверстник – сын упомянутого гивонца. Детям было только по пять-шесть лет, и мальчик играл с девочками, не рискуя нанести ущерб мужской чести. Поскольку никто, да и он сам, не знал, как его зовут, Тирца и Ахса дали ему имя Адам.

Панибратство дочерей Израиля, то бишь дочерей Йошуа, с язычником сердило отца еще больше, чем игра в куклы. Он вообще желал бы сам заниматься воспитанием девочек: обучал бы их

грамоте, да и начинать присматривать женихов никогда не рано. Но слишком широк круг обязанностей полководца и пророка, и Йошуа поневоле устранился от педагогического труда, предоставляя это занятие Рахав, тем более что зарождавшаяся в древности традиция предполагала отдавать пленцов женского пола под надзор материнского ока. Не хватало, однако, душе Йошуа умиротворения, ибо нет-нет да вспоминалось ему, что Рахав-то в прошлом была идолопоклонницей, и кто знает, кто знает...

2

Общеизвестно, что безделье – не отдых. Кампания по захвату земли Ханаанской была еще далека от завершения, и те несколько сравнительно спокойных лет, что выдались после разгрома армии пяти царей, израильтяне использовали для первичного освоения завоеванной территории и, конечно, для учебы, главное в которой – овладение Торой. Но и не главное – оно тоже важно. Поэтому они усердно брали уроки у жизни – как правильно строить, пахать, сеять, воевать. Кое-что перенимали от местных язычников, но в большей мере полагались на аутодидактику, благо ошибок они совершили на своем пути предостаточно и тем самым открыли перед собой широкую образовательную перспективу.

Знали израильтяне, что впереди их ждут войны и войны, и посему они не жалели времени на беспристрастный анализ собственных недостатков и достоинств. И не менее важно было понять, в чем сила и слабость врагов. Ратное ремесло требовалось поставить подножием к искусству войны. Совершенствовались все воины без различия чина и звания – Барак, Барух, тысячники, сотники, простые солдаты. Йошуа говаривал военачальникам: “Любите мир, как средство к новым войнам!”

Хотя нынешнему поколению не известны доподлинно предметы обсуждений на военных советах древних израильтян и ханаанцев, тем не менее, труды наших мудрецов, а также изыскания университетских знатоков отрывают перед взором современника важные свойства противных сторон.

Каковы были преимущества ханаанцев против иудеев? Конечно, выучка, ибо муштровали их многомудрые в ратном деле египтяне. И вооружением они превосходили армию Йошуа. Отличные кони, прочные колесницы, дальнобойные луки – всё с берегов Нила. А города их – настоящие крепости. Израильтянам пришлось бы, как говорят, “лезть на стену” и гибнуть под градом стрел, кабы не изобретали они всякий раз новые военные хитрости.

Ну, а в чем же сила израильтян? Дело не только в численном их превосходстве. Дух двигает горами! Едино мнение мудрецов – победы Йошуа происходят от веры в Господа и питаются убежденностью, что не оставит Он в беде народ свой. Взять хоть чудо обрушения стен Йерихо, или остановку солнца в бою с соединенной армией пяти царей! Знатоки Писания справедливо приведут и другой ярчайший пример, но уже отрицательного свойства. Неудача первой схватки за город Ай со всей очевидностью показала, как катастрофично нарушение воли Бога.

Израильтяне извлекли преподнесенный Всевышним урок, и результат не замедлил сказаться – блестящая победа над Айем! Разумеется, жалкие идолопоклонники, молившиеся бесчувственным камням и деревяшкам, были лишены поддержки небес, без которой и самая лучшая амуниция не выручит, одним словом – не в коня корм. Огромный духовный перевес сплоченных верой в Господа израильтян над запуганными и морально бесхребетными язычниками работал исправно.

Здравыми и логичными были приказы Йошуа разрушать захваченные города и умертвлять жителей. Ведь чтобы не терять твердость поступи, шагая к высокой цели, необходим неугасимый костер веры. А поселись израильтяне в отстроенных чужими руками городах, да

еще среди язычников – и потух бы священный огонь в душах. Где есть оазисы, там появятся и идолаы.

Йошуа справедливо полагал, что вера – не замена рвению. Оттачивая мастерство ратного труда, скорее протопчешь путь к сердцу Господа, а победы над врагом станут украшением славной тропы. От кампании к кампании все изощреннее действовали полководец и военачальники его. Успеху ночных походов и внезапных атак помогала тщательная и скрытая разведка противника и местности перед боем.

До совершенства довел Йошуа искусство нападения из засады. Зная слабость своей конницы, он умело избегал сражений на открытом поле, заманивая врага в тесное пространство, где ханаанцы не могли развернуть кавалерию, и иудеи использовали численный перевес в пехотинцах и лучниках. А обманное отступление при захвате Айя – подлинно блестящий трюк!

Во хвалу себе мудрецы отмечали, что их всегда занимал вопрос справедливости захвата израильянами страны, в которой до их прихода жили другие народы. Глубоко проникая в глубины Писания, они неизменно приходили к выводу, что завоевание Ханаана было законно, ибо творилось по воле Всевышнего, подарившего Святую Землю своему народу. Другие же племена жили там не по праву, а по милости. Кроме того, как утверждали мудрецы, перед каждой новой кампанией Йошуа, не желая зла жителям, гуманно предлагал им добровольно покинуть место, а упрямство язычников – не его вина. Ничего не поделаешь – не всякое слово годится ко всякому рылу!

Мудрецы современной эпохи острым оком подметили важнейшую вещь. Оказывается, в первом бою за город Ай в составе трехтысячного иудейского войска сражалось несколько юношей, изучавших Тору. Это были те, кто сиживал с Йошуа в шатре учения – Гидон, Гилад и другие. Поражение не сломило дух молодых знатоков Писания, а лишь раззадорило их, и они впоследствии надевали ратные доспехи всякий раз, когда поднимался ветер войны. При этом они увлекали за собой всех своих соучеников, по праву усматривая в их участии весомый фактор успеха.

Хорошенько запомним сию находку мудрецов, ибо она дает ключ к пониманию сути актуальной борьбы за Святую Землю, а именно, она являет исторический пример для нынешних питомцев весьма многочисленных и мирно пасущихся в Ханаане ешив.

3

Краткие годы военной передышки не были временем полного отдохновения от боев. То тут, то там, то зимой, то летом, то ночью, то днем, нет-нет да разгорались угольки вражды, и случались местного значения стычки. Однако неготовность сторон к решающему перелому удерживала их в рамках благоразумия. Относительное затишье противники употребляли с пользой для ближайшего будущего, то есть пестовали ненависть друг к другу в сердцах своих и упорно оснащали полки оружием и амуницией для большой войны, которая, в конце концов, явилась.

Победа Йошуа над армией пяти царей вместе пугала и распаяляла ханаанцев. Монарх Хацора, крупнейшего из не сражавшихся пока городов, стал собирать союзников в соседних царствах – на юге и на севере, на западе и на востоке. Он преуспел, и весьма значительное войско приготовилось сразиться с Израилем.

И Господь сказал Йошуа: “Не бойся их, ибо завтра, около этого времени, Я предам их всех на избиение Израилю; коней их изувечь и колесницы их сожги огнем”. Ободренный полководец расставил по выгодным позициям военачальников Барака и Баруха, вдохновенной речью поднял дух бойцов, и войско выступило на врага.

Наученный жизнью, Йошуа усвоил, что только скрупулезное исполнение воли Господа с одной стороны гарантирует успех, а с другой – уберегает от досадных промахов и последующих болезненных наказаний. Бог предал ханаанцев в руки израильтян, и воины Йошуа преследовали бегущих, и побивали их острием меча и не оставляли позади себя ни одного уцелевшего. А коней вражбых изувечили и колесницы сожгли огнем.

Затем Йошуа взял Хацор. Царя и горожан победители предали смерти, и ни одна душа не уцелела. Город был уничтожен пожарищем. И в других крепостях, что шли заодно с Хацором, иудеи умертвили острием меча тамошних царей и не оставили никого в живых, однако, не сожгли дома и стены. Добычу же и скот захватили сыны Израиля себе.

Отметим, что плечом к плечу с бойцами, коих ремесло – ратоборство, сражались молодые и сильные питомцы пророка Йошуа, душою прикипевшие к шатру учения, но неробкие сердцем и смелые духом. Мирное время они делили пополам – учили Книгу и учились воевать. А как настал час испытания – они встали в строй.

Ни одного слова не упустил Йошуа из всего, что повелел ему Господь. Земля же горная и равнинная, южная и северная – вся, что завоевана была в этом сражении – отошла к израильтянам.

Как записал в пророчестве своем Йошуа, ни один город, кроме Гивона, не захотел заключать мира с Израилем, и все крепости пришлось брать войной. Стало быть, правильно говорили мудрецы, мол, погубило ханаанцев безумное упрямство их. Йошуа полагал, что Господь намеренно ожесточил сердца язычников, дабы направить силу народа Его на лучший путь – полное изничтожение врага.

Еще годы после этой победы продолжались сражения за Святую Землю. Многих истребили иудеи. Даже племя великанов было разгромлено. По воле Господа, и по слову Моше, всю завоеванную землю Йошуа отдал в наделы израильтянам по коленах их. А потом сказал он такие слова: “И земля успокоилась от войны”.

Глава 20

Не робей, а врага бей

1

Представляя читателю подвиги полководца древности Йошуа и при этом, перемежая их показ с деяниями его теперешних адептов, никак нельзя обойти стороной славный иудейский праздник Пурим. События, лежащие в основе сего ежегодного торжества, случились через тысячу лет после героической эпохи завоевания Святой Земли и за двадцать пять веков до наших дней.

Дух беспримерной доблести и фантастической удачи, полнивший сердца древних израильтян, а, главное, благая воля Всевышнего – дух и воля вместе – творили добро народу-избраннику и уберегали от зла. Нынче великие и счастливые эпизоды истории неизменно возбуждают гордость и самоуважение в сердцах современников. И, конечно, в день празднования Пурима ликование жителей Бейт Шема и других поселений ярче и многозначительнее, чем в любых иных местах Ханаана.

В смутное время пребывания израильтян в вавилонском плену, некий важный царедворец, Аман его имя, люто невзлюбил гордого иудея Мордехая, не желавшего кланяться ему, и уговорил монарха издать указ об истреблении всего избранного Господом народа. Не подлежит сомнению, что сей вельможа происходил из потомков вечных ненавистников иудеев – злобных амалекитян, племя которых Йошуа разгромил когда-то, но, к несчастью, не умертвил всех поголовно. Позднее, завоеывая Ханаан, он старался не повторять ошибку, но, однажды свершенная, она тысячелетиями звучала и поныне звучит эхом древности. Заметим при этом, что ошибку найти легко, а истину – трудно, ибо первая лежит на поверхности, а вторая скрыта в глубине.

Любимой женой монарха была иудейка Эстер, а Мордехай приходился ей родичем. Он потребовал от царицы вступить за родной народ. Легендарная дочь Израиля убедила мужа-государя сменить гнев на милость, и тот выпустил новый указ, позволяющий иудеям вооружиться для защиты жизни и имущества. Счастливо окончилась сия история – предназначенные на заклятие взяли свои судьбы в собственные руки и побили палачей. Многие тысячи гнусных висельников полегли в те славные дни, а иудеи торжествовали свободу. И поныне в четырнадцатый день месяца адара они устраивают веселый праздник, название которому Пурим.

2

Весь Ханаан ежегодно ликует в Пурим. Как красиво шествие в Авиве! В масках и маскарадных костюмах млад и стар бодро топают по улицам, и поют, и танцуют, и дурачатся, и шутят, и смеются. Вот оно, заразительное зрелище всеобщего веселья! Случись навстречу праздничной колонне какой-нибудь бука, и оттаит сердце нелюдима, и улыбнется он, а то и повернет стопы и втиснется в нестройные карнавальные ряды.

В детских садах и в школах, в ешивах и в университетах, набожные и безбожники обоего пола, сыны и дочери Израиля, все, как один, открыто и смело демонстрируют себе и миру исконную гордость своим племенем и вечную любовь к нему. В Пурим огонь патриотизма горит в сердцах жарче, чем в прочие дни года, и, полыхая, он вдохновляет, возвышает и пьянит.

Эффект от последнего из названных действий достигается еще из одного, не менее надежного источника. Давняя народная традиция поощряет употребление в Пурим доброго количества солнечного напитка. Сему неписаному закону охотно и исправно следует большинство, ибо Бог дал нам вино на радость. Поедаются треугольные сладкие печенья, называемые ушами Амана, взрослые поручают детям доставить родне или нужным людям съедобные подарки, а малоимущим дают деньги. Украшением празднования становится представление на древний сюжет. Главные действующие лица спектакля – царица Эстер, родич ее Мордехай и, не будь рядом помянут, злобный Аман.

Не в пример легкомысленному авивскому карнавалу, празднование Пурима в Бейт Шеме одухотворено верой в Господа, знанием трактовок истории, и непременно происходит в контексте актуальных фактов. Жители поселения радуются и веселятся с неменьшим, чем в Авиве, энтузиазмом, со вкусом жуют сладости, меж домами курсируют ребяташки, нагруженные подарками для родственников и соседей, и под вечер разыгрывается представление. Разумеется, совершаются щедрые возлияния, но обязательно отдается дань соблюдению приличий.

Сходство налицо, но не годится мешать дар Божий с яичницей. Люди подлинной веры постятся накануне праздника, ибо это есть день печали о разрушении Храма и молитв за спасение иудеев. И только вечером по истечении поста начинается веселье. В синагоге читается свиток Эстер – библейская история о гнусном замысле врагов Израиля, о подвиге славной

царицы, о спасении иудейского племени и о справедливой каре, настигшей супостатов. Жители Бейт Шема хоть и знают свиток почти наизусть, но каждый год снова и снова воодушевляются дерзкими и сладкими словами: “...Сами иудеи одолели недругов своих, собрались в городах своих, ... чтобы наложить руку на тех, кто желал им зла; и никто не устоял против них, ибо страх перед ними охватил все народы”.

3

Вечер Пурима в Бейт Шеме. Позади пост, прочитано библейское предание, настало время представления. Как и в день недавнего протестного митинга, на площадке перед зданием ешивы возвели подмостки и расставили стулья. Публика расселась, и все ждут. Самодеятельные артисты – ешиботники и их друзья. Роль Мордехая досталась Йошуа. Царицу Эстер представляла Сара с молчаливого согласия Цви. Конечно, среди девиц поселения были собственные претендентки, не уступавшие Саре ни сценическим дарованием, ни красотой. Однако, велика и повсеместна сила протекции.

Как и каждый год, вышла заминка – кому играть Амана? Предложили Якову, дескать, акцент подчеркнет враждебность лжегероя, но Яков не пожелал рядиться в образ злодея. И никто из своих не захотел сомнительной чести. Пришлось за плату привлечь некоего благонадежного аборигена.

Сюжет постановки связывал древность со злободневностью. Эйтану поручили изображать современного героя, бойца армии обороны Ханаана, прославившегося на весь мир солдата по имени Шем-Ор Ядидья. Как Эйтан и предсказывал, Эльдад не долго дулся на друзей и охотно взялся за сочинение сценария. Написанная под идеологическим попечением Цви, пьеса удалась на славу. Зрители благосклонно встретили хорошо знакомую им старинную часть сюжета, а сценическому воплощению подвига Ядидьи горячо аплодировали.

В одном из соседних с Бейт Шемом поселений произошло трагическое событие. Некий бесноватый абориген проник на территорию мирного поселка и нанес удар ножом невинному человеку только за то, что тот иудей. Проходивший мимо сосед пострадавшего выстрелил, и террорист упал на землю и лежал недвижим. Мигом примчались военные, полицейские и врачи. От группы прибывших на место происшествия солдат отделился Шем-Ор Ядидья. Он бесстрашно подошел к распростертому на земле аборигену и прицельной стрельбой из автоматической винтовки поставил точку в сомнениях о возможной потенциальной опасности террориста.

Эйтан замечательно представил этот фрагмент спектакля. Однако мечталось самодеятельному артисту совершить деяние Ядидьи не только на сцене, но и в реальной жизни. Того же хотели и зрители, ведь тогда еще один патриотический поступок был бы занесен в дебет активного счета борьбы Бейт Шема с аборигенами – дабы не отставать от соседей! Соревновательное чувство побуждает к подражанию. Впрочем, тамошняя публика независтлива и нетщеславна и рада успеху общего дела.

После представления артисты и зрители сменили маскарадные костюмы на цивильное платье. Йошуа отвез Сару в Авив к тетушке Лиат. Он вернулся к началу официальной части, завершающей праздник. Ожидалось выступление Цви и Аврама-Ицхака. Из четверых друзей один был неподобающе для атмосферы Пурима задумчив.

- О чем кручинишься, Яков? – спросил Йошуа.

- Я сомневаюсь... – неуверенно заговорил Яков.

- Прочь сомнения, друг мой! – весело перебил Эйтан.
- Обожди, Эйтан, - воспротивился Эльдад, - говори, Яков!
- Почему мы славим Ядидью? Ведь он стрелял в недвижимого, возможно, в мертвого! Тот не мог защищаться, а это не по-рыцарски. Разве мы язычники-амалекитяне, чтобы глумиться над трупами убитых врагов? Боюсь, у нас за океаном поглядели бы на дело иначе! – выпалил одним духом Яков.
- Боже мой, Яков, в тебя вселился диббук! – испугался Эйтан.
- Яков, но ведь ты здесь за океаном, а не там за океаном! – огорчился Йошуа.
- А как же новые твои убеждения, Яков? – осторожно спросил Эльдад.
- Убеждения – это тюрьма! – бросил Яков.
- Что ты мелешь? Ведь он убил бандита! – вскричал Эльдад.
- Он убил человека... – прошептал Яков.
- Диббук, диббук, - повторил в испуге Эйтан.
- Я должен обдумать все наедине, - сказал Яков и решительно удалился в свою комнату.
- Похоже, с Джекобом случился рецидив заокеанского лицемерия, - заметил Эльдад.
- Вот она, прочность веры прозелита! – бросил Эйтан.
- Мать – христианка, а отец – апикорус, - безжалостно добавил Эльдад.
- Я уверен, это недоразумение, и Яков очнется от кошмарного сна, - сказал Йошуа, - давайте послушаем Цви и Аврама-Ицхака.

Словесная эскапада будущего родственника весьма огорчила Йошуа. “Скоро Сара примет веру. Впереди наша свадьба. А если сегодняшний инцидент дойдет до отца и деда? И без того-то уверенность моя зыбка!” – с тревогой думал Йошуа.

4

На трибуну взошел глава ешивы Цви. Добрым взглядом он окинул благодарную публику, сделал вступительную паузу. В излучавших доброту глазах засветилась гордость.

“Дорогие земляки, - начал Цви, - каждый год в это время мы радуемся празднику Пурим, и ликуем, и гордимся прошлым, и мечтаем о будущем, или, как говорят нынче в высоконучных кругах, экстраполируем былую славу древнего иудейства на наше грядущее благоденствие. И Господь нам в помощь!”

“Вы спросите, почему я не упомянул о настоящем? О, милые мои соплеменники, спешу исправить упущение. Каждый Божий день родит новое обстоятельство, достойное геройства. Когда человек любит подвиг, он всегда сумеет совершить его и найдет, где это можно сделать. В жизни всегда есть место подвигам! Уверен, все догадались, о ком я говорю. Да, я имею в виду солдата армии обороны Ханаана, имя которому Шем-Ор Ядидья!”

“Окажись террорист живым, сколько невинных душ уничтожил бы злодей! Застрелив аборигена, Шем-Ор совершил достойный подражания поступок. Геройство одного зажигает сердца целого поколения. А где идут многие, там пройдут все. Как упоительно хорошо, что не кончается время героев, и мое сердце радостно бьется в груди!”

“И вот, против такого человека поднимают голос богохульные заправила страны! В кривой суд попало дело рыцаря. Слава Богу, что не только мы, поселенцы, идущие по пути Господа, но и люди неверующие, пусть незатейливые, но честные, восстали и вступились за Ядидью. Таких большинство в Ханаане, и не нужна нашему народу чужая лицемерная мораль!”

“Протесты не были напрасными. Ядидья получил минимальное наказание за мнимое свое преступление. Я стыжусь наших правителей и судей и горжусь своим народом. Настанет время, придет Спаситель, и мы, прокладывающие ему путь, расположимся у подножья трона, прочно встав на широкие спины честного простолюдья!”

Цви окончил речь и стал ждать отклика публики. Сокровенные слова, как правило произносимые вполголоса и в узком кругу, на сей раз прозвучали во всеуслышанье. Переважив факт лихой дерзости, молодые слушатели разразились аплодисментами. Цви сошел с трибуны, уступив место отцу.

Аврам-Ицхак был недоволен чрезмерной откровенностью сына. “У воздуха есть уши, - подумал осторожный старик, - зачем обнажать заповедное? Излишнее прямодушие ради популярности. Вино виновато!” Патриарх огладил седую бороду и заговорил.

“Иудеи, - начал Аврам-Ицхак, - я поздравляю всех вас с великим торжеством! Праздник Пурим – наше национальное достояние. Почти всё, что касается истории и актуальности уже сказано до меня, и хорошо, что так, ибо мне, старику, говорить нелегко. Я буду краток и упомяну лишь об одной вещи, абсолютно практической и одновременно крайне важной”.

“Юноши Бейт Шема! Я обращаюсь к вам и вместе с тем я взываю ко всем молодым парням страны, избравшим путь служения Господу! Вступайте в армию защиты Ханаана! И пусть лучшие солдаты учатся на офицеров, чтобы стать генералами. Ведь если к нашей вере не приложить военную силу, то не заслужить нам милости Всевышнего и не возродить родину от пустыни и Леванона до реки Перата.”

“Ученики нашей ешивы попеременно держат в руках то оружие, то Книгу. Недоброжелатели выдумали, мол, солдаты-ешиботники больше молятся, чем службу несут, и потому стране и армии от них толку чуть. Ерунда! Не только винтовкой, но знанием Торы и верой в Господа наши люди вооружены, а духовная амуниция поважнее патронов и ночных прицелов!”

“Я горжусь своим солдатом Йошуа, я рад за его боевого друга Эйтана, и рад вдвойне за Эльдада, который сумел подняться над предрассудками его ортодоксальной среды и теперь готовится надеть военную форму. Что-то я не вижу четвертого мушкетера. Куда Яков подевался? Он, кажется, тоже хотел ступить на бранное поприще?”

Аврам-Ицхак окончил речь словами мудреца Шломо: “Радуйся, юнец, молодости своей, и да веселит тебя сердце твое в дни юности твоей!”

Эльдад раскраснелся от похвалы. Он сделал непростой шаг. Да пребудет успех с ним!

И дал Я вам землю

1

“Ты состарился, вошел в лета преклонные, а земли осталось еще очень много для овладения...” – так Господь сказал Йошуа. Перечислив предстоящее к завоеванию, Бог заверил полководца-ветерана, что поможет ему и выдворит тамошних язычников: “Изгоню я их от лица сынов Израиля; ты только брось жребий для Израиля о наследии, как Я повелел тебе”.

Умудренный годами и опытом, Йошуа старался пунктуально следовать наказам Всевышнего. Правда, не всё ему удавалось, скажем, не сумел он довести до абсолютной стерильности очищение Ханаана от идолопоклонников. Но Господь, видя искреннее желание и добрую волю земного проводника своих замыслов, бывал к нему снисходителен.

Хоть и вошел Йошуа в лета преклонные, по выражению Господа, но дряхлым стариком он не был, и достало ему силы победить еще многие царства и завладеть новыми землями. Пришла пора разделения земли меж коленами израильскими. Йошуа и помощник его в этом предприятии первосвященник Элазар руководствовались жребием, но не только им, ибо власть случая не способна охватить всего многообразия жизненных положений.

Читатель знает уже, что иудеев, на завоевательном их пути, сопровождало множество чудес. К ним прибавилось еще одно диво, пособившее Йошуа и Элазару делить землю. Существует предание, хотя на сегодняшний день и не проверенное, но представляющееся нам достоверным, будто бы жребий, указав на то или иное колено или семейство, кричал в полный голос, мол, это я сам, по собственному хотению так решил, никто меня не неволил!

Трудно переоценить полезность сей инициативы инструмента удачи, ведь люди склонны к подозрительности и зависти. Когда же сам жребий, в беспристрастности которого только безумный станет сомневаться, заявляет о своем суверенном решении, то даже самые бдительные и недоверчивые старейшины родов не станут думать, дескать, Йошуа или Элазар благоволят к кому-то больше, чем к нам. Справедливость – не родня приязни.

Наши мудрецы отмечали одно весьма важное обстоятельство. Во времена Моше женщины, не в пример мужчинам, отличились твердой преданностью Богу. Слабые, они не боялись трудностей на пути к свободе, и не просились обратно в Египет, как это делали их сильные мужья. В отличие от обладателей бород и усов, они крайне неохотно отдавали свои украшения для изготовления золотого тельца. И, наконец, они не ведали никаких колебаний, подобно семейным владыкам, и всегда и решительно заявляли о своем желании получить надел. Хотелось бы думать, что при распределении земли Йошуа и Элазар принимали во внимание женские заслуги перед верой, разумеется, если это не прекословило голосу жребия.

Как известно, бездушная природа в проявлениях своих много надежнее переменчивой человеческой души. Поэтому, не слишком полагаясь на лояльность людей к границам, Йошуа и Элазар распорядились выращивать на межах морской лук. Растение это отличается прочно сидящими в земле глубинными корнями, и его не просто вырвать наружу. Добровольных границ не существует, и без понуки не обойтись. Служба зеленого пограничника, по мнению полководца и первосвященника, должна была убереечь от греха потенциальных преступателей рубежей.

Ни годы скитаний в пустыне, ни славные победы, ни поучительные поражения, ни проповеди Моше и Йошуа – ничто из сильнейших этих средств не истребило до конца в сердцах иудеев

дух рабства. Оставались еще колена Израиля, которые не торопились получить надел и стать владельцами земли, хозяевами, строителями.

И сказал Йошуа сынам Израиля: “Доколе будете вы лениться пойти взять в наследие землю, которую дал вам Господь, Бог отцов наших?.. Пойдите, обойдите землю, опишите ее и возвратитесь ко мне, и я брошу вам здесь жребий перед Господом...”

Когда же Йошуа и Элазар окончили хлопотный и чреватый раздорами труд дележа земли Ханаанской меж коленами израильскими, вмешался Господь, и по слову Его определили иудеи надел для Йошуа. Как и пожелал пророк и полководец, досталось ему место на горах Эфраимовых. За остаток жизни он успел возвести там город и поселиться в нем.

Пришла пора обустроиваться. Вот несколько иллюстраций этого рода. Как-то сказала Калеву дочь его Ахса, что сухая земля у нее. Это та самая Ахса, которая в детстве дружна была с Тирцей, старшей дочкой Йошуа. Теперь уж она молодая замужняя женщина. Калев немедленно откликнулся и соорудил колодцы и провел воду на поля дочери. А другой раз пришли к Йошуа жалобщики, мол, надел у них лесистый и весь на горе. Вождь посоветовал расчистить склоны от деревьев и кустов, а заодно изгнать местных язычников. Люди послушались его, и прибавилась в Ханаане еще одна плодородная нива. Разумеется, этими примерами далеко не ограничивалась созидательная деятельность Йошуа.

Деяния Йошуа всегда были и по сей день остаются непреходящим предметом раздумий мудрецов, ибо углубление в суть того героического времени позволяет современнику лучше понять универсальный, общечеловеческий смысл овладения Израилем землей Ханаана. Сформировалось мнение, что, воюя за возвращение родины и заселяя ее, иудеи утверждают веру в Господа среди прочих народов и тем самым исправляют мир. Скелет умозрительной идеи обрастает мясом и кожей очевидности.

Вот какие слова начертал Йошуа в Книге: “Так отдал Господь Израилю всю землю, которую клялся Он дать отцам их, и они завладели ею и поселились в ней... Не упущено было ничего из всех добрых слов, которые говорил Господь дому Израиля; всё сбылось”.

Нельзя обойти стороной то важное обстоятельство, что Йошуа, как отмечалось выше, не выскоблил землю дочиста, и остались местные язычники в среде сынов Израиля. Скажем, гивонцы, а, позднее, и жители Гезера. Правда, чужаки не получили равного с иудеями статуса, ибо Йошуа определил этих людей на выполнение повинных работ, надеясь таким решением нейтрализовать порочное влияние идолопоклонников. К несчастью, история пошла не тем путем, который завещал Господь, и о котором мечтал Йошуа.

Есть у беды начало, нет у беды конца. Взять, скажем, Йерихо: единожды поспособствовав израильтянам, впоследствии чудеса лишились силы, и крепость вновь оказалась в чужих руках. Глубокой печали достойны факты потери города и утраты действенности чудес.

Ободряет то обстоятельство, что несовершенная история хоть и уклонилась в прошлом от путей Господних, зато преподнесла бесценные дары лучшим из лучших современного поколения – чувство одержимости, видение перспективы и, наконец, счастье воплощать волю Всевышнего.

2

Дочери Йошуа и Рахав – старшая Тирца, средняя Ноа и младшая Милка – выросли, благодарение Богу, на радость отцу с матерью, и превратились из неприметных девчонок, в куклы игравших, в завидных девиц на выданье. Все трое здоровые, не сглазить бы, кровь с молоком, умные и собой недурны.

Тирца – предмет особого беспокойства матери и гнетущей тревоги отца. О чем беспокоилась Рахав? Ну, во-первых, Ахса, дочка Калева, подружка и одноклассница Тирцы, уже замужем, а Тирца все еще в родительском доме обретается. Отставание дитяти не помогает престижу отца с матерью. А во-вторых, шестнадцать лет – возраст переломный, с него начиная, годы убавляют от прелести девичества.

О чем тревожился отец? О, были у Йошуа основания наисерьезнейшие, и смута поселилась в душе его. С детства дружила Тирца с Адамом, сыном того гивонца, что прислуживал высокому семейству. Не нравилось Йошуа яхшание дочери с мальчишкой-язычником. Не раз пенял он жене на нетерпимость сего, но нелегко переубедить Рахав – и доводы ее умны, и у самого дел по горло, и не до воспитания ему, да и дочка, как повелось, под крылом у матери.

И вот, выросли нежные пташки, но не разлетелись в разные стороны, а по-прежнему дружат, и водой их не разольешь. Бывало, сидят вместе, шепчутся о чем-то. Йошуа пройдет мимо, скосит глаз, наострит ухо – оба присмирят, замолчат. “Жизнь катится под гору, - панически думал Йошуа, - того и гляди беда случится: не дети, однако! Пора вызвать жену на разговор. Настало время решительных слов и решающих дел!”

- Рахав, нам есть о чем поговорить! – строго вымолвил Йошуа.

- Нам всегда есть о чем говорить, милый, ибо брак наш удался на славу! – ответила Рахав беспечным тоном, но заподозрила неладное.

- Тирца до сих пор в девицах и дружит с язычником – что скажешь на это, жена?

- Думаю, ей пора замуж.

- За идолопоклонника?

- Угомонись, милый, ведь ничего худого не случилось!

- Что ж, сидеть сложа руки и худого ждать? Сердце девичье мягко и податливо, а мужское – хищно и плотоядно. Сраму не оберемся. Я полководец и пророк, и незапятнанной должна быть честь моя в глазах иудеев, а народу Израиля дорого доброе имя вождя его!

- Ты сказал, мол, мужское сердце хищно и плотоядно... А я-то думала...

- Я не себя имел в виду. Ты знаешь, я любил и люблю тебя. Не уводи в сторону, Рахав!

- Хорошо, что ты заговорил о любви. Тирца и Адам любят друг друга, хотят соединиться браком, да тебя боятся!

- В своем ли ты уме? Он идолопоклонник!

- Йошуа, коли верить твоим словам, ты любил и любишь бывшую идолопоклонницу...

- Жизнь изменилась, и время не то... Он не верит в нашего Бога!

- Признать существование богов, а не Бога – вот в чем божественность. Адам не безбожник!

- Он безбожник! Вера его ложна и пуста! Нет иных богов, кроме Бога! Ты, кажется, поняла это много раньше, не так ли, Рахав?

- Допустим. Однако есть добавка. Народ ваш, а точнее наш, единожды назвав чужую веру ложной, тем самым навсегда лишил себя терпимости к иным суждениям, и притом не только в части веры!

- Заумно, больно...

- Нет, просто! У язычников все по-своему правы, а у иудеев все не правы, кроме их самих.

- Всё так и есть, Рахав: все ошибаются, кроме нас!

- Прошу прощения за грубые слова, но кажется мне, что Господь столкнулся с израильтянами, мол, вы признаёте только Меня, а Я назначаю вас избранниками и даю землю.

- Что здесь худого?

- Хорошего уж точно нет! Принять сие условие – навлечь на себя пагубу нетерпимости.

- Нетерпимости к чему?

- Уж говорила я: к суждениям других! Раз отринув чужих богов, как ложных, иудеи влили в кровь свою отраву вечной правоты, поделили мир на единомышленников и врагов.

- Вечная правота – отравка? Нетерпимость – пагуба?

- Да! Становится привычной непримиримость к иным воззрениям. А свыше данная привычка – знак бесконечного несчастья.

- Какая удача, Рахав, что не ты ведешь за собою народ мой!

- Довольно об этом. Обещай, Йошуа, не разрушать юную любовь!

- Обещаю, Рахав, что не позволю пасть дочери нашей. Сие и от матери зависит – на твоём попечении девица!

Всерьез опасаясь за судьбу Тирцы, тяжело вздохнула Рахав: “Как убережешь бедняжку от несправедливости?”

Окутанный туманом слов супруги, Йошуа глубоко задумался: “А вдруг есть зернышко истины в словах женщины?” Может быть, именно эта мысль побудила его так сказать народу: “Если же зло в глазах ваших служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить вам... а я и дом мой служить будем Господу”.

Глава 22

Слова, слова, слова

1

Миновало сколько-то времени, как окончился светлый праздник Пурим, но по-прежнему темен был лик Якова. Станный спор вышел у него с друзьями. Он огорчил их. Йошуа, Эйтан и Эльдад чистосердечно полагали и полагают Шем-Ора Ядидью подлинным героем, а Яков

восстал. Он все думал, основательны ли доводы его, или они есть всего лишь рецидив заокеанской ереси?

Яков стал замечать появление неких пертурбаций в душе. Мысль спорила с очевидностью, сердце будто бы слепо – глядело в упор на обретенные ценности, да едва различало их. “А вдруг прав Эйтан, - пугал себя Яков, - а что, если и впрямь вселился в меня диббук? Или пока только его предвестники туманят мозг? Нет, не должно быть такого, Боже сохрани. Инакомыслящих всегда мало, страшно оказаться в меньшинстве!”

Яков очень любил сестрицу свою. Узнав, что Йошуа сделал предложение Саре, заранее радовался ее счастью. Да и будущий зять весьма приятствовал ему. Вот только не нравились Якову оговорки да проволочки – сестренка-то тревожится. Не в этом ли подспудная причина томления сердца его? А, может, добрая память об иной жизни за океаном смущала юношу? Не знаем мы этого. Но известно доподлинно, что не унимался в нем дух противления, и расшатывал обретенные душевные устои и посягал.

Заокеанские доходы профессора Идо позволяли ему недурно обеспечивать сына-ешиботника. Поэтому комната Якова была самой просторной, и естественным образом стала местом постоянных духовных посиделок друзей.

К Якову пришли Эйтан и Эльдад, за ними появился Йошуа. Однокашники собрались поговорить с хозяином хором по душам. Что тревожит сердце его? Помощь нужна, поддержка? Какие странные речи произносил Яков в праздник Пурим! Молодые, но уже натерелые умы хотели понять не только результат, но и ход его мысли. Иной раз удастся обнаружить самое начало кривизны и распрямить оную у исходной точки. С другой стороны, даже в еретических и подвергаемых остракизму суждениях дозволено искать пользу для себя!

Добавим, что вот уж порядочно времени Эйтан и Эльдад с тревогой глядели на свое положение среди соучеников – что-то неладное происходило. Оба надеялись в откровенном разговоре с Яковом прийти к пониманию, кто и в чем заблуждается. Не только наставить друга, но и в собственных замашках отыскать возможный изъян. Подающий помощь сам на нее надеется.

2

- Привет тебе, высокого полета птица, - весело начал Йошуа, - что происходит в тридевятом царстве, тридесятом государстве, как поживает славный царь Идо?

- На заокеанском бездуховном фронте без перемен, - в тон ответил Яков, - а отец в полном порядке, спасибо.

- Мы видим, ты печален, Яков. Мысли? – спросил Эйтан.

- По какой такой тропе они увели тебя столь далеко от нас? – осторожно поинтересовался Эльдад.

- Я рад приходу аналитиков-лекарей, - ответил Яков, - хотел бы выложить всё без утайки желающим спасти меня друзьям, но, чую, не созрел я. Увы, мыслей моих пути пока неисповедимы для меня. Я должен разобраться сам. Не будем возобновлять разговор, к которому я не готов.

- Что ж, ты прав, пожалуй, - заметил Йошуа.

- Кажется, не я один грущу. О чем вы тужите, Эйтан и Эльдад? – перевел на другое Яков.

- Нас обоих не любят товарищи в ешиве! – с горечью произнес Эйтан.
- За нашими спинами говорят недоброе, боюсь, желают зла, - добавил Эльдад.
- О, поверь, Яков, это не групповая паранойя, они оба правы! – воскликнул Йошуа.
- Я знаю. Кабы не узы дружбы, и я бы не любил их! – признался Яков.
- Ты, кажется, снова оригинальничаешь, Яков, - сердито заметил Йошуа, - будь добр, объяснись. Эйтан и Эльдад в учебе преуспели лучше всех, отец ставит их в пример. Они члены общества “Движение за чистоту”. Они спасли иудейку из лап аборигена. Им есть чем гордиться перед всеми нами. И таких людей не любить?
- Не горячись, Йошуа, - и вы, друзья, не гневаясь, спокойно выслушайте меня, - обратился Яков к Эйтану и Эльдаду, - боюсь, в достижениях ваших кроется тайна нелюбви к вам.
- Как так? – разом изумились Эйтан и Эльдад.
- Я расскажу одну правдивую историю, - сказал Яков, - вот она. За океаном, в школе, которую я посещал, красовались два отличника. Прочие ученики на них косились, избегали. Те же, видя стойкое недружелюбие, перестали заискивать и искать благосклонности товарищей, обособились, возгордились и в отместку стали открыто восхвалять себя при всяком случае. Их возненавидели. Однокашники начали поколачивать усердных школяров и обвинять в мнимых грехах.
- А что же родители двух бедолаг? – спросил Йошуа.
- Родители перевели отроков в другую школу, - сказал Яков, - но на беду свою эти двое, в науках хоть и были хватки, а житейский урок не усвоили. Вернулись колотушки, но они не исцелили гордецов. В кровь проникла отрава превосходства, которым они по-прежнему кичились. Мысль о первенстве искупала вражду и синяки.
- Это притча? – подал голос Эйтан.
- Это намек на нас с Эйтаном? – догадался Эльдад.
- Не только на вас, - заметил Йошуа, - полагаю, Яков намекал на народ иудейский.
- Что делать, приходится платить за сладость избранности! – сказал Яков.
- Как же не гордиться избранничеством? – вскричал Йошуа, - ведь нас избрал Господь!
- Человек выше всего ценит в себе то достоинство, которое дано ему по праву рождения и потому неотъемлемо, - изрек Яков.
- За избранность иудеи дорого платят, - сказал Эйтан.
- Важно, чтоб было чем платить. Золото – вечная защита иудея! – добавил Эльдад.
- В сегодняшнем Ханаане иудеи, то бишь славные ортодоксы, не надрываются в добывании вечной защиты, ибо вдоволь получают ее от государства апикорусов, - невинно бросил Яков.

- Опять камень в мой огород! – с досадой проговорил Эльдад.

- Тугошние иудеи живут среди своих, и посему загадочно их вождение к добровольным гетто, и зачем им выделяться средневековой одеждой и многим прочим? Межи да грани – ссоры да брани! – полушутя заметил Яков.

- Отличие избранников от прочих должно быть во всем – и в духе и в материи, - твердо заявил Эльдад, - ты ошибаешься, заокеанец: не свои вокруг нас! Кишмя кишат греховные соблазны снаружи плотной огады, оберегающей слабых волей от падения. Запомни, Яков, иудеи-безбожники – неиудеи, и отношение к ним – своеобразное, - разразился Эльдад речью, - а миролюбие заокеанских сынов Израиля – глупость, ибо наша нескончаемая война с аборигенами уж тем полезна, что отвлекает ханаанских безбожников от сведения счетов с нами, подлинными иудеями. Нечестивцы с винтовками – это чернь, ослиными челюстями кусающая знатоков Писания. Враждебность же народов есть благо, спасающее иудейское племя от смешения и растворения!

- Яков, не обижай Эльдада, - попросил Эйтан, - ведь он совершенно примкнул к нам, он записался в армию обороны Ханаана!

- Я не хотел тебя обидеть, дружище, - проговорил Яков, обняв Эльдада за плечи, - я знаю, много недружелюбия приходится терпеть ортодоксам, но они за словом в карман не лезут – придумали бойкие ответы и не тужат. В твоей тираде ничто для меня не ново. Боюсь, я не созрел пока до понимания всех ее высот.

- Я рад, Яков, что Эльдад не сердится, - сказал Йошуа, - и оставайся, пожалуйста, душою с нами, вместе станем дожидаться Мессию.

- Я вижу дело таким образом, что ожидание спасения вовсе не означает безмятежного отсиживания со сложенными руками. Мы не имеем права ограничиваться соблюдением собственной праведности! – воскликнул Яков.

- Разумеется! – вскричал Йошуа, - у иудеев не существует личного спасения, и лишь тогда придет Спаситель, когда все поколение достойно будет!

- Яков, вспомни преступление Ахана! – добавил Эльдад, - согрешил один, а наказан был весь народ! Коли беда одного – всех беда, то и радость одна на всех, или нет ее вовсе!

- Выходит, не дожидаться нам Спасителя, - грустно проговорил Яков, - никогда не сгинут нечестивцы – ведь неизбывны искушения зла.

- Ты верно ценишь людей, но вывод твой ошибочен, - сказал Эйтан, - к нам непременно придет Мессия! Сейчас главная преграда на его пути – присутствие неиудеев в Святой Земле. Но в наших силах убрать с его дороги сей камень преткновения, и не споткнется Спаситель, и не упадет, не разобьется. А для нечестивцев существует ад, не так ли?

- Мы, поселенцы, – маяк Спасителю, ибо мы освобождаем землю Ханаана и обустроиваем ее, как завещали нам великие Моше и Йошуа! – воскликнул Йошуа.

- Мы исполняем важнейший наказ Господа – мы заселяем Святую Землю! – торжественно добавил Эйтан.

- Друзья! – обратился к гостям Яков, - обеспокоенные моим инакомыслием, вы пришли ко мне, дабы разобраться, что творится в душе моей. Да и ваши собственные затруднения хотелось вам разрешить. Помогла нам взаимопомощь? Достигнуто желаемое?

- Ах, Яков, боюсь, нам это не удалось! – с улыбкой заметил Эльдад, - да и много ли проку в помощи? На какие ходули ни встань, а без своих ног не обойтись!

- А говорили-то о многом! – усмехнулся Эйтан.

- Надеюсь, не хмель недавнего Пурима помешал нам, - заметил Яков.

- Предлагаю впредь не судить, что лучше или хуже – одномыслие или терпимость к мысли одного. Дадим друг другу пять! – воскликнул Йошуа.

Три руки легли на протянутую ладонь Йошуа. Первыми ушли Эйтан и Эльдад.

- Когда свадьба? Не пора приглашения рассылать? – спросил Яков.

- Скоро Сара пройдет через судилище принятия веры. Сей синедрион тебе знаком. Затем я должен получить благословение деда. Срок не называю – сглазу боюсь, - сказал Йошуа.

- Не сглазу, а Аврама-Ицхака ты боишься!

- Может, ты и прав!

Глава 23

И дочкой поганой...

1

Йошуа хоть и не дряхл, но весьма стар, и смерть его близка, и повесть о нем приближается к концу. Размышляя о древней героической эпохе, невольно возвращаешься к привычной мысли – как много славных дел было свершено сынами Израиля во дни седой старины.

На склоне лет своих, обращаясь к народу, Йошуа в точности повторил сказанные ему Богом слова: “И дал я вам землю, над которой ты не трудился, и города, которых вы не строили, и вы поселились в них; плоды виноградников и маслин, которых вы не сажали, едите вы”. Это не попрек Всевышнего, а напоминание иудеям не сворачивать с пути праведности, иными словами, платить добром за добро. В сущности, все подвиги славного Йошуа есть звенья цепи благодеяний и творения добра. И это не удивительно, ибо он действовал по воле Господа.

Немало завоеваний свершили доблестные воители Барак и Барух. Чем старше становился Йошуа, тем больше воинских полномочий передавал он своим молодым полководцам. Йошуа оставался стратегом, но тактику войн блестяще воплощали в жизнь Барак и Барух, великолепно постигшие грамматику боя, грозных копий язык.

Передавая ратное поле в руки молодых, Йошуа все больше отдавался осмыслению заветов Господа. Как нам известно, он поселился с семейством в выстроенном им городе на горах Эфраимовых. Неподалеку от дома его располагался шатер учения. Йошуа с головой погружался в Писание, и верные его ученики Гидон и Гилад сидели у ног наставника, внимали речам его и

сами изрекали слова глубины и мудрости. У воспитанников пророка появились свои воспитанники, и днем и ночью в шатре учения звучали молитвы и Слово Божье.

Итак, переведя сынов Израиля через Иордан и приведя их в землю Ханаанскую, бесконечно много добра принес Йошуа в Божественный тот край. Но, как говорится, доброе слово не отменит злого. Не дадим повода упрекнуть сию повесть в лицепрятности и приукрасах и посему вытащим за ушко да на солнышко весьма недобрую историю. Чем знать наполовину – уж лучше ничего не знать, ибо всё половинчатое портит целое.

2

Сыны Израиля завладели землею и поселились в ней, и записал Йошуа в пророчестве своем: “И дал им Господь покой со всех сторон совершенно...” Означало это, что мир снизошел на тот край.

Издревле ведется: стоит только покою и миру потеснить войну, как немедленно всходят семена коммерции. Поэтому потянулись в Ханаан караваны купцов из Египта, и появился спрос на товары, и торговля пошла недурно.

Рахав покинула дом на день-два, пришла в стан негоциантов, разбивших лагерь у подножья гор Эфраимовых. Она не стала дожидаться, пока откроется рынок в городе – лучшие товары могут успеть разобрать до нее. Рахав задумала купить ткани на новые одежды для всей семьи – дочек побаловать, себя порадовать, да и Йошуа поизносил.

В древности, как и ныне, краткая свобода от материнского ока раскрепощала дочерей, и мятежные мысли в молодых головах подталкивали к опрометчивости – только бы успеть съесть плод недолгой воли.

Хагит, жена Калева, возвращалась с полевых работ и заметила, как появились на опушке леса две фигуры – мужская и женская. Они двигались по направлению к ней. Хагит притаилась за высоким кустом, и когда двое поровнялись с нею и прошли мимо, она с очевидностью узнала Тирцу и дружка ее Адама. Ни на мгновение не усомнилась благородная матрона в характере занятий, которым предавались в лесу безбрачные юнец и юница. О наблюдениях и догадках своих она поторопилась уведомить супруга.

Калев выслушал сообщение Хагит со вниманием в лице и с волнением в сердце. “О, как огромны беда и опасность! – подумал Калев, - ведь Йошуа – вождь, и не гоже ему быть запятанным пред сынами Израиля, ибо в глазах народа престиж пророка и правителя зиждется на чистоте рук и помыслов его самого, а равно и на безупречности его семьи. Смута в доме владыки – в стране смута!”

“Видать, гнезвился порок в душе Тирцы, и вырвался наружу, как лиса из капкана, и отомстил, и вот, дочка поганая порочит отца. Да-да, именно поганая, ибо к язычеству тяга ее. Необходимо остановить первый же покотившийся с горы камень, пока лавина камнепада не смела столь трудных и непрочных завоеваний Бога и народа Его!”

Он и Йошуа не просто старые друзья, они соратники в священной борьбе. В мозгу Калева пронеслось воспоминание о разведке земли Ханаанской. Как твердо оба они стояли на своем, как смело глядели в глаза маловерной черни, как стойко снесли сорокалетнюю кару Божью, как вместе завоевывали и строили страну эту – и вдруг на одного из них свалилось несчастье. Горе Йошуа есть горе Калева. Но судьба всегда предпочитала первого и оставляла в тени второго. Зависть? Злорадство? Возможно, ведь Калев не ангел небесный, и ничто, даже слишком человеческое, не чуждо ему.

Множимое языками бывает причиной бед. Поэтому Калев запер Хагит дома, дабы праздные женские уста не праздновали раньше времени среди народа, а сам отправился к Йошуа. Он вызвал пророка из шатра учения, знаком указал на уединенное место и по-мужски беспощадно и кратко сообщил тяжкую весть. Йошуа побледнел. Ужас последствий мгновенно ослепил его старый, но деятельный мозг. Он сел на камень, задумался. Потом встал, пожал дружескую руку Калева, отвернулся, опустил глаза долу. Злой вестник, но верный товарищ, обнял его за плечи, промолвил: “Держитесь, ты и Рахав!” Как всегда немногословный, Калев повернулся и молча ушел.

3

Твердым шагом Йошуа направился к себе в дом, там копошился на кухне отец Адама. “Немедленно вызови сына, вы нужны мне оба!” – приказал Йошуа. Пока Адам шел на зов отца, Йошуа, взмахнув топором, убил старика, а сам встал за дверь. Только юноша пересек порог, смертельный удар того же орудия свалил его наземь.

Йошуа убрал следы крови и плотно завернул два мертвых тела в старые плащи, что бы нельзя было узнать убитых. Затем он привел человек пять слуг, бывших гивонцев, велел возложить творения рук своих на возы, страшный груз которых следовало немедленно предать земле. Он решил про себя, что деяния сегодняшнего дня не станет описывать в своем пророчестве.

Отец разыскал дочерей. Старшая что-то рассказывала младшим, а те, развесив уши, слушали. Йошуа позвал Тирцу и жестом остановил двух других. Он крепко взял дочь за руку и повел в дом. Три девицы разом поняли, что случилось нечто ужасное – никогда еще им не приходилось видеть отца в таком волнении. Тирца покорно следовала за родителем, Ноа и Милка со страхом глядели им вслед.

Ни слова не говоря, отец усадил дочку на лавку. В руке он крепко сжимал большой нож. Сердце девушки бешено колотилось. Она все поняла.

- Где мой Адам? – возопила несчастная.

- Ночью в лесу ты виделась с ним в последний раз. Теперь он мертв! – прозвучал жестокий ответ.

- Бог дал мне любви изведать силу...

- Любви к язычнику!

- Со мной был милый, ныне нет...

- Поплатишься, чертовка!

- Уж лучше ты, отец, возьми жизнь мою, не то убьет меня утрата милого!

Йошуа схватил Тирцу за роскошную ее косу, прижал голову дочери к лавке и мгновенным ударом ножа отрезал волосы под корень.

- Повяжи платок, скрой срам. Сиди взаперти, покуда новая коса не отрастет!

- Зачем ты не убил меня, отец?

- Затем, что я отец...

- О, горе мне!

- Тебе и матери твоей, что за тобой не доглядела!

С этими словами Йошуа вышел и направился в шатер учения. Только он скрылся, как Ноа и Милка, прятаясь за углом, вбежали в дом. Они увидели бледную, ни кровинки в лице, Тирцу. На столе лежала отрезанная коса. Младшие сестры зарыдали, бросились обнимать старшую. Несчастная вырвалась из объятий, выскочила за дверь и кинулась прочь. Она карабкалась в гору, выше и выше – откуда только силы взялись! Ноа и Милка не поспевали за ней, отставали все больше.

“Господи наш в вышине, спаси ее!” – кричали младшие вслед старшей, но ни она и ни Он не слышали зова отчаяния. Вот Тирца на вершине, пропасть у ног ее. “Я молода, я умираю так неожиданно!” – пролетели над бездной последние ее слова. Глядя сверху вниз, Ноа и Милка увидели распростертое на камнях окровавленное тело.

4

Довольная приобретенным у купцов добрым товаром, Рахав въехала на ослике во двор дома. Дорогой она воображала себе, как обрадуются дочки новым тканям, как заспорят, кому какой цвет больше годится. И за отца с матерью порадуются, с обновками поздравят.

Во дворе ни души. Йошуа, как всегда, в шатре учения. “Дочки где-то резвятся” – подумала Рахав и присела отдохнуть. Потом развернула покупки, разложила на столе. “А что это тут?” – Рахав увидела отрезанную косу. “Тирца! Где ты, Тирца!” – в ужасе завопила мать.

На крик вбежали Ноа и Милка. Они не могли говорить, только рыдали. Взвыла и Рахав, пока не знавшая всей правды. Наконец, к дочерям вернулся дар речи, рассказали всё, что видели.

Сильная духом Рахав овладела собой. Запрягла осла в повозку и вместе с дочерьми отправилась туда, где на острых окровавленных камнях лежала бездыханная Тирца. Втроем доставили тело домой. Йошуа еще не вернулся из шатра учения, ибо молитвы продолжались.

К скорби добавилось смутное подозрение. Рахав послала за старой повитухой, той самой, из Гивона. Давным-давно та принимала у Рахав новорожденную Тирцу. Теперь на долю ее выпала страшная, горькая миссия. Удалив всех и оставшись наедине с убиенной, она осмотрела тело. Вышла к матери и сестрам, глаза ее слезились то ли от старости, то ли от жалости. “Дочь твоя унесла с собою и внука твоего...” – дрожащим голосом вымолвила повитуха, не глядя в лицо Рахав. И, сострадав, ушла, не приняв плату.

Всю ночь напролет Ноа и Милка горько плакали. Глаза Рахав оставались сухими. Она сама омыла тело. Села рядом с погибшей первожденной, тяжело думала, ждала мужа.

Под утро праведники в шатре учения утомились от ночных молитв, угодных Богу речей, добрых мыслей. С рассветом вернулся домой Йошуа, в неведении пока. Не мог предугадать, как сотворенное им дело отзовется. Ноа и Милка при виде отца испуганно забились в угол. Рахав молча указала вошедшему на тело Тирцы. В первых утренних лучах солнца Йошуа разглядел безмятежное мертвое лицо.

- Вон! Не входить в дом без моего позволения! – зарычал Йошуа на младших дочерей, и те безропотно выскользнули во двор.

- Она убила себя и убила нашего внука, - прохрипела Рахав.
- Значит, так было Господу угодно, а воля Его неоспорима!
- Твоих рук дело! Тирану предлог не нужен.
- Я стар, я чист пред Богом. Грехи и заблуждения мои остались в прошлом, я нынче безупречен!
- Не знаю, кто ты – лжец или слепец?
- Зато я знаю, кто ты! Ты – изменница!
- Неправда! Я женщина, я мать, я верною женой тебе была, я веру приняла твою. Подозревать своих – преступный деспота недуг!
- Не зря меня Калев остерегал: предавший раз – предаст и два!
- Дружок твой – завистник злорадный. И не смей называть уразумение предательством!
- Ты не была верна своему народу, теперь – моему! Уразумение? Пустейшее слово! Измена смердит изменой, хоть изменой назови ее, хоть нет!
- Ты снова лжешь! Народ твой сам себя обрек на муку вечную, избранничества выпив яд!
- Негодная! Проклятия на голову твою!
- Стыдись! Над телом мертвой дочери ты мать ее клянешь! Сегодня же схороним Тирцу, а я уйду и заберу с собою дочерей!
- Скатертью дорога! Возьмешь волосы?
- Тирца в памяти моей живет. Коса мне не нужна, оставь себе – пусть сердце жжет твое!

5

Тело Тирцы предали земле. Тотчас после похорон Рахав покинула мужа, забрав с собою дочерей. Она отказалась от предложенного Йошуа надела земли. Взяла в дорогу сбережения – доходы от харчевни в Йерихо. Удалившись на порядочное расстояние, три женщины соорудили шалаш и отсидели в нем положенные дни траура.

Как известно мудрецам, одним из потомков брака Йошуа и Рахав был великий пророк Ирмияу. Сейчас мы знаем, что Тирца не причастна, а только Ноа или Милка могли продолжить род.

Калев и Хагит сидели за столом, ужинали, тянули вино из кружек, молча перебирали в головах каждый свое. Ахса, слава Богу, замужем. Быть внукам у деда с бабкой! Калев размышлял о перипетиях своей и Йошуа жизни: “Неужели судьба впервые отвернулась от друга? Дочь спуталась с язычником, наложила на себя руки. Жена бросила его, увела дочерей... Много, много худого случилось... Что теперь будет с Йошуа, со мною?” Хагит глядела на мужа, и, словно догадавшись о мыслях его, подумала: “Йошуа навсегда останется героем народным, пророком и вождем. А тебя забудут. Почти”.

Глава 24

В лоно семьи

1

Сколько потребно времени жениху и невесте, чтобы решимость вступить в брак каменно окрепла и обратилась бы в вожденную цель? Кому как – возможный ответ. Скажем, любившие друг друга Йошуа и Сара вовсе не нуждались в испытательном сроке, но обстоятельства диктовали свое. Другим же соискателям супружества весьма полезен длительный период “воспитания чувств”, как выразился литературный классик. Однако опасно долго играть с судьбой, ибо не зря говорят, мол, покуда солнышко взойдет, роса очи выест.

Возвращаясь к Йошуа и Саре, следует заметить, что на пути соединения двух юных сердец встала вера. Не исключено, однако, что такое определение проблемы ошибочно. Возможно, дело выглядит иначе – не вера препятствовала молодым, а отсутствие одной. Вступление в иудейство стало сверхзадачей для Сары, отчасти язычницы, ибо, только очутившись по другую сторону пропасти, могла она шагнуть на тропу, ведущую к счастью с возлюбленным.

Ульпана в Авиве дала Саре чрезвычайно много релевантных знаний, и девушка усвоила важные сведения из истории иудейства, узнала молитвы, традиции, вековые чаяния народа и еще много необходимых вещей. Прониклась ли она верой в Господа? Не будучи уверенными в правомерности сего вопроса, оставим его в стороне. Всякий вопрос есть вторжение. Примем во внимание, что для Сары, как воспитаннице заокеанской страны, идея свободной совести не была чужой.

Приютившая Сару добрейшая тетушка Лиат тоже не задавала ей сей рискованный вопрос. Зато она совершенно терпимо приняла необходимые перемены в своем домашнем укладе. Сама-то она, как и брат её Идо, была убежденной безбожницей, однако Саре не препятствовала и даже помогала в следовании алахическим постулатам. В некоторых из них Лиат усмотрела определенную утилитарность. Более того, всей душой боля за юную племянницу, она, в случае успеха её романтического предприятия, допускала собственное сближение с прихотливой традицией.

Месяцы плавно текли, срок испытания приближался, и Сара чувствовала себе уверенней день ото дня. Она уже очень многое познала и, разумеется, педантично следовала законам и обрядам. Перемены казались ей легки, ведь руководил ею благородный стимул любви. Да разве ключ к воротам веры спрятан в сундуках знания или педантизма? Главное для испытуемого – выказать на экзамене истинное стремление к Богу. И Сара не сомневалась в успехе, ибо, когда уста ее говорили о любви к Господу, сердце разумело единение с возлюбленным. Внимая речам неподдельной искренности, высокие судьи непременно умилились бы словам, не ведая чаяний сердца.

Йошуа, как солдат армии обороны Ханаана, обязан был следовать бескомпромиссным требованиям жесткого воинского устава. Когда пришло время прервать учебу и отправиться в полк, солдат-ешиботник с воодушевлением достал с чердака мундир и тяжелые ботинки, облачился в простую и практичную военную форму и приготовился к убытию в свое подразделение.

Мать и бабушка с гордостью глядели на своего бравого солдата, расправляли складки на куртке, поправляли сложенный под погоном берет, испытывали надежность пуговиц, проверяли герметичность застежки-молнии на вещевой сумке и проделывали другие важные операции.

“Не надо беспокоиться, ведь я всего на шесть месяцев уйду, буду приезжать домой каждую пятницу, а субботы проводить дома. Быстро пролетят полгода, и я снова вернусь в ешиву!” – успокаивал женщин Йошуа. “Нет, сынок, так не годится, – возразила Хава, – у Сары скоро испытание, тебе нужно быть дома хотя бы неделю до и неделю после экзамена. А потом, мы ведь должны испросить благословения бабушки на вашу женитьбу! Во что бы то ни стало добейся отпуска у командира”.

Йошуа не мог не согласиться с матерью – конечно, отпуск необходим. Во время этого диалога Рейза-Ривка не проронила ни слова. Бабушка молча готовила внуку снедь в дорогу – щедро сдобрила питу творогом и маслинами, завернула в пластиковый мешочек испеченные ею накануне пряники с изюмом и орехами, наполнила водой солдатскую фляжку.

Яков волновался за Сару, ибо сам прошел через горнило сурового испытания и знал, почем фунт лиха. Желая облегчить сестренке путь на вершину, он робко обратился за помощью к Эльдаду, как пришельцу из ортодоксальной среды, поставляющей судей для рассмотрения дел, подобных делу Сары. А вдруг у того найдутся некие добрые узы, полезные скрепы? Нет, вовсе не подкуп судей, Боже сохрани, имел в виду Яков! Не привилегий желал он, а лишь добавить равенства хотел.

Эльдад рассердился на просьбу и гордо заявил, что вершащие суд люди руководствуются исключительно законом, а не протекцией, и вообще, ему обидно слышать из уст Якова намек на ложное обывательское мнение о коррумпированности ортодоксального сообщества.

2

И вот, наступил судный час, суд небесный, что происходил в центре Авива. Сара не одна, с ней Йошуа, Яков, Хава и Цви. Больше всех трепетал Яков, меньше других волновалась Сара. Напряженное ожидание начала. Наконец, ее пригласили. Сопровождающие остались в коридоре. Через открытую дверь они могли наблюдать державшуюся молодцом Сару и трех в высшей степени серьезных мужчин в черном одеянии с ног до головы.

Сарины болельщики не могли расслышать вопросов и ответов, но они хорошо видели уверенное лицо испытуемой и благонамеренные лики испытателей. Второе было особенно важно. По приятным улыбкам и одобрительным жестам экспертов, да и по всем признакам красноречивого языка тел стало ясно, что дело идет на лад. Йошуа и Яков вскочили со своих мест и бросились к выходу. Через четверть часа они вернулись с огромными букетами цветов. А спустя несколько минут, вышла из зала суда сияющая Сара.

Вся счастливая команда вышла на улицу. Немедленно позвонили тетушке Лиат. Первым обнял виновницу торжества Йошуа. Ввиду незавершенности статуса, присутствие родителей удержало жениха от поцелуев. Зато Яков горячо облобызал сестрицу. Хава и Цви стояли тут же, улыбались. Вскоре они отправились в Бейт Шем, чтобы не мешать молодежи праздновать.

Сара, жених и брат втроем поехали к тетушке. Приготовления к торжественной трапезе были в разгаре. Лиат расцеловала Сару. И Якову с Йошуа перепало немного ласки, но при этом хозяйка не забыла упрекнуть племянника, мол, редко навещает старуху. “Садитесь, миленькие за стол, у меня все кошерно, вот Йошуа не даст соврать, – воскликнула Лиат, – да и новое положение Сарочки обязывает!” Потом она задорно взглянула на Йошуа, подмигнула ему и добавила: “Надеюсь, закоренелую безбожницу скоро освободят от непривычных хлопот?” Йошуа поднял бокал: “С Божьей помощью, Лиат, давайте все выпьем за это!”

Яков доверился кашруту тетушкиной стряпни и вознаградил себя плотным домашним обедом за дни и часы волнений. Затем откланялся и вернулся в Бейт Шем. Пока Лиат хлопотала на кухне, Йошуа и Сара успели несколько раз поцеловаться, наверстывая упущенное. После прогулки по вечернему городу, Йошуа бережно вернул Сару чудесной Лиат, а сам отправился домой.

3

Аврам-Ицхак и Рейза-Ривка приехали в Бейт Шем рано утром в пятницу – встретить вечером царицу субботу вместе с семьей сына и с воином-внуком в конце его двухнедельного отпуска из полка. Разумеется, за накрытым столом должны сидеть еще гости, желательно из обойденных судьбой – такова уж традиция племени. Йошуа привез Сару еще накануне. Бедняжка и не подозревала, какая ей уготована ипостась. Впрочем, Йошуа тоже не предполагал этого.

Настал решительный день в судьбе молодых – нужно, наконец, получить от семейного патриарха, мудрого Аврама-Ицхака, благословение на брак. Сара была спокойна на испытании, но вот ведь как странно: приобщенная к вере, она теперь трепетала всем нутром своим. Почему-то и сердце Йошуа стучало тревожно в рыцарской груди.

Лица Цви и Хавы выказывали уверенность, но тихие вздохи намекали на обратное. Мать хлопотала над приготовлением субботней трапезы. Отец усадил Йошуа и Сару за стол, принес легкий завтрак. Молодые согласились выпить по чашке кофе, кусок не лез в горло.

В это время Аврам-Ицхак с супругой пребывали в верхних комнатах. Рейза-Ривка спустилась вниз и попросила чего-нибудь перекусить для мужа и для себя. Она отнесет наверх. “Утренние часы самые продуктивные у Аврама-Ицхака, - сказала она, - он занят написанием новых комментариев к деяниям Йошуа. Он погружен в Святые Книги, и я оберегаю его покой”.

Хава поставила на поднос тарелки с нетронутым детьми завтраком. Цви почтительно обратился к матери, прося напомнить Авраму-Ицхаку, что внимания почтенного старца ожидают Йошуа и Сара, и, конечно, отцу известен предмет и его огромная важность. В ответ Рейза-Ривка заметила: “Канун субботы – прекрасное время для решения важных дел!”

Приближался полдень. Сара и Йошуа сидели напротив друг друга, скрывая волнение, перебрасывались малозначащими словами. Рейза-Ривка снова показалась из своего укрытия. Она потянула носом: “Ах, какой чудесный запах, - промолвила она, - ты молодец, Хава, уже все приготовлено, я чувствую, нас ждет нечто особенное на субботнюю трапезу! Голубушка, налей Авраму-Ицхаку чашечку кофе для подкрепления сил. На моего старца сегодня снизошло вдохновение, он самозабвенно трудится. Я бы тоже выпила. Пожалуйста, без сахара!”

“Дай Бог сил и здоровья папе! – воскликнул Цви, - он работает без усталости, не взирая на годы. Мама, я надеюсь, за занятиями отец не забыл, что известные ему юноша и девушка ждут аудиенции?” Поднимаясь по лестнице, Рейза-Ривка бросила: “У твоего отца, Цви, великолепная память. Он ничего не забывает, даже вещи, случившиеся много лет назад!” Хава задумалась: “Намеки злы, мстостью грозят будущему за прошлое”.

До наступления субботы оставалось не более часа-полтора. Йошуа забился в угол. Сара, бледная лицом, удалилась в свою комнату, кажется, из-за двери доносились всхлипывания. Цви и Хава, изнемогая от тоски, вели громкую праздную беседу. Показалась Рейза-Ривка. “Я прошу тишины, - сказала она, - Аврам-Ицхак утомился и прилег отдохнуть. Потом он намерен идти в синагогу и вернется к накрытому столу. Ах, да, Цви, отец просил тебя подняться, он приготовил для тебя пару слов”.

Цви стремглав бросился наверх. Йошуа встрепенулся, вскочил на ноги, весь напрягся.

Цви вернулся всего через несколько минут, лицо – мрачнее тучи. Плюхнулся на диван, поманил к себе сына. “

- Слушай меня, Йошуа, - произнес он глухим голосом, - дед сказал, что твой брак с Сарой абсолютно невозможен...

- Но ведь она приняла нашу веру! – в отчаянии перебил Йошуа.

- Она – дочь апикоруса! Дед не потерпит семя безбожника в семье! Боюсь, старик прав, - добавил Цви.

- У них любовь! – вмешалась Хава, слышавшая разговор.

- На всё воля Господа! Любовь преходяща, а Бог – один, и вера – одна, - отчеканил Цви.

- Нашему мальчику необходимо любящее сердце! – заплакала мать.

- Одно бывает необходимее другого! – сурово отрезал отец.

На шум примчалась Сара. Бросила взгляд на лица. Йошуа был бледен, растерян, прятал глаза. Цви иступленно смотрел в пространство. Хава плакала. Весь мучительный день, с утра и до сего часа, приготовил Сару к худшему. Она зарыдала. Йошуа закрыл лицо руками, упорно молчал, не подходил к Саре. Наконец, женский плач иссяк. Повисла тишина.

Немую сцену прервал вошедший Яков. Он знал о предстоящем в эту пятницу событии, явился поздравить молодых. Тотчас ему стало ясно, что произошло. Он бросил взгляд на Йошуа, потом крепко взял Сару за руку. “Пойдем со мной!” - твердо произнес Яков и увел за собой сестру. Никто не бросился за ними вслед.

4

- Мы едем в Авив, - сказал Яков, сел в автомобиль и усадил рядом Сару - успеем до наступления субботы.

- Я ждала нестерпимо долго... А все кончилось так быстро... - пролепетала Сара, - крушение... катастрофа...

- Черная пятница! – усмехнулся Яков, вспомнив что-то из заокеанской жизни, - переночуешь у Лиат.

- Останься с нами!

- Хорошо, останусь.

- Что мне делать? Я любила и люблю...

- Мы вместе вернемся домой. К отцу и к матери.

- А Йошуа?

- Если любит – догонит.

- Можно надеяться?

- Думаю, не стоит. Йошуа знает, что ему всего дороже.

Сара заплакала. Яков быстро вел машину. Успел до наступления субботы. Дверь открыла изумленная Лиат. С порога он всё выложил тетушке. Слезы полились в четыре ручья. “Мы оба улетаем за океан, возвращаемся в лоно семьи...” – напыщенно произнес Яков. “Я провожу вас на самолет, любимые племянники, милые мои неудачники...”

Глава 25

Приобщен к народу своему

Могила Йошуа находится в Ханаане, в некоей деревне, где ныне обитают аборигены. К святому сему месту стекаются тысячи иудеев: жители Бейт Шема и других поселений, ученики многочисленных ешив ханаанских и вообще все те, кто любит Бога и дарованную Им землю и желает исполнять заветы древнего героя.

Мужчины и юноши долго и самозабвенно молятся у могилы. Потом наступает время речей. Души полны чувством восхищения деяниями Йошуа. В сердце каждого горит огонь страсти к завоеванию Святой Земли “от пустыни и Леванона до реки Перата”. Наделенные даром красноречия восходят на возвышение и, отверзая уста, заявляют во весь голос о благородных помыслах своих.

Люди окружены плотным кольцом воинов – полки солдат армии обороны Ханаана охраняют адептов Йошуа, собравшихся во враждебной среде. Такова нынешняя явь. Но люди смотрят в завтра – еще немного, еще чуть-чуть. Только тогда явится Спаситель, когда отвоюют сыны Израиля всю Святую Землю без остатка. И как кремень тверда уверенность: чтобы пришло спасение, не годится мечтательно ждать – действовать и еще раз действовать!

Об обстоятельствах смерти Йошуа кое-что известно, но остались еще невыясненными до конца частности. Мы с точностью осведомлены о двух вещах: во-первых, в час, когда святая душа отлетела, случилось в Ханаане подземная буря, “и сотряслась, всколебалась земля”. Во-вторых, по утверждению мудрецов, народ не оплакал своего вождя, как полагается, ибо занят был будничным трудом – строил, пахал, сеял. В толковании этого пункта мнения экспертов расходятся. Мудрецы прежних поколений полагали, что Всевышний расценил невнимание сынов Израиля к уходу предводителя как недостаток духовности, и наказал народ сокращением лет жизни первосвященника Элазара. Ныне высказывается мнение, что если смерть Йошуа не была оплакана по причине занятости людей благородным трудом строительства страны – то это нельзя поставить в укор им, ибо практическими делами народ выразил преклонение перед великим вождем, завещавшим созидать.

Приготовившись умирать, “призвал Йошуа весь Израиль, старейшин его, и начальников его, и судей его, и надсмотрщиков его” и огласил завещание народу своему. Он потребовал от людей прилепиться к Богу и совершенно отринуть веру в иных и ложных богов. И еще призывал он сынов Израиля не родниться с чужими народами, ибо “будут они для вас западней и сетью, бичом для ребер ваших и тернием для глаз ваших”. Ежели не последуют иудеи велениям сим, отвернется Господь от народа своего и не станет помогать ему и прогонять чужаков из земли Ханаанской. И еще немало других проникновенных слов прозвучало в устах уходящего вождя.

Через три с лишним тысячи лет после смерти Йошуа лучшие из лучших сынов Израиля клянутся исполнить его заветы. И пусть по прошествии еще трех тысяч лет, все так же, как и сегодня, горят сердца, и далекие потомки продолжают неуклонно шествовать к сияющей цели.